

ЛЕХАИМ

**ЯНВАРЬ
2006**

**ТЕВЕС
5766**

№ 1 (165)

сенате. Узнав об этой встрече, Алан Дершовиц направил Ребе письмо, в котором выразил недоумение, как вообще можно было принимать политика, не раз позволявшего себе антиизраильские и антисемитские высказывания. Спустя некоторое время он получил ответ: Ребе объяснил ему, что цель нашей жизни – не смотреть на то, что было, а делать так, чтобы в будущем стало лучше. Посмотрим через несколько лет, что стало с этим человеком, и тогда вернемся к вопросу, стоило ли с ним встречаться.

Тогда эти слова не слишком убедили профессора. Но прошло менее года, и сенатор Хелмс резко изменил отношение к евреям и их государству! Возглавив сенатский комитет по международной политике, он сделал много хорошего для Израиля.

После выступления Алана Дершовица ко мне подходили все раввины, прежде недоумевавшие по поводу моего поступка, и поздравляли: дескать, сам Ребе подтверждает, что ты был прав. Я, по правде сказать, не до конца в этом уверен: Ребе действительно видел, что будет через год-другой, я же не наделен таким даром. Но в чем я полностью убежден, так это в том, что даже если человек ошибается, наш долг дать ему возможность понять свою ошибку и исправить ее. А те, кто умеет только лишь осуждать действия других, напоминают мне горе-евреев, заявляющих, что они «евреи до тех пор, покуда в мире существует антисемитизм». Мы останемся евреями и тогда, когда не останется даже следа юдофобии! Само еврейство достаточно интересно и привлекательно, чтобы им гордиться, – в том числе встречаясь с людьми, весьма далекими от наших взглядов и нашей веры...

Áëàáí úé ðàààèí Ðíííè Ááðë Éàçàð

Времена, когда менора зажигалась в Скинии, а потом – во Храме, были временами материального изобилия. Так было, когда Израиль, ведомый Моше, странствовал по пустыне. Тогда евреям ниспосылалось всё, в чем имели они нужду: манна с неба была им пищей, воду давал чудесный источник Мириам, а одеяния всегда были чистыми и всегда под стать своему владельцу: как поясняет Раши, «облака славы снимали <пыль> с их одежд и очищали их, <так что они имели> вид одежд чистых <новых>. И так же, что до их детей: когда они росли, вместе с ними росла их одежда, подобно тому как облачение моллюска растет вместе с ним» (Раши на Дворим, 8:4).

И правление царя Шломо, во время которого выстроили Храм, было временем мира и процветания: «И сидели Иеуда и Исроэл спокойно, каждый под виноградной лозой своей и под смоковницей своей» (Млохим, I, 5:5).

Та эпоха, когда в Храме теплились огни меноры, была эпохой полноты. Последнее утверждение можно истолковать и применительно к духовному: когда человек свободен от материальных забот, он может всецело посвятить себя изучению Торы и исполнению заповедей, так что все его занятия будут носить духовный характер.

Обычай же зажигать ханукальные огни восходит ко времени, когда евреи только-только сбросили гнет Селевкидов, – времени скудости и крайнего напряжения физических сил. Это распространялось и на духовный уровень – мы помним, что даже неоскверненного масла нашли столь мало, что его никак не могло хватить больше, чем на один день.

יָאֵלֶּאֱלֹהִים יְצַאֵלֶּוּנְבִי יְבַדְּאֵנוּאֵי עַם נְאֻוֹאֵי

Различия, о которых говорилось выше, легко объяснимы. Эпоха материального процветания была благоприятна и для духовной жизни. Дело в том, что еврей с открытым и щедрым сердцем вовлекает окружающие его материальные сущности в свое служение Б-гу. При таких условиях нет нужды в самопожертвовании, духовный свет равномерно теплится – и нет нужды еще и еще зажигать огни, как нет нужды освещать внешнее пространство, ибо тьма не правит миром. В Храме горит менора – и мир проникнут светом.

Эпоха Хасмонеев была совсем другой – она разворачивалась на фоне жесткого конфликта с греко-сирийским миром, при этом внутри Израиля тлел еще и внутренний конфликт с евреями, вовлеченными греками в процесс ассимиляции. Часть евреев не питала никакого почтения к Храму, рассуждала о религиозной независимости и хотела встроиться в греко-сирийскую культуру.

В этих условиях необходимо было самопожертвование – только оно могло осветить наш путь. Именно в этом символическое значение ханукальных огней. Негоже освещать только дом – внешняя тьма легко может заполнить собою жилище, если ей не противостоять. Чтобы заставить ее отступить, нужно привнести свет в мир, но это – усилие. И мы зажигаем ханукальный огонь именно тогда, когда на землю опускается тьма: мы ставим этот огонь у двери, подчеркивая наше стремление и готовность принести во тьму – свет.

Своя символика заключена и в том, что с каждым днем Хануки мы прибавляем по одному огню: мы подчеркиваем наше стремление избежать духовного соскальзывания вниз – или самодовольного пребывания на уже достигнутом духовном уровне. Единственный же способ уйти от этого – постоянно восходить выше и выше, нести всё больше и больше света.

יְנַאֵוֹאֵבֵב וּוִיֹּו

В те времена, когда подступает духовная тьма, нельзя поддаваться страху, нельзя позволить тьме одержать победу. Наоборот, она должна побудить нас к тому, чтобы проявилось такое наше качество, как самопожертвование, чтобы мы все свои силы отдали попытке развеять мрак вовне.

Каждый день мы прибавляем по огоньку. Мы подчеркиваем тем самым, что не удовлетворены количеством огней, зажженных накануне. Каждый день мы делаем большее усилие. Сегодня – один огонь, завтра – два, потом три и так далее. При этом недостаточно просто осветить дом – глядишь, чуть светлей станет и на улице. Задача состоит в том, чтобы внести свет – вовне, именно на это должны быть направлены наши усилия.

Более того, эти усилия обретают смысл лишь тогда, когда в их основе лежит самопожертвование, стремление перейти границы, положенные каждому от природы: так, благодаря чуду малая толика масла могла гореть несколько дней. И неважно, что окружающие порой видят в этом стремление «прыгнуть выше головы», единственное, что должно нас волновать, – как выполнить задачу, возложенную на каждого из нас Создателем. Ведь каждый еврей должен помнить, что он – «посол» Б-га, «эmissар», посланный «воспламенить» материальные аспекты окружающего его малого мира, покуда весь он не озарится светом.

Эта цель достижима лишь тогда, когда мы сосредоточены не на прошлых наших свершениях, а на том, что каждый новый день требует больше света, чем вчерашний. Знание о прошлом необходимо, но это – знание точки отсчета: насколько больше должно быть наше сегодняшнее усилие по сравнению со вчерашним.

Когда еврей действует, преисполненный самопожертвования, вне мысли о своих прошлых достижениях, – с ним пребывает Б-жественная уверенность, что воля его исполнится. Свет во тьме будет прирастать, покуда тьме не будет нанесено окончательное поражение. Тогда мы принесем чистое освященное масло, чтобы затеплить менору в Бейс а-микдаш, который вскоре будет воздвигнут заново – возможно, еще в наши дни.

ÁÁÑBÓĬÁ × ÈÑÈĬ Ĭ ÁÑBÓÁ ØÁÁØ-ÁĬĬ Ú Ĭ Ĭ ÁĬ BØÈ DÁÁÁ ÈĬÑÁØÁ-ÈØØĬÈÁ ØĬÁÁBÑĬÁ

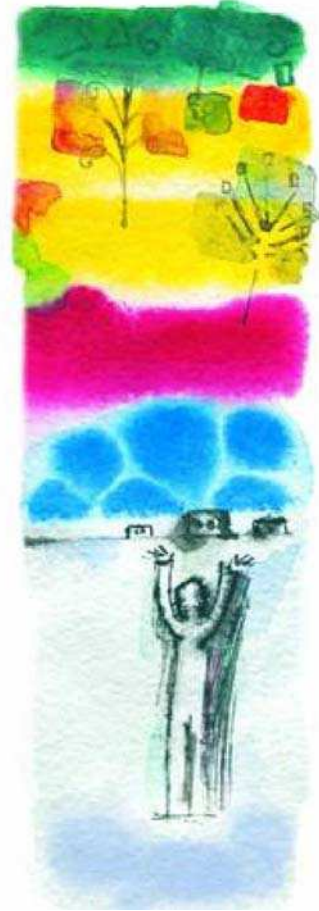
Ĭéæá ĬðéáĬæòĬŷ òðáá áĬò ĬæĬĬðá, ðáñæáñéĬá æéñéðĬá, ĬðéçĬáñĬĬĬá Dááá á áñáñæĬéó èĬðáéó áá òáĬŷ, òáñðĬá Èþááæ-ñéĬá Dááá ĬĬ ñòè, ÷òĬ áúèĬ ĬáðáĬá ðáñæáñéĬá ĬáðáñáĬéá Dááá Ĭ áĬáðáá Ĭ-Ĭ áĬæá ØĬááðĬĬá á ðñè èèááðá ááææáĬ èŷ Øáááá

Á ñáĬá ĬáðáñáĬéè ĬĬ ĬðéáĬæò Ĭ ĬáĬĬáðáçĬúá ĬðéĬ áðĬ èþááè è ñáðáçĬŷĬ, Ááááá ÈñĬŷè, Ĭòèè-ááæáè ðáááè ÈĬñáØÁ-ÈØØĬÈÁ Dááá ðéçĬúáááð Ĭá Ĭðè-èĬú, ĬĬáúæáæéá áá çŷðú Ĭá ñáŷ ðñèú ðáñæáñéĬá èèááðá, èáñŷŷŷ Ĭò-áñè, ñáĬáá ñòðáĬ èáĬèŷ Ĭðéááðú ááðáñéĬé æéçĬè áĬèúèè æéĬáĬ èçĬ, èĬðĬðé ĬĬ ñáŷçúáááð ñ áĬçáðáñáĬéáĬ è òðááèèèŷĬ ØĬðú, èñĬéĬáĬéáĬ çáĬĬáááè è èĬĬááĬ òðááèáè áñèèè Ĭá òĬĬ, ÷òĬáú Ĭðéáéèèèú ĬðéðĬá Ĭ Ĭæááá

Ĭ ú çŷèè Ĭá ñáŷ ñá æĬñðú ĬðéáĬáñè á èçĬéáĬúá Ĭéæá èñðĬðè ááðáèè, èĬðĬðú Dááá áááá èñĬéñŷ, ĬĬ èĬðĬðá èçáñðĬú ĬĬ áðááĬ èñðĬ-ĬééáĬ.

ÑÈĬÁĬ È-ÁÁBÍÈÁ

Ребе, мой тесть, как и все лидеры движения Хабад, всегда стремился блюсти и исполнять заповеди, вершить добрые дела – именно это отличает хасида. Разве не сказано об этом у мудрецов в комментарии (Шмойс Раба, 30:9; Иерусалимский Талмуд, Рош а-Шона, 1:3) на стих псалма: «Изрекает Он слово Свое Якову» (Теилим, 147:19): «То, что Он делает, Он возвещает Израилю, чтобы тот исполнил и внял; и то, что Он заповедал Израилю, то Он исполняет Сам». Точно так же: какой бы степени погруженности в Тору и заповеди ни ждали лидеры движения Хабад от своих последователей, примером для них были прежде всего сами лидеры. Они открыли нам свои деяния, чтобы пробудить в нас силу на свершение таких же действий и тем самым облегчить затруднения, с которыми мы сталкиваемся.

Всё это явлено в заповеди Аавас Исроэл. Существует множество преданий об исполнении этой заповеди лидерами движения Хабад.

Так, рабби Шнеур-Залман из Ляд однажды прервал молитву в Йом Кипур: он снял талис и отправился на окраину города, с тем чтобы приготовить еду и питье для женщины, которая недавно родила и при этом рядом с ней не оказалось никого, кто бы позаботился о ней. Нет нужды говорить о величайшем значении молитвы рабби на Йом Кипур, однако он отложил молитву, чтобы исполнить заповедь о добрых делах для соплеменницы.

Также известен рассказ о том, как однажды к рабби Довберу пришел хасид, испросил личной аудиенции и с глубокой горечью признался в некоторых недостойных поступках. Рабби Довбер обнажил руку и показал ее пришедшему. «Видишь, как сморщилась кожа на руке? Причиной тому – прегрешения твоей молодости». Духовное величие рабби столь велико, что нет нужды напоминать о нем, и так же очевидно, сколь далек он был от той низменной реальности, в которую погрузился этот хасид. Но узы, связывавшие рабби с учениками, были столь глубоки, что их неподобающее поведение подтачивало его здоровье – настолько, что кожа его ссыхалась и покрывалась морщинами.

Как-то в среду, в двадцатый день месяца элул, рабби Менахем-Мендл, Цемах Цедек, шел в синагогу на утреннюю службу. По пути ему повстречался реб Пинхос, любавичский еврей, и попросил три рубля в долг, чтобы он мог купить на рынке товар, перепродать его, а с полученной выручки купить продукты для Шабоса. Цемах Цедек согласился дать в долг и сказал, чтобы реб Пинхос зашел за деньгами к нему домой после утренней молитвы.

Цемах Цедек уже надевал талис и готовился к молитве, когда еще раз задумался о просьбе реб Пинхоса и вспомнил, что среда – рыночный день, а торговля на рынке начинается рано. Он осознал, что реб Пинхос нуждается в деньгах сей же час. Тогда Цемах Цедек снял свой талис, пошел домой, взял пять рублей и дал их реб Пинхосу, чтобы тот мог заработать на хлеб насущный. Только после этого Цемах Цедек вернулся к молитве.

Известно, что рабби Шмуэл, Ребе Маараш, чрезвычайно ценил время. Даже говоря с братьями-хасидами, он старался быть краток, и бывало, что его утренние молитвы заканчивались очень рано. Несмотря на это, однажды он отправился в дальнее путешествие и потратил на поездку немало времени, чтобы помочь одному-единственному человеку.

Ребе отправился в Париж, в сопровождении двух секретарей: рабби Левика и рабби Пинхоса-Лейба, а также двух зажиточных купцов – Моненсона и Берлина. Когда они добрались до Парижа, рабби Ишаяу спросил о цели, которую преследует эта поездка. Ребе ответил, что намеревается остановиться в гостинице «Александр», где селились аристократы и особы королевской крови. При этом Ребе добавил: «Вы – люди застенчивые и не говорите по-французски. Говорить за вас буду я».

В гостинице Ребе попросил апартаменты из нескольких комнат. Портье ответил, что у них есть апартаменты, где могли бы поселиться приехавшие, стоимостью 200 франков в день. На это Ребе заметил, что им нужны не просто апартаменты, но апартаменты на том же этаже, где расположен игорный зал. Такие апартаменты тоже нашлись, но стоили они очень дорого. Ребе Маараш взял трехкомнатный номер: одна комната предназначалась для него, одна – для рабби Левика и одна для рабби Пинхоса-Лейба. Что до Берлина и Моненсона, они остановились в другой гостинице, неподалеку.

Через несколько часов Ребе зашел в один из игорных залов. Он сел за стол, где некий молодой человек играл в карты, потягивая вино из стоящего перед ним бокала. Ребе Маараш тронул молодого человека за плечо и сказал: «Юноша, нам запрещено пить некошерное вино. Некошерное вино заставляет сердце черстветь, а ум – притупляет. Будь евреем!» Затем, пожелав юноше доброй ночи, Ребе Маараш поднялся, собираясь вернуться в свои апартаменты. При этом он был очень

взволнован. Позже Берлин вспоминал: «Я никогда не видел Ребе Маараша таким возбужденным, как в тот раз».

В то время еще не было лифтов, и в гостинице, где остановился Ребе, гость, которому надо было подняться наверх, садился в холле на специальный стул, и коридорные несли его по лестнице. Выйдя из игорного зала, Ребе, как бы по рассеянности, опустил на один из этих стульев. Только когда коридорные подняли стул и хотели нести его наверх, Ребе «вспомнил», что он остановился на этом этаже, а не выше, извинился за рассеянность и прошел в свои апартаменты.

Прошло еще несколько часов, и юноша, игравший в карты, принялся расспрашивать: кто этот человек, подсевший за его стол во время игры? Ему сказали, что он живет на том же этаже. Юноша зашел к Ребе, и они проговорили несколько часов. На следующее утро Ребе съехал из гостиницы и покинул Париж.

Позже, по другому случаю, Ребе сказал, что такая чистая душа, как этот юноша, не сходила в мир уже очень давно. Но она оказалась ввергнута в глубины порока, и необходимо было раскаяние, чтобы она вырвалась оттуда. Действительно, позже этот юноша стал главой очень благочестивого семейства во Франции.

Наконец, еще одна история. Только-только став во главе Любавичского движения, рабби Шолом-Довбер, пятый Любавичский Ребе, объявил: ему необходимо отправиться в Москву, чтобы добиться смягчения недавно принятого закона, ухудшившего положение евреев в России. Старший брат Ребе предложил свою помощь: «Твое время так дорого, и ты не говоришь по-русски. Я готов отправиться в эту поездку и действовать в Москве как твой эмиссар, строжайшим образом соблюдая все твои указания». Ребе отказался от этого предложения, поехал в Россию сам, и его миссия прошла успешно.

עֵי אִי יוֹי וְאִי יוֹי וְאִי יוֹי וְאִי יוֹי

Множество историй такого же рода связаны с Ребе, моим тестем. Его деятельная доброта побуждала его принимать участие в судьбах множества отдельных людей – это было участие и духовное, и материальное. При этом он часто готов был забыть о собственных интересах и нуждах, лишь бы оказать помощь ближнему. Порой эти ближние находились на совершенно иной, очень низкой ступени духовного развития. Но именно эта открытость навстречу другому требуется от каждого из нас. Авраам, первый еврей, думал не о себе – он не искал для себя ничего. И в этой открытости миру главное вовсе не самопожертвование. Авраам просто странствовал среди людей, ничего не ведающих о Б-жественном, и учил их «призывать имя Б-га» (Брейшис, 21:33; Сотя, 10а).

Каждому из нас нужно знать: если он полагает для себя возможным «призывать имя Б-га», то должен вдохновлять на это и других. От него не требуется дать другому знание, все, что нужно, – это пробудить в другом жажду взывать к Всесоздателю. Человек может абсолютно ничего не знать о сущности мироздания, но всё, что нужно человеку, – взывать и еще раз взывать... Ведь Б-жественность и мир – одно целое, Б-г каждое мгновение вдыхает в мироздание жизнь, и тем держится мир.

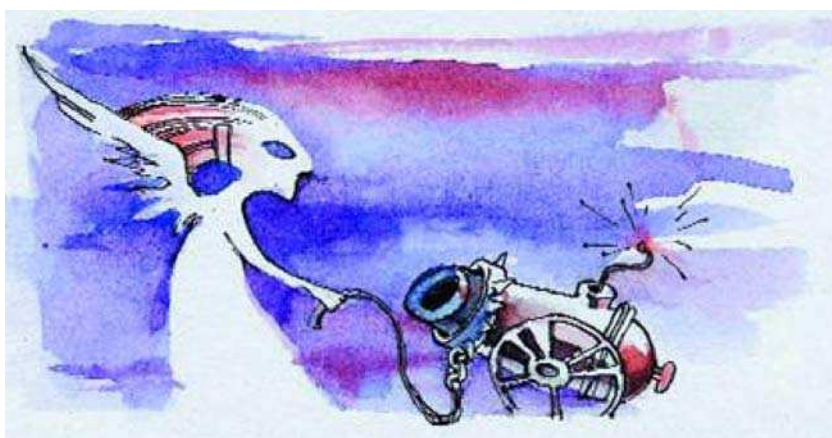

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2006 ТЕВЕС 5766 – 1 (165)

РАДИКАЛИЗМ СЕГОДНЯ

Симон Джекобсон

Санкционированный фанатизм достиг невиданного размаха. В Торе рассказывается о знаменитом Пинхасе: он восстал против откровенных злодеяний, убил преступников и тем самым спас тысячи жизней. Потом Г-сподь вознаградил его «заветом мира».

Чему нас учит этот рассказ? Как нам относиться к современному фанатизму и его угрозам? Разве мало уроков преподала нам история на тему страшных убийств, совершенных религиозными экстремистами во имя Б-жие?

Новая серия взрывов прогремела в Лондоне.

Очередная машина взорвана в Ираке (остались ли вообще какие-то машины в Багдаде?).

Израиль на пороге гражданской войны. Еврей ополчается против еврея, а арабы усмеваются.

Растущее мусульманское население постепенно меняет облик Европы и мира.

Большинство из нас безмятежно спит, предаваясь снам в летнюю ночь.

Некоторые горюют о потере близких. Другие танцуют на свадьбах своих детей.

Циники находят всему этому удобное объяснение, приводя мудрые слова Шломо: «Поколение уходит, и поколение приходит, а земля пребывает вовеки... Что было, то и будет, и что творилось, то и будет твориться, и ничего нет нового под солнцем».

Да, так бы и нам пребывать благополучно в мире грез! Но стоит лишь копнуть, и мы сразу поймем, что под нами – кипящий котел.

Градус насилия повышается. Миллиард с лишним мусульман не собираются почтительно ожидать, пока Америка продаст им «кока-колу» и биг-маки (даже сделанные из мяса халяль). Мусульманский мир введом собственной философией и страстной верой. Многие его идеи вполне

благородны и поэтому привлекательны. При всех нынешних искривлениях и насилии справедливо признать, что в основе мусульманской веры – библейская Б-жественная весть, возвышающая и одухотворяющая материальный мир.

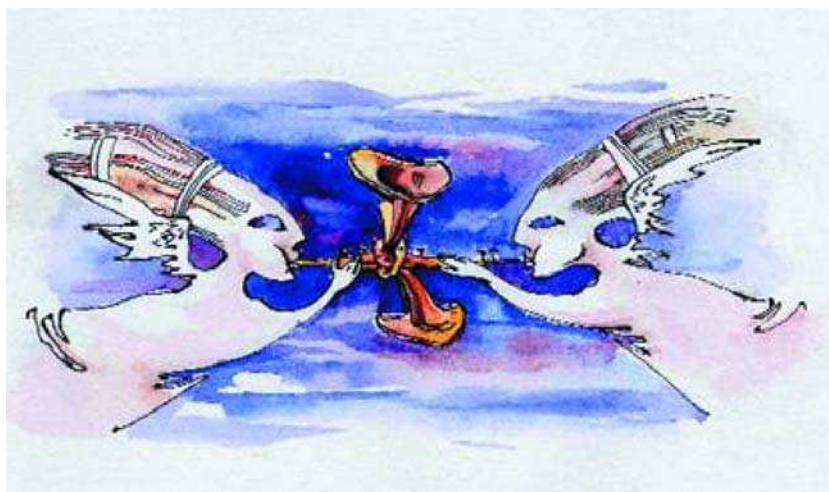
Однако же, как и все вероучительные системы, ислам не лишен питательной среды для радикализма. В своей крайней форме такой радикализм представлен мощным движением (никто не знает, сколько в нем членов, но многие влиятельные и богатые мусульмане состоят в нем), которое ведет жестокую борьбу с западным секуляризмом. В христианском и еврейском влиянии эти люди усматривают растлевающую силу, которую следует уничтожить.

Легендарный исламский интеллектуал Саид Кутб (казненный Насером в 1966 году), один из отцов современного мусульманского фундаментализма, в своих многочисленных трудах подводит философскую базу под войну ислама против западного секуляризма: «Если обратиться к корням и основам нынешнего образа жизни, то станет ясно, что весь мир погряз в джахилии (языческое неведение Б-жественной воли); никакой материальный комфорт и никакие высокие изобретения не преуменьшают этого неведения». Или в другом месте: «Человечество должно обрести новых лидеров... Важно, чтобы новые лидеры сохранили и приумножили материальные плоды европейского творческого гения, но также явили бы человечеству пока еще скрытые для него высокие идеалы и ценности, указали бы образ жизни, который гармонировал бы с человеческой природой, нес в себе позитивное и конструктивное начало, был бы реалистичен. Единственная система, которая отвечает всем этим ценностям и образу жизни – ислам».

Пусть вас не вводят в заблуждение теоретические выкладки. Кутб призывает к революции, чтобы покончить, и при необходимости насильственным путем, с джахилией.

Это не означает, что все мусульмане рассуждают подобным образом. Но не надо допускать ошибки, полагая, что мусульманскому миру свойственно безразличие. Мусульмане глубоко и страстно верят, и не откажутся от своих верований (собственно, и не обязаны отказываться) лишь потому, что они не нравятся западному миру.

Такие верования – рассадник радикализма, который неизменно порождает тысячи преданных последователей. Они готовы жертвовать своей жизнью в джихаде против мира, который, на их взгляд, враждебен Б-гу.

Никто не хочет признавать этот факт, потому что тогда нам предстоит вступить в слишком трудную борьбу. Западный мир избалован комфортом – как он сможет противостоять ярости тысяч религиозных фанатиков?

Пинхас дает нам убедительнейший ответ на этот вопрос. В Торе ясно высказывается отвращение к терроризму. Когда Авраам узнает о скорой гибели грешного Содома – скопища всевозможных преступников – он не радуется этому и не принимает участия в истреблении Содома, хотя сам Б-г повелел истребить город. Напротив, он умоляет Б-га пощадить людей. Точно так же поступает Моше, когда евреи сооружают золотого тельца и нарушают запрет на идолопоклонство, только что провозглашенный на Синае. Моше настаивает, чтобы Б-г простил их. В конечном счете через восемьдесят дней он добивается своего,

апеллируя к тринадцати Б-жым атрибутам сострадания и открывая дверь тшуве (возвращению) всех душ – высшей силе самого святого дня в году, Йом Кипура.

Тора исполнена любви и сострадания. В этом суть Торы, которую сформулировал рабби Акива: «Люби ближнего, как самого себя». По словам Гилела, «в этом и есть вся Тора; всё остальное – комментарий». Разумеется, Тора предупреждает об опасности быть «религиознее» Б-га и категорически предостерегает против проявлений агрессивности, якобы «санкционированных Торой». «Чтобы установить мир между мужем и женой, да сотрется Имя Мое, написанное в святости», – говорит Б-г. Вера не может быть использована в качестве оружия. Б-г никогда и никого не призывал организовывать «толпу линчевателей» и убивать неверных. Когда море поглотило египтян в наказание за их преступные деяния, Б-г упрекнул ангелов, славящих это событие: «Мои творения тонут в море, а вы поете?!»

Царь Давид вел справедливые войны, но ему не было разрешено построить Святой Храм: на его руках была кровь. Поэтому Храм построил его сын, Шломо, который был мирным человеком. В Талмуде рассказывается, что Сангедрин называли «кровавым», если смертный приговор выносился хотя бы раз в течение семидесяти лет! И такое название давалось не потому, что мудрецы были пристрастны или продажны, а чтобы подчеркнуть: смерть ужасна, даже если она оправдана законом.

История с Пинхасом является единственным позитивным примером санкционированного фанатизма. Почему в Торе прославляется пример такого фанатизма, несмотря на то, что его неверная интерпретация может привести к опасным последствиям?

Ответ содержится в следующем стихе: «Пинхас, сын Элазара, сына Аарона-священнослужителя, отвратил ярость Мою от сынов Израиля тем, что возревновал Моей ревностью среди вас, и не истребил Я сынов Израиля ревностью Моей».

Дополнительное упоминание деда Пинхаса, первосвященника Аарона (а не просто обычное «Пинхас, сын...»), призвано подчеркнуть особые черты Пинхаса. Аарон был человеком любви и мира. Мишна увещевает нас: «Будь среди учеников Аарона, люби мир и добивайся мира, люби все творения и приближай их к Торе».

Если бы Пинхас был агрессивен по природе, если бы он был сторонником религиозного радикализма, то это сулило бы беду. Пинхас же – человек мирный, спокойный. И даже этот акт фанатизма был направлен не на убийство, а на защиту невинных людей от убийства. Когда Пинхас увидел, что люди погибают вследствие творимых народом злодеяний и той скверны, что принес с собой Зимри, он восстал против собственной спокойной натуры, ради служения Б-гу и спасения жизней. Он был движим бескорыстием, а не личными предубеждениями. Стоит лишь проявиться личным интересам и склонностям, как человек перестает быть фанатиком.

Агрессию проявлял как раз Зимри из дома Шимона – того самого Шимона, которого Яков упрекал за жестокость и необузданность.

Пинхас преподносит нам важнейший, поистине бесценный урок.

Наша сегодняшняя ошибка – в двух крайностях: религиозном радикализме и абсолютной вседозволенности. Фактически две эти позиции подпитывают одна другую, тесно сближаясь между собой. Брань, раздававшаяся многие годы в адрес религии, породила мгновенную негативную реакцию на всё, что «попахивает» религиозным фанатизмом или навязыванием религиозных взглядов. Если даже такая реакция вполне понятна, она не становится от этого верной: нередко реакция на нездоровую ситуацию сама может быть нездоровой.

Но что еще хуже фанатического нравственного релятивизма (порожденного религиозным фанатизмом) – так это пассивное безразличие, а то и радикальное безразличие (если таковое возможно). Есть хороший пример. Один парень спросил приятеля: «Что хуже, невежество или безразличие?» – а тот ответил: «Не знаю, мне это безразлично».

Глубокое безразличие – причем достаточно незаметное – это результат схватки обеих крайностей. Кто-то называет людей, которым свойственно подобное безразличие, «молчаливым большинством», кто-то – «невежественной массой» («ойлем Гойлем» на идише). Говорят также о немалом

количестве людей, которые живут в состоянии «тихого безумия». Добавим сюда циников, ссылающихся на рефрен из Екклезиаста: «Ничего нет нового под солнцем»...

Но приходит мирный человек Пинхас и говорит, что есть иной выбор: никаких крайностей, никаких собственных предубеждений, никакой агрессии и безразличия, никаких зон насилия или комфорта. Пинхас учит нас простой самоотверженности – ради защиты и спасения невинных людей. Фанатическое рвение – но мирное.

Б-же вас сохрани представлять историю с Пинхасом как пример агрессии и насилия во имя религиозной веры! Самозащита и защита других людей – это совсем другое дело! Если вы остаетесь спокойным, видя, как убивают других людей, то вы – не мирный человек. Вы просто трус.

Поступок Пинхаса – это нечто прямо противоположное убийству из религиозного фанатизма. Насилие над другими людьми, тем более невинными, терпеть нельзя, чем бы оно ни было вызвано. Оправдание насилия, во имя ли религиозной веры или по иной причине, достойно осуждения и противоречит законам Б-жым. Ненависть и убийство, проистекающие из религиозного чувства, – наверное, самое опасное явление, потому что «святая война» лишь маскирует личную агрессивность.

Некоторые известные писатели заявили, что терроризм в Израиле оправдан, поскольку там эти действия преследуют определенную цель, а вот в Лондоне терроризм никак нельзя оправдать. Смешно, если бы не было так трагично, предполагать, что в одном случае терроризм приемлем, а в другом – нет. Это как если бы кто-то мог «понять» зверства нацистов против евреев, но не против американцев... Если жестокий терроризм «приемлем» (точнее, «понятен, хотя и достоин осуждения») в Иерусалиме, то он становится «приемлем» в любом другом месте, и отсюда лишь шаг до насилия в Лондоне, Париже, Москве, Нью-Йорке и Пекине.

Нацистский террор предельно ясно показал: несправедливость в одном месте – это несправедливость повсюду. Ненависть к одному народу – это ненависть ко всем народам. И самый большой урок: безразличие к насилию и жестокости, проявляемым по отношению к одной группе людей, – это безразличие к насилию против всех. Здесь мы неразделимы – для добра и зла. Лучше всех об этом сказал Черчилль: «Миротворец кормит крокодила в надежде на то, что крокодил съест его последним».

С другой стороны, Пинхас учит нас: если религиозная вера употребляется во зло и служит оправданием жестокости, то не следует впадать в противоположную крайность и отказываться от защиты любых ценностей. Мы по-прежнему должны различать добро и зло, уроки прошлого должны научить нас борьбе самоотверженной, но не жестокой.

Мы являемся свидетелями масштабного противостояния религиозного и светского. Борьба на Ближнем Востоке, распространяющаяся на Азию, Африку и Европу, лишь усиливается. 11 сентября напомнило Америке, что в мире действуют разрушительные силы.

Хотя и в меньшем масштабе, подобное противостояние назревает в Соединенных Штатах. Идут ли споры об эволюционизме и креационизме, праве на жизнь и смерть, абортах или запрете на вывешивание Десяти Заповедей в классах – всё это продолжение долгой истории борьбы за первенство между религиозным и светским.

Как некогда было сказано, «призрак бродит» по миру. Но призрак не коммунизма, а заключения мира с Б-гом, которое должны совершить люди. Такое время рождает лидеров. Необходимо новое видение. Или же нужно еще раз открыть для себя вечное, вневременное видение?

Что нам действительно нужно – так это страсть, но проникнутая смирением. Нам нужен Б-г – проникнутый любовью и состраданием. Насилие, охватившее мир, дает невиданную доселе возможность выйти из самодовольной спячки и вступить в фанатическую битву за правду и справедливость.

Нам нужен сегодня фанатизм! Но не фанатизм смерти, а фанатизм мира. Нужен истинный Пинхас, который поднимется и бросит вызов привычному мышлению.

Мы призваны собрать все силы в фанатической и страстной борьбе против всех форм экстремизма и насилия, в том числе тех, что опираются на религиозный фанатизм. Чтобы противостоять страсти обманутых душ, готовых взорвать себя, нам нужно фанатически отстаивать и утверждать Б-жественные принципы справедливости и мира – в духе единства и любви, питаемой самоотверженностью.

Народам мира, религиозным сообществам всей земли необходимо фанатическое единение, чтобы вместе громко заявить: мы не потерпим и не примем насилия ни в каком виде – ни в Иерусалиме, ни в Лондоне. Религиозная вера должна быть направлена не на ведение войн, а на утверждение духовных ценностей, на установление законов, отстаивающих права человека и сохранение его индивидуальности в многообразном мире. Нам нужно потребовать от исламского мира – а также от мира христианского, еврейского, от приверженцев всех религий и конфессий – руководствоваться принципами, установленными Авраамом, отцом всех народов, чтобы утверждать глубочайшие ценности чести и достоинства. Борьба с языческими силами нашего мира – но не посредством насилия, а распространением света и тепла.

ЕЩЕ ОДИН ГОД ПРОШЕЛ...

Леонид Радзиховский

Не знаю, многие ли из читателей «Лехаима» отмечают еврейский Новый год, но уверен, что почти все отмечают Новый год «русский», т. е. общегражданский. Поэтому «подведение итогов года» кажется мне вполне уместным.

Не знаю только, как подобрать в этом «подведении итогов» именно «еврейский акцент». Его, с моей точки зрения, нет в российской политике. Евреи настолько глубоко интегрированы в русскую культуру (политику, социальную жизнь, экономику и т. д.), что вычленив какую-то особую политику в отношении именно евреев просто невозможно.

Да, в начале 2005 года Путин произнес в Освенциме слова про антисемитизм («ему тоже стыдно за антисемитизм»), тут же, чтобы зря не стыдился, последовало письмо сумасшедших депутатов с требованием «запретить еврейские организации». Ну, скандал погорел-погорел и затух...

Какие были еще «остро-еврейские» темы? Да вроде и не было таких.

Ситуация с антисемитизмом, с положением евреев определяется только общей картиной. Национализм, уровень демократии, про/антизападная политика власти – вот что имеет решающее значение для евреев.

По всем этим вопросам подвести четкий баланс и выставить «окончательный итог» я бы, по совести, не рискнул. Конечно, легче легкого кричать про «растущую фашизацию России», про «Веймарский сценарий» – но картина далеко не так однозначна (может быть, правда, и в Германии 1928–1929 годов картина казалась куда как сложной).

Несомненно, уровень национализма в России растет – та же прямо-таки наливающаяся соками «Родина», ее успехи являются хорошим индикатором. (И не стоит «утешаться» тем, что он направлен больше против кавказцев. Любой национализм в России всегда ведет к антисемитизму – тут вариантов нет.) Но ведь в нашей стране всё определяет только Кремль. «Я тебя породил – я тебя и убью». И похоже, что эта формула в отношении г-на Рогозина начинает действовать – во всяком случае, отстранение от выборов в Москве для него крайне неприятный звонок. Если «Родина» сдуется (как сдулась когда-то ЛДПР, превратившись в откровенно торговую фирму, как сдулось РНЕ), то это лишний раз доказывает: власть твердо контролирует ситуацию. Газ/тормоз – всё у Администрации «в ногах».

Но, может быть, еще важнее – внешняя политика.

Тут тоже всё не так однозначно, но всё-таки, несмотря на зигзаги, общая линия прочерчивается более определенно.

Очевидный антизападный крен. Продажа оружия Ирану, политическая защита того же Ирана в ООН, бесконечные заигрывания с Китаем (подтекст – вместе дружить против США), утомительно-параноидальная «леонтьевщина», нудные проклятия в адрес США стали общим местом на злосчастном российском ТВ. И почти никаких движений (кроме протокольных встреч с Кондолизой Райс и т. д.) – с противоположной стороны.

В России очень часто внешняя политика тащит за собой внутреннюю, хотя в норме должно быть ровно наоборот. Если глупейший, абсолютно иррациональный антизападный крен (больше всего похожий на желание мальчика привлечь внимание девочки, дергая ее за косички) российской политики будет продолжаться, то мы рискуем, что под этот антизападный психоз с великой охотой подстроится и внутренняя политика.

Тем более что хоть у нас (к счастью?) и нет демократии, но настроения народа власть всё равно должна учитывать. Настроения такие: Квачкова едва не выбрали депутатом просто за то, что он хотел убить Чубайса!

Это не добавляет новогоднего оптимизма (кстати, евреи могут гордиться: львиная часть самых отможенных «ТВ патриотов/антиамериканцев» – Леонтьев, Гордон – «из наших»). Что ж, «наш брат» всегда впереди на лихом коне – то либерал, то антилиберал...). Вместе с тем я бы и тут не спешил ставить «окончательную» отметку. Не забудем, что в 2001–2003 годах Путин проводил как раз значительно более проамериканскую политику (даже чирикали про «стратегическое партнерство»). Кончилось. Так почему не считать, что и этот «антиамериканизм в стакане воды» тоже кончится, развернется в противоположную сторону?

Ясно одно. Безнадежно-вязкий нефтедолларовый застой – вот это, кажется, бесспорно. Политики – нет, одно шутовство и «пиление бабок». Оппозиции – нет, «партии власти» – нет. Как говорил Булгаков, «что ж у вас, чего не хватишься, ничего нет?» Неправда. Есть. Высокие цены на нефть. И все сходятся в одном – пока они стоят, нам никакие глупости власти не страшны. А когда упадут (ну, случится же это когда-то!) никакие «умности» власти тоже не помогут, будет мощный социальный кризис. Только хотелось бы, чтобы он не совпал со сменой власти-2008 и не обернулся кризисом системным...

Системный кризис – штука действительно опасная (простейшая и кошмарная аналогия – кризис в Германии 1929–1933 годов. Конечно, этого не будет, но я же говорю – аналогия). Некоторые «демократы» (Березовский, Невзлин) явно на него рассчитывают – давить бумагу надо по сгибу, а «сгиб» будет в 2008-м. Тут можно и на Кавказе «посветить огнем»... Много чего можно – было бы желание...

Вот такие мысли на Новый год. Но – не будем расстраиваться! Страшен сон, да милостив Б-г!
Лехаим!

КРАСНОЯРЕЦ! АУ!

Ἰὸ ἐδῦοῖ ἁ ἱ ἐνῦῖ ἱ ἁ-ἱ ὀ ἀόβῖ ἀνῆῖ ἱ ὀ

Давид Маркиш

Почему я прибег к такой форме ответа, как «открытое письмо»? Разъясняю: упомянутый г-н Буровский, красноярец, в своем двухтомном сочинении «Евреи, которых не было» пишет: «Кто это у нас тут собирался стоять в почетном карауле у изголовья России? Господин Маркиш, ау!» Клич, как видите, обращен лично ко мне, а не к другим евреям, которых, оказывается, не было. Я услышал и вот отвечаю – а иначе мое молчание могло бы быть истолковано как результат дурного воспитания, полученного в отрочестве, в советской ссылке, в отдаленных краях под общим названием Куево-Кукуево.

Итак, красноярец, мое предвидение, назовем это так, запечатленное в 1957 году в поэме «Синий крик», сбылось, и я постоял, где хотел – в изножье развалившейся империи Джугашвили:

- Ἐἴ τῆς σῆς ἱ ὀ ἀὸ ἐδῦῖ ἱ ὀ ἐδῆ ἱ ἁ ἁῆ,

ἱ ἱ ἀῖ ὀ ἁῖ ἱ ὀ ἀῖ ἁῖ ἁῖ ἁῖ

ἁ ἱ ἱ-ἁ ὀ ἱ ἁ ἁῖ ἁῖ

Вы, сколько можно понять из вашего текста, тоже не шибко жаловали большевиков с их красными тряпками. Чем же вы так опечалены? Осенью 1917 года свора преступников учинила переворот и захватила власть в России. Среди них были и преступники-евреи, к которым я не имею ни малейшего отношения – точно так же, как, скажем, к тем, кто способствовал казни Иисуса из Назарета. Зато в начале 1970-х, принимая участие в еврейском национальном движении за репатриацию, я по мере сил

способствовал расшатыванию ненавистного мне – и вам, красноярец! – бесчеловечного большевистского режима.

Среди тех, кто привел к крушению «народную власть Советов», оказалось немало моих современников и сверстников – азиатов, евреев, прибалтийцев, кавказцев. СССР был «родиной ста народов». И «дети разных народов» с радостью потянулись закрывать глаза коммунизму. Русские люди в этом деле не собирались отставать, они натерпелись от режима не менее прочих... Кстати, г-н Буровский, вы забыли привести последнюю строчку цитируемого вами (с ошибками) стихотворения:

- Í î çîàþ: íá ðáÿí óò íáñò ÿÿùèõ

Í ðîðéíá ðáÿíèõ áéííá

Подчеркиваю: русских, а не российских. И потомкам судить, кто сохранится в этом ряду: Андрей Сахаров, Александр Солженицын или Борис Ельцин. Или – по широте русской души – все вместе.

Итак, вам не нравятся мои ранние стихи. Воля ваша! Мне они тоже не очень нравятся. Вам не нравится вот это, цитируемое:

- В ááðþ î íáñ ñíáò Ñéíáÿ,

Í íáñ ÷áé ááÿÿ éíúì ðáíéíì ñáñò.

Í áñòú ðáÿíèé éþá áááò òðíá èíáÿ -

Áí èõ ñéáÿí ñéõ ááé íáí ááéá íáò.

Я и сейчас, более полувека спустя, так думаю. Подавляющее большинство евреев России не желали ассимилироваться «по всем правилам» и испытывали оттого национальный «дискомфорт». Но встречались и ассимилировавшиеся. Б-г им судья. Б-г, красноярец, а не мы с вами! Двести лет, прожитые евреями в России, – это не двести лет вместе, а двести лет врозь. Евреи за два тысячелетия нигде толком не укоренились – не то что за два века. Лишенные национальной территории, они приходили и уходили, оставляя после себя могилы да обрывки воспоминаний. Вы читали кое-какие мои книжки, помимо самиздатских стихов. Может, обратили внимание на подзаголовок к роману «Шуты», роману о евреях при дворе Великого Петра? «Хроника из жизни прохожих людей» – так он звучит. Так вот, мои племенные, как вы выражаетесь, сородичи как были, так и оставались прохожими людьми в чужом им мире – вплоть до того дня, когда возникло в песках подмандатной Палестины государство Израиль, наш Национальный Дом.

На протяжении целых двух томов вы не устаете удивляться тому, что нас влечет в Израиль – в эту, по вашему убеждению, глухую провинцию, в опасные к тому же края, где могут и пристрелить за милую душу. Вам почему-то не приходит в голову, что человек, «хучь еврей, хучь всякий» (как пишет столь нелюбимый вами Исаак Бабель), стремится жить на своей земле, на родине (прошу не путать с местом рождения – это не одно и то же). Израиль и есть моя родина, и пустыня Негев нравится мне больше, чем красноярский березняк, или ельник, или что там еще у вас растет. А вам же, конечно, по вкусу ваш пейзаж, вы любите побродить с ружьишком по берегу реки, поглядеть на волчьи следы на влажном песке. Вот и хорошо...

А вот это уже не слишком хорошо с вашей стороны: «Ох, чья бы корова мычала, скромно пописывающий господин Маркиш! Сравнили бы вы тиражи собственных книг с тиражами Солженицына – да и утерлись тихонько, в гуще собственного народа, посреди красивых пустынь». Ошибаетесь, господин хороший. Тиражи у меня неплохие: упомянутое вами «Полюшко-поле» издано стотысячным тиражом, тираж «Пса» – триста тысяч. Да и переводами на другие языки (а то вы тревожитесь, что меня не переводят) не обижен. Однако же, будь мои тиражи и поменьше, это не возбудило бы у меня зависти к Солженицыну. Дело в том, красноярец, что зависть я считаю самым отвратительным из человеческих пороков. А вы?

Но не любовь к березкам заставила вас гнаться на меня. В журнале «Лехаим» (а этот журнал, можно предположить, – ваша настольная книга, вы без него по утрам чай с жамками пить не садитесь) я опубликовал рецензию на книгу А. Солженицына «Двести лет вместе»; вот тут-то и зарыта собака. В рецензии я высказал мнение, что книга эта – определенная неудача, что она не делает чести автору. «По прочтении “Двести лет вместе”, – писал я в статье “Два Голиафа”, – у меня сложилось впечатление, что

Александр Исаевич Солженицын придерживается убеждений антисемитских. Но от этого, впрочем, ни “Матренин двор”, ни “Иван Денисович”, ни “ГУЛАГ” не становятся хуже ни на йоту».

Излагать свою точку зрения – право свободного гражданина в свободном обществе. А именно в таком обществе я и живу. Нравится это вам или не нравится, красноярский господин, – ваше дело; может, у вас в Красном Яру всё по-другому. Может, вам с высокой елки видней; разглядели же вы во мне и моих сородичах-ашкеназах тюрок-хазар! Интересная идея, ничего не скажешь, – но не новая. Да вы немало и других «открытий» сделали в своих «Евреях, которых не было», и большая их часть предьявлена публике по второму, а то и по третьему разу. Например, что жертв Холокоста было не шесть миллионов – это, мол, еврейская выдумка, – а меньше. Но есть и кое-что ваше, личное, нутряное: вы с легкостью необыкновенной объявили «птенца гнезда Петрова» Франсуа Лефорта евреем. И он, что ли, хазарин, раз не сефард? То-то удивились бы, узнай они об этом, женеvские потомки Лефорта, в доме которых я видел подарки великого царя своему «сердечному другу» Францу! Да и сам Петр, пожалуй, осерчал бы, огрел тростью вралю.

Писать рецензию на ваш труд не входит в мою задачу. Это сделал другой израильский литератор (вы его покровительственно поощряете), Михаил Хейфец, перечисливший на трех страницах все допущенные вами фактографические ошибки. Многовато, согласитесь, для такого крупного историка, как вы! Позволю, впрочем, добавить к списку еще одну вашу ошибку, пропущенную М. Хейфецем.

Вы вспоминаете о еврее, сожженном вместе со своим русским поделчиком в Санкт-Петербурге, на площади около Гостиного Двора, в эпоху Анны Иоанновны. Вы называете его имя – Лейба Борухов. Стыдно, красноярец! Борух Лейбов звали того еврея. Он в своем роде фигура историческая, ибо сгорел в пламени последнего «публичного» костра в России: потом вешали, расстреливали, но не жгли. Однако для вас что Борух, что Рувим, что Сруль – без разницы, так я понимаю. Вы в этом немного смахиваете на другого специалиста по еврейскому вопросу – на профессора Столешникова, личность мне прежде неизвестную, объявившего евреем красного маршала Ворошилова. Этот Столешников накатыл страниц пятьсот убористого текста, и всё про нас. Сочинение называется «Анти-ГУЛАГ. Реабилитации не будет». И вместо эпиграфа привел строфы из того моего стихотворения, что и вас так взбудоражило. Привел с теми же ошибками, что позволило предположить, будто вы и есть тот самый профессор: идеи схожи, безграмотность удручает... Словно обе книги вышли из-под одного пера. У меня даже сложилось было впечатление, что вы – изрядный мистификатор и шутник. Впрочем, может, я слишком хорошо о вас думаю и всё намного проще: от злости и раздражения вы сочинили сомнительную историю, изложив ее ерническим слогом. Поверьте, вы зря старались: евреи были, есть и, будем надеяться, никуда не денутся в обозримом будущем.

Напоследок позвольте вас поблагодарить за доставленное удовольствие: кроме меня, вы отказываете в праве на литературное творчество еще двум писателям – Исааку Бабелю и Иосифу Бродскому. Неплохая, право, компания. И тем же молодецким жестом сбрасываете со счетов Эйнштейна и Фрейда – мол, полное фуфло, дутые величины!

Ей-богу, послушайтесь доброго совета: слезайте-ка, гой еси добрый молодец, со своей елки, на дворе третье уже тысячелетие, да займитесь делом: починайте примусы или тачайте сапоги.

Впрочем, я не настаиваю: хотите – оставайтесь на ветке.

БОРЬБА С ЭЛЛИНИЗМОМ:

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ ДИНАСТИИ ХАСМОНЕЕВ

Àëàèñàí àä Ýéüýøîâ

хАНУУІ

Одним из определяющих моментов в истории еврейского народа стал приход в 332 году до н. э. войск Александра Македонского в Эрец Исроэл. Обширные планы завоевателя включали в себя не только создание империи эллинов, но и распространение эллинской культуры во всем мире. Однако, присоединив Эрец Исроэл к своим владениям, великий царь сохранил евреям свободу вероисповедания и широкую политическую автономию. По обычаям тех времен все подвластные Александру народы помещали его статуи в своих храмах, но евреи не могли позволить себе этого. Взамен они оказали великому царю честь тем, что дали мальчику, родившемуся в течение этого года, имя Александр. Царь остался доволен и даровал евреям новые льготы. Он освободил жителей Эрец Исроэл от уплаты земельных налогов в «субботние годы», когда поля не обрабатывались, а евреев, служивших в его войсках, – от работ в субботу.

В 323 году до н. э., в возрасте тридцати двух лет, Александр внезапно умирает, а его империю буквально разрывают на части военачальники – диадохи¹¹. По примеру персов они становятся наместниками, управляющими различными областями империи Александра.

В 323 году до н. э. Птолемей, сын Лага, обеспечил себе контроль над Египтом. Эту дату принято считать началом государства Птолемеев, хотя официальная коронация состоялась лишь в 305 году до н. э. В 322 году до н. э. Селевк Никатор стал сатрапом Вавилона. Несмотря на некоторые трудности, к 312 году до н. э. он утвердил свою власть над всей восточной частью владений Александра. Именно эти эллинистические монархии сыграли решающую роль в истории Эрец Исроэл.

К 301 году до н. э. Птолемей установил твердый контроль над Эрец Исроэл, которая в этот период своего существования входила в состав египетской провинции Сирия и Финикия, включавшей территории по обе стороны Иордана и портовые города Тир и Сидон. Цари из династии Птолемеев не вмешивались во внутренние дела евреев. Их интересовала лишь своевременная уплата налогов. Эрец Исроэл по-прежнему управлялась Первосвященником и священнической аристократией. Страна процветала, а евреи преуспевали и становились многочисленным народом. «Они проникли во все страны, и трудно указать такое место в мире, куда бы это племя не пробралось и не стало господствующим», – писал эллинский философ и историк Страбон.

Птолемей, сын Лага.

Однако за фасадом внешнего благополучия назревали сразу два конфликта. Причиной первого стали процесс эллинизации, начавшийся с приходом войск Александра в Эрец Исроэл, и нараставшее

сопротивление ему. Эллинистическое владычество в Эрец Исраэл принесло с собой всепроникающее влияние чуждой евреям культуры и цивилизации. Высшие сословия общества в Эрец Исраэл практически перестали отличаться от высших сословий других провинций государства. Характерным признаком эллинизации евреев было распространение среди них эллинских имен, особенно заметное в аристократических семьях Иерусалима. Эллинизация происходила поначалу без вмешательства властей и представляла собой исторический процесс усвоения элементов культуры, высокий престиж которой происходил как из господствующего положения ее носителей – эллинов, так и из ее собственного богатства. Но, вместе с несомненными достижениями эллинской цивилизации, в среду еврейского народа стали проникать ее самые худшие обычаи и привычки: грубые языческие верования, распущенность нравов, погоня за низменными наслаждениями, тяга к роскоши. Видную роль в процессе эллинизации в период владычества Птолемеев и в начале владения Селевкидов сыграли представители старинного рода Товии^[2]. И всё же большинство евреев сопротивлялось этому процессу: в основе их сопротивления лежали непререкаемый авторитет Торы и глубокая вера в возрождение династии Давида. Возглавили сопротивление хасидеи^[3].

Второй конфликт заключался в территориальных спорах между государствами Птолемеев и Селевкидов. Войны царя из династии Селевкидов – Антиоха III Великого (223–187 гг. до н. э.) – положили конец периоду долгого мира в Эрец Исраэл. В течение двадцати лет, вплоть до 198 года до н. э., страна переходила из рук в руки. Недовольство правлением Птолемеев привлекло евреев на сторону Антиоха III, и царь вознаграждал их, восстановив разрушенные во время войны кварталы Иерусалима, освободив его жителей от уплаты налогов на три года и предоставив Храму финансовую поддержку. В государстве Селевкидов Эрец Исраэл вошла в состав округа Келесирия и Финикия. На первых порах Селевкиды, как до них Птолемеи, не вмешивались во внутренние дела Эрец Исраэл. Но вскоре произошло событие, потрясшее государство Селевкидов до основания. В 192 году до н. э. Антиох III был втянут в войну против Рима. Для царя эта война с самого начала протекала крайне неудачно, а в 192 году до н. э. в битве при Магнисиисе он потерпел окончательное поражение. По мирному договору, заключенному в 188 году до н. э., Антиох обязывался отказаться от всех своих владений в Европе и Азии к северу от Тавра, возвратить военнопленных, передать всех слонов и флот, уплатить большую контрибуцию, а также выдать римлянам Ганнибала^[4]. Поражение имело для государства Селевкидов катастрофические последствия. От него отпали Армения и Софена. Начались волнения в восточных сатрапиях. Антиох предпринял поход на Восток, чтобы упрочить там свою власть и добыть средства для уплаты контрибуции Риму. При попытке овладеть сокровищами храма Бэла в Элимаиде царь был убит. На престол государства Селевкидов взошел Селевк IV Филопатор (187–175 гг. до н. э.).

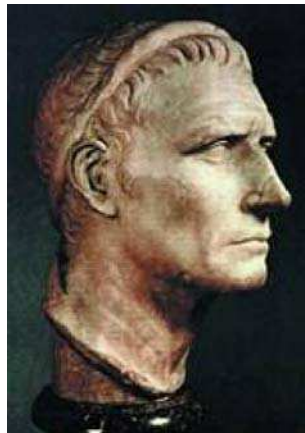
В то время должность Первосвященника занимал Ония III, ревностный защитник веры, глава хасидеев, а попечителем Храма был Шимон, священнослужитель из семейства Билги. Шимон потребовал у Онии III, чтобы в дополнение к функциям попечителя Храма ему предоставили должность агронома^[5] Иерусалима. Но Первосвященник отказал Шимону. Тогда Шимон обратился к Аполлонию, наместнику Селевкидов в Келесирии и Финикии, с доносом о больших сокровищах, хранящихся в Храме. Аполлоний немедленно доложил об этих сокровищах царю, который отправил в Иерусалим своего казначея Гелиодора с приказом разобраться в обстановке на месте и принять меры к конфискации сокровищ. Но что-то помешало казначею выполнить приказ царя. Народное предание гласит, что Гелиодор, переступив порог Святынища, увидел высокого всадника на коне, сопровождаемого двумя юношами необыкновенной красоты. Конь наступил на казначея и стал бить копытами, а юноши хлестали его бичами. Гелиодор вернулся к царю, не выполнив приказа. О дальнейшем в Книге Маккавеев говорится: «...37. Когда же царь спросил Гелиодора, кто был бы способен, чтоб послать в Ерушалаим, он отвечал: 38. “Если ты имеешь какого-нибудь врага и противника твоему правлению, то пошли его туда и встретишь его наказанным, если останется он в живых, ибо на месте сем пребывает истинно сила Б-жия...”»

Непрекращающиеся интриги Шимона привели к беспорядкам в Иерусалиме, и Ония, вынужденный обратиться за помощью к царю, отправился в Антиохию.

Вскоре Селевк IV пал от руки Гелиодора, и к власти пришел Антиох IV Эпифан (175–164 гг. до н. э.) – убежденный политеист, испытывавший неприязнь по отношению к вере евреев в Единого Б-га. За странности в поведении и исключительную жестокость современники называли его «Эпиман» («Безумец») вместо «Эпифан» («Великолепный»).

Пребыванием Онии III в Антиохии воспользовался его брат Иошуа, примыкавший к умеренным эллинистам и принявший эллинское имя Язон. Он обещал царю увеличить налоги, поступающие от Эрец Исраэл в царскую казну, и внести существенные изменения в политический и общественный строй Иерусалима. Антиох IV сместил Онию III и назначил Первосвященником Язона, в планы которого входило преобразование Иерусалима в эллинистический полис под названием «Антиохия». С целью подготовки

граждан будущего полиса Язон учредил у подножия Храмовой горы гимнасий и эфебион – общеобразовательные учреждения, распространенные в эллинистическом мире. Нововведения Язона начали приносить зловещие плоды. Участие в спортивных состязаниях стали принимать даже священнослужители Храма, которые, по свидетельству Второй Книги Маккавеев, «перестали интересоваться службами на алтаре; презирая Храм и пренебрегая жертвоприношениями, они спешат принять участие в непотребных упражнениях на спортивной площадке». Участники состязаний, по свидетельству Иосифа Флавия, «стали прикрывать наготу свою, чтобы не видно было их обрезания и чтобы с внешней стороны походить на греков, оставив все свои прежние обычаи, стали во всем подражать другим народностям». Дети из знатных семей Иерусалима носили широкополые шляпы бога Гермеса, покровителя учащихся. Эти шляпы, которые сами эллины называли «петас», в Книге Маккавеев именуется «срамной покрывкой». Однажды Язон отправил даже посольство в Тир с большой суммой денег на пожертвование Гераклу.

Антиох IV.

В 171 году до н. э. Антиох IV сместил Язона, назначив Первосвященником Менелая, сторонника радикальной эллинизации и брата небезызвестного Шимона, внесшего за свое назначение крупную сумму денег в царскую казну.

Приводя к власти то одного, то другого претендента, царь решал сразу две политические задачи. Во-первых, попав в зависимость от Антиоха IV, Первосвященник становился послушным проводником эллинизаторской политики царя, а во-вторых, тем самым царь дискредитировал высокий сан Первосвященника в глазах евреев. Над евреями нависла реальная угроза ассимиляции.

Вместе с одним из своих братьев, Лизимахом, Менелай ограбил сокровищницу Храма. При этом часть взятых из Храма сокровищ он продал, а часть осквернил, передав их в языческие храмы.

Действия Менелая и его брата вызвали возмущение жителей Иерусалима. В том же 171 году до н. э. вспыхнул бунт, в ходе которого разъяренная толпа убила Лизимаха. Жители города отправили послов в Антиохию с жалобами на Менелая, но царь приказал казнить их.

В 169 г. до н. э. Антиох IV вторгся в Египет. Он разбил египетские войска и осадил Александрию. Эти действия Антиоха совпали с решающими событиями в ходе третьей Македонской войны (171–168 гг. до н. э.).

Римское посольство во главе с Гаем Попилием, направленное для примирения Антиоха с Птолемеями, не спешило в Египет, пока военные действия римлян в Македонии не завершились победой. Но как только Попилий узнал о разгроме македонян при Пидне, он немедленно отправился в Египет и предъявил ультиматум Антиоху. Гай Попилий лично проследил за тем, чтобы был очищен и Кипр.

Неудачи Антиоха стали причиной распространения слухов о поражении царского войска и даже о гибели самого царя. Прямым следствием этих слухов стало восстание в Иерусалиме и некоторых других городах на юге государства Селевкидов. В разгар восстания в Иерусалим вернулся Язон во главе тысячи своих сторонников. Менелай, спасая жизнь, бежал.

Антиох воспринял восстание как личное оскорбление и приказал своим полководцам опустошить Эрец Исроэл. Царские войска бесчинствовали в Иерусалиме в течение трех дней. Жертвами разбоя стало не менее сорока тысяч мужчин и женщин. Храм был разграблен, осквернен и превращен в храм Зевса Олимпийского. В городской крепости Акра разместился гарнизон царских войск. Язон бежал сначала в Аравию, затем в Египет, а оттуда в Спарту, где и умер. Конец Менелая оказался еще более позорным: в 162 году до н. э. его казнили по повелению бывших покровителей из окружения царя. Так бесславно закончились интриги двух предателей интересов Эрец Исроэл.

В 167 году до н. э. репрессии усилились. Царь наложил запрет на изучение и исполнение законов Торы, свитки которой безжалостно уничтожались. Каждому еврею, сделавшему обрезание или соблюдавшему субботу, грозила смертная казнь.

Репрессии привели к восстанию против угнетателей. Оно началось с того, что в селение Модиин близ Иерусалима прибыл представитель царской администрации Апелл, склонявший жителей к исполнению эллинских законов и обычаев. Один из коэнов Модиина – Матисьяу, сын Хасмонея, – смело заявил: «Если даже весь народ сирийского государства подчинится царскому приказу, чтобы отказаться от веры своих отцов, то я и мои сыновья всё же останемся верующими и истинными евреями». Когда один из вероотступников попытался принести жертву Зевсу на алтаре, воздвигнутом на базарной площади, Матисьяу убил его. Сыновья Матисьяу, Иеуда, Шимон, Ионатан, Элиезер, Йоханан, напали на Апелла и его отряд. Немногим из царского отряда удалось спастись.

Вместе со своими сыновьями и группой единомышленников Матисьяу бежал в Иудейскую пустыню. Характерно, что после того, как отряд повстанцев численностью около тысячи человек погиб, не оказав сопротивления врагу из-за невозможности нарушить святость субботы, Матисьяу разрешил защищаться и в этот день, исходя из принципа ценности человеческой жизни. Борьба, которую вел Матисьяу, приобрела характер широкомасштабной партизанской войны, в результате которой разрозненные гарнизоны царских войск оказались отрезанными и друг от друга, и от административных центров государства Селевкидов. В 166 году до н. э. умер Матисьяу. Согласно его воле руководство восстанием перешло к Иеуде, получившему прозвище Маккаби (Маккавей), что означает «молот». Последний, избегая решительных сражений, следовал тактике внезапных ударов по врагу.

Обеспокоенный обострением обстановки в Эрец Исроэл, Антиох IV приказал подавить восстание. В 166 году до н. э. из Самарии выступил двухтысячный отряд под командованием Аполлония. Для наступления он избрал прямую дорогу, идущую через горы на юг, к Иерусалиму. Силы Иеуды Маккавея насчитывали всего шестьсот человек. Умело используя горный рельеф местности, Маккавей запер отряд Аполлония в узкой теснине близ Нахаль эль-Харамия и полностью уничтожил его. Аполлоний погиб, а меч его достался Иеуде. Вслед за тем восставшие, в бою при ущелье Бет-Хорон на северо-западе Эрец Исроэл, разгромили отряд другого военачальника Селевкидов – Серона.

В 165 году до н. э. Лизий, приближенный Антиоха IV, отправил на подавление восстания сразу трех полководцев – Птолемея, сына Доримена, Никанора и Горгия. Их ряды насчитывали сорок тысяч пешего и семь тысяч конного войска. Войско Иеуды насчитывало около шести тысяч человек. Селевкидские военачальники разделили свою армию с целью окружения и последующего уничтожения отряда евреев. Но, совершив ночной переход, Иеуда ускользнул из кольца, а затем атаковал лагерь Селевкидов близ Эммауса, нанеся при этом решительное поражение отряду Никанора. Увидев это, Горгий, возглавлявший другую часть войска, не рискнул вступить в сражение и отступил. Победа укрепила престиж Иеуды Маккавея как полководца и признанного вождя евреев.

Монеты времен правления Антиоха IV.

Против отрядов Иеуды, составлявших к тому времени до тысячи воинов, раздраженный неудачами царь направил из Антиохии шестьдесят тысяч отборных солдат и пять тысяч кавалеристов под командованием самого Лизия. Сражение произошло в месяце нисан 164 года до н. э. у Бет-Цура, неподалеку от Хеврона, и закончилось поражением Лизия.

Путь на Иерусалим был открыт. Во главе своих войск Иеуда вступил в город и совершил обряд очищения Храма. Проведенное по этому поводу в 164 году до н. э. восьмидневное празднество отмечается с тех пор ежегодно, с 25 кислева по 3 тевеса, как праздник обновления Храма – Ханука^[6].

В том же году умер Антиох IV Эпифан. Власть перешла к девятилетнему Антиоху V Эвпатору, а опекуном при нем и регентом государства был назначен Лизий, хотя по завещанию умершего царя эти обязанности должен был исполнять другой вельможа – Филипп. Соперничество между царедворцами послужило причиной резкой дестабилизации внутреннего положения в государстве Селевкидов.

Обострение обстановки в Заиорданье и Галилее заставило Иеуду выступить на север. Брата Шимона он направляет в Галилею, а сам вместе с Ионатаном движется в Заиорданье, где разбивает аравийских кочевников. Затем, повернув на юг, наносит поражение идумеям, берет Хеврон и, спустившись к морю, поворачивает на Иерусалим и осаждает Акру.

Располагая трофейными осадными орудиями, Иеуда в начале 162 года до н. э. предпринимает попытку штурма Акры, но гарнизону крепости удается отбросить атакующих. Начинается длительная осада Акры.

Однако Иеуда Маккавей допускает серьезный просчет, полагая, что Лизий, занятый борьбой за власть, не сможет оказать помощь осажденной крепости. Вопреки его ожиданиям, Лизий и малолетний Антиох V предприняли наступление на Иерусалим с юга. Их силы насчитывали сто тысяч пехоты, двадцать тысяч конницы и тридцать два слона. Решающее столкновение произошло близ Бейт-Захарии. Слоны произвели в рядах евреев замешательство. Чтобы показать воинам уязвимость слонов, младший брат Иеуды, Элиезер, ворвался в ряды вражеского войска, храбро бросился к слону, который нес царские знаки отличия, и поразил его мечом. Огромная туша рухнула прямо на смельчака. Так со славой погиб Элиезер по прозвищу Авран.

После упорного сражения Иеуда Маккавей отступил к Иерусалиму. Войско Лизия подошло к городу и осадило Храмовую гору, на которой укрепился Иеуда. Казалось, судьба Эрец Исроэл решена, но в этот момент Лизий и царь получили известие, что Филипп, набрав большое войско, вновь развязал борьбу за власть. Ввиду этих обстоятельств они поспешили заключить с Иеудой соглашение и двинулись на Филиппа.

По достигнутому соглашению подтверждались свобода вероисповедания евреев и их право на управление Храмом. Антиеврейские указы Антиоха IV отменялись. В свою очередь, евреи обязывались признать верховную власть Селевкидов и разрушить укрепления Храмовой горы. На должность Первосвященника назначался эллинист Алким. Такое назначение вызвало недовольство народа и послужило одной из причин продолжения войны.

В том же году Лизий разгромил войска Филиппа, а его самого казнил. Однако политические потрясения в государстве Селевкидов продолжались. В борьбу за власть вступил Деметрий, сын Селевка IV Филопатора. В течение двенадцати лет он содержался в качестве заложника в Риме. Узнав о смерти Антиоха IV, Деметрий в 163 году до н. э. совершил побег и в 162 году до н. э. во главе наемных войск вступил в Антиохию. По его приказу Антиох V и Лизий были арестованы и казнены.

Деметрий I Сотер (161–150 гг. до н. э.) поддержал Первосвященника Алкима и отправил в Эрец Исроэл силы под командованием Бакхида, которые вновь овладели Иерусалимом. Правителем Эрец Исроэл царь назначил своего друга Никанора.

Несмотря на достигнутые успехи, Деметрий стремился к достижению компромисса. Но Иеуда продолжил борьбу, и 13 адара 161 года до н. э. в сражении у Адасы, под Бет-Хороном (в девяти километрах к северу от Иерусалима), одержал свою последнюю победу. Его отряд насчитывал всего тысячу человек, в то время как Никанор располагал девятью тысячами отлично вооруженных воинов. Несмотря на численное превосходство, армия Никанора была полностью уничтожена, а сам он погиб.

Иеуда прекрасно понимал, что достижение полной независимости Эрец Исроэл невозможно без международного признания. И ему удалось решить эту сложнейшую политическую задачу. В 161 году до н. э. маленькая Эрец Исроэл заключила союзный договор со сверхдержавой того времени – Римской республикой. Заключение этого договора означало признание де-юре независимого еврейского государства. Договор, составленный в двух экземплярах, в форме *Senatus Consultum* («решения Сената»), включал две основные статьи: о дружественном нейтралитете и взаимной обороне. Один экземпляр этого документа Сенат отправил в Эрец Исроэл, а второй вырезали на медных таблицах и поместили в Капитолии. Иосиф Флавий так передает содержание этого документа: «Постановление Сената по поводу оборонительного и наступательного союза с народом иудейским. Никто из римских подданных не должен воевать с народом иудейским, равно как не доставлять тому, кто вступил бы в такую войну ни хлеба, ни судов, ни денег. В случае, если кто-либо нападет на иудеев, римляне обязаны по мере сил помогать им, и наоборот, если кто нападет на римские владения, иудеи обязаны сражаться в союзе с римлянами. Буде же народ иудейский пожелает прибавить к этому договору что-либо или убавить, то это должно быть сделано с согласия всего римского народа; лишь в таком случае все дополнения считаются обязательными». Для Рима этот договор представлял большой интерес, поскольку он подрывал могущество государства Селевкидов – главного соперника римлян в то время. Но Иеуда не мог предвидеть, что много лет спустя именно этот договор станет причиной вторжения римских войск под командованием Помпея (формально в соответствии с последней статьей этого договора и по просьбе одного из двух соперничающих представителей династии Хасмонеев) и полной утраты независимости Эрец Исроэл.

Ἰ ἀδελφῶν ἀσέβειο ἀδελφῶν ἰσθμῶν ἰεῦδα

Ἀδελφῶν ἐς Ἀσάειο Ἄ. Αἰδα

Война продолжалась, и Деметрий вновь отправил в Эрец Исроэл войско под командованием Бакхида, которое насчитывало двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников. Враг наступал так стремительно, что у Иеуды Маккавея не осталось времени на подготовку к сражению. Он смог собрать всего тысячу воинов, из которых многие колебались и предлагали отступить. По словам Иосифа Флавия, Иеуда так ответил колеблющимся: «Да не увидит солнце того, чтобы я обратил тыл перед врагами. Если в этот раз мне придется встретить смерть и окончательно погибнуть в сражении, я всё-таки лучше выдержу всё, что случится, чем покрою позором прежние наши подвиги и прежнюю нашу славу теперешним бегством». Иеуду Маккавея поддержало всего восемьсот человек. Вместе с ними Иеуда принял неравный бой у Адасы, в котором героически погиб, уничтожив множество врагов. Во время перемирия Шимон и Ионатан получили тело Иеуды у врагов и похоронили его в Модиине.

После гибели Иеуды Маккавея руководство восстанием перешло к Ионатану Хасмонею – талантливому государственному и политическому деятелю, умело использовавшему сложившиеся обстоятельства для освобождения Отечества.

Спустя некоторое время Ионатан вместе с братом Шимоном освободил большинство сельских районов и провинциальных городов Эрец Исроэл.

В 158 году до н. э. внезапно скончался Алким, смерть которого евреи восприняли как кару Б-жью, а пять лет спустя в государстве Селевкидов разгорелась борьба за власть между Деметрием I и Александром Баласом (150–145 гг. до н. э.). Александра, человека низкого происхождения, выдававшего себя за сына Антиоха IV, выдвинули и поддержали враги Деметрия. Александр Балас захватил Птолемаиду (Акко) на берегу Средиземного моря, ставшую его временной резиденцией, и начал подготовку к наступлению на Антиохию.

Решающим фактором в этой борьбе стал Ионатан Хасмонеи, располагавший сильным войском и поддержавший Александра Баласа. В знак признательности новый царь назначил Ионатана Первосвященником, а также пожаловал ему звание «друга царя». Со времени смерти Алкима должность Первосвященника была никем не занята в течение шести лет. В Суккос 152 года до н. э. Ионатан впервые предстал перед народом в качестве Первосвященника. Эту должность Хасмонеи удерживали впоследствии в течение 115 лет.

В 147 году до н. э. началось вторжение войск сына Деметрия I, пытавшегося отвоевать трон отца. Государство Селевкидов, а вместе с ним и Эрец Исроэл, вновь оказалось охвачено войной. В ходе боевых действий евреи временно заняли Яффу и район Ашдода. По достоинству оценив заслуги Ионатана, Александр Балас передал ему в личное владение Экрон.

После смерти Александра к власти пришел его противник Деметрий II Никатор (145–140 гг. до н. э.). Учитывая взаимные интересы, Ионатан Хасмонеи и Деметрий II пришли к политическому компромиссу. Деметрий II вновь утвердил Ионатана на должность Первосвященника и признал присоединение к Эрец Исроэл трех областей с преобладающим еврейским населением на юге Самарии.

Не довольствуясь достигнутыми успехами, Ионатан принял меры к укреплению Иерусалима и других стратегически важных городов. Некоторое же время спустя в государстве Селевкидов вновь вспыхнула борьба за трон между Деметрием II и полководцем Александра Баласа – Диодотом Трифоном, который узурпировал власть и правил в 140–138 годах до н. э.

После гибели Александра Баласа склонный к политическим авантюрам Трифон отправился в Аравию и вывез оттуда сына царя – Антиоха. Провозгласив малолетнего Антиоха правителем, Трифон начал боевые действия против Деметрия II.

В этой войне Ионатан Хасмонеи поначалу поддерживал Деметрия II, но позднее перешел на сторону Трифона из-за отказа царя передать евреям крепость Акко, как то было обещано ранее. В награду Трифон назначил Шимона Хасмонея правителем прибрежной полосы Эрец Исроэл, простиравшейся от Рош а-Никра на севере до египетской границы на юге.

Асòää Õääñ ÌÌäää è Ñääääääää

Ääääþää

1478-1480 ää äü.

*I'auadaa. I'iyoni o'oi adu'ie, ni'aeui'ia'i e'ao'ayi e' a'oeaa, no'ae'e' i'ou'ae'aa'aa'no'aa'i'ua' i'na'e' u'
O'i' a' E'oi' aa'e' e'i' ai' i'ae'i'no'u'aa'i'ou'uy' e' o'aa'e'oe'e'. I'ai'ae'i' Oae'i' aa' i'au'ym'ya'o' e'no'ie'e' i'oa'ai' e'ea'
e'ia'-x' e'f'aa' O'oi' au'e' i'oa'aa'i', i'ae'e' aa'aa' e'e'ou'ia'e'i' e'oa'e'i'-e'e' n'ia'y'ua'i'ui' i'aa'e'i', i'aa'oi'ae'i' ui'
ae'y' A'-aa'oe'ae'ey'. Y'oi'aa' e'oa'e'i'-e'ea' ai'ae'i' au'e'i' o'aa'e'ou'oi'e'ue'i' i'a'ia'e'i' aa'ui'aa'ae'ey' o'oi' i'aa'aa'
aa'oe'ue'e'ea' - i' ai'ou'. I'ai'ae'i' i'aa'aa' -aa'aa' ui' i'ada'ci' o'aa'e'e'i' i'a'aa'aa' u'aa'ae'.*

МАРК АЗОВ:

«Я ИСЧЕРПАЛ ВСЕ ЛИМИТ ВЕЗЕНИЯ, ОТПУЩЕННЫЙ ЧЕЛОВЕКУ...»

Ἰ ἀδύτη Ἀσέαι ἡσέε

*«...Ἰ ἰά αἰ ἰεαοῦο ἡ εἰεεε:ἀποαί, ἂ εοί ἰ ἰά ἀυαο ἰεαοεοῦ ἡ εἰε:ἀποαί? Διἰἰῖ
εοίεἰἰαῶ.. Αἰεῖῖαῦ ἰ οἰ ἰεἰ ἂ.. Ἐ ἰἰεἰ ἡοἂ ἰ οἰ ἰεἰ ἂ δαοἰ ἂ ἰἂ ἀυαο, ὕ ἀυαἰἂ ἡ ἰἂ ἰ οἰ δαοῦ ἰ ἂ
ἡἰε εἰἰε δεἰἂ οἰε εἰἰε ἰ ἀἰε...» «Ἰοἰ αἰ ὕ οἰε εοἰ ἰ ἂ ἀἰ εοἰεε ἰ αἰεοἰεε...» «ἂ οἰ ἀἰἰ ἂ
εοε:ε «ἰἰἰεἂ ἀοἰε...» «ἂ οἰ ἰἰεοἰ ἰ ἂ δαἰοἰαο, οἰο οἰ ἰἰε ἰ ἂ ἰἰο». «Ἐοἰε: «ἂο» – εοἰε: ἀποῖ
δαἰοἰαο «ἂ» – δαἰοἰαο ἰἂο. ×οἰ ἀἰεοῦ? Ἰ ἀἰεοἰ ἀἰεἰε».*

*Ἀαοἰδ ἡοεο εἰ ἰἰεἰἰαἰ ἀοἰεο ἰἰἰεἰἰἂ εἰ ἡεο:ἂε, ἂ οἰ:ἂἰεἂ ἰἰἰεο εἰο
εἰἰἰεἰἡεοἰῖ Ἀδεἰεἰἰἰ ἡεεεἰἰἰ, ἡἰἰἰῖ ἡεἰἰο ἂ Ἐοἰεεἂ ἂ εἰεἂ ἡοἰἰ ἡἂἂ ἂοἰἂ ἰἂοἰεο Ἐεο
ἀποἰεοεἂ ἂἂ «ἂἰἰἰ εἰ εἰἰῖοεἰεοἰεε», εἰε ἰἰ ἂἰδαεἰἰῖ, ἡεεἂε, εἰε ἂἰἰἂ, ἂἰἰεἰἰ οἰοἰδαεἰἰἰ
εἰἰἰἰοἰεεἰἰ ἡο:ἀποεἰἰ ἡἰἰ ἰἂ Ἰ ἀδεἂ Ἀἰἰἂἂ*

Мы познакомились на семинаре писателей. За этим парнем (и теперь, в его 80 лет, иначе его назвать невозможно) ходили толпы, заглядывая ему в рот. А в столовой за право сидеть с ним за одним столом завязывалась небольшая потасовка.

– Это кто? – спросил я.

– Азов.

– Как Азов? Тот самый?

Я знал с детства, кто такие Азов и Тихвинский. Когда я был маленьким, у папы была пластинка с Райкиным. На ней я учился ставить пластинки на патефон и запомнил тексты на память. Если б мне кто-то сказал тогда, что я встречу живого автора всего этого!..

Марк Яковлевич Айзенштадт (Азов). Ветеран Великой Отечественной войны. Автор множества монологов и скетчей для Райкина и других известных артистов, киносценариев, пьес, повестей и рассказов.

– Вы, пожалуй, единственный в Израиле человек, который был близко знаком с Аркадием Исааковичем Райкиным. Что вы можете сказать о нем как о человеке?

– Мы встречались с Аркадием Исааковичем в основном по работе, и он производил на меня благоприятное впечатление. Он такой холодноватый, разговаривает вполголоса, очень себя бережет, очень себя любит, но при этом ведет себя подчеркнуто вежливо. У меня с ним сложились хорошие отношения. В нашей авторской паре (я и Тихвинский) мой партнер был более активным и общительным, и он бесконечно приставал к Райкину с просьбой о билетах для своих знакомых. Я этого не делал. На премьере нашего первого спектакля «Время смеется» (в 1960 году) я стоял в проходе.

Во время антракта Райкина, как боксера, массировали, растирали, и его костюмерша никого к нему не подпускала, но когда он услышал мой голос, он сказал: «Марк, заходи». Он, по-видимому, хорошо ко мне относился, потому что я не был «приставучий».

Если у кого-то были проблемы, кто-то просил его о помощи, он мчался выручать людей. Помню, одного директора из «Мультфильма», которого почему-то отдали под суд, Райкин выручил. Аркадий Исаакович был неплохой человек, но в нем было явное ощущение своей значительности, тем более что ему на каждом шагу об этом напоминали. Ему милиционеры честь отдавали!

Когда он уезжал в Париж и его провожала большая толпа, Райкин сказал: «Эти провожания – вещь неприятная. Нужно о чем-то говорить, а что говорить – не знаешь. Скорей бы поезд тронулся».

– Как проходила ваша с ним работа над текстами?

– Монолог строителя («каликчество– качество», «перекур») родился из нашего скетча «13 несчастливых». Это была история о 13 строителях, каждый из которых строил какую-то часть дома, был построен дом сверх плана (13-й), и все они получили в этом доме квартиры. Мы придумали миниатюру, в которой каждый из 13-ти появляется на сцене по очереди, всех их должен был играть Райкин в разных масках. В результате выяснилось, что никакого 13-го дома не существует – его просто приписали для отчета.

Во время репетиций Райкин вдруг заявил: «Я больше в масках играть не буду, – это всё грубо, картон, я от этого отказываюсь». И действительно, с того времени от масок он навсегда отказался.

– Но ведь это ваш, райкинский жанр! – говорю я. – Мимов и разговорников существует множество, а Райкин – единственный, кто работает в жанре трансформации.

– Но кто из нас Райкин?!

– Аркадий Исаакович, я без конца слышу, что вы – гениальный артист, но это еще не значит, что вы самый умный человек.

Так я ему сказал. Плохой человек мне бы такого не простил. Но после этого объяснения мы с ним проработали еще долгие годы.

В начале 1960-х годов в газете «Культура и жизнь» (это был орган отдела пропаганды ЦК КПСС) появилась статья известного критика о том, что «авторы нашли объект для издевательства – дурака, а дурак – это человек больной, несчастный, и как можно над ним издеваться...»

Если бы тогда за нас не вступился Аджубей (зять Хрущева и главный редактор «Известий»), предоставив возможность Райкину в газете ответить, нам бы досталось крепко. Райкин ответил, что «дурак – это человек не на своем месте, если назначить меня министром здравоохранения, я тоже стану дураком».

Тот же критик отметил, что Айзенштадт – это очень плохой автор и нехороший человек, а Азов – хороший, а вот Амарова (один из моих тогдашних псевдонимов) он не тронул вовсе, очевидно, приняв его за узбека: нацкадры обижать нехорошо.

– **Мы затронули очень интересную тему – однородный этнический состав актеров и авторов советской эстрады.**

– Советская эстрада всегда была еврейской. Юмор – это особенность еврейской природы. Русский юмор либо площадной, либо несмешной. Юмор, который был свойственен евреям, еврейскому искусству, стал советским.

Когда появилась афиша нашего первого спектакля, все фамилии в ней были «нежелательными», и нас попросили взять псевдонимы. Я сначала стал Амаровым, а затем – Азовым.

– **Вас не обвиняли в «клевете на советский строй»? Как строилось ваше общение с цензурой?**

– Главное было – сдача готового спектакля комиссии. Там принимали по-настоящему. Особенно тяжело было сдавать спектакли в Ленинграде при Толстикове и Романове, поэтому старались сдавать спектакли в Москве. Но премьеры Райкин старался устраивать в Одессе. Там же он впервые показал миниатюру, намекающую на отставку Хрущева. Несмотря на ее оглушительный успех, Райкин заявил, что он больше этой миниатюры играть не будет. «Но почему, – говорили ему, – ведь зал смеется и аплодирует!» – «Они так смеются, что у меня мороз по коже идет».

Больше он эту миниатюру действительно не исполнял.

Руководство минкультуры Райкину доверяло, полагая, что он лишнего не скажет.

– О Райкине можно говорить бесконечно, но я бы хотел перейти к вашей военной биографии. Недавно мне попался для перевода удивительно безграмотный фильм по сценарию какого-то идиота из США. Там сказано, что советские солдаты в Германии вели себя как бандиты, даже была такая фраза: «Советские солдаты из Азии никогда не видели электролампочек, поэтому, когда они пришли в Германию, они выкручивали лампочки в надежде осветить ими свои юрты, когда вернутся домой». Ясно, что это полная чушь, но как было на самом деле?

– Мне пришлось служить в пехоте на переднем крае. Когда мы оказались на границе с Восточной Пруссией, наши политруки настраивали нас на месть, и мародеры этим воспользовались. У меня был солдат во взводе, который поджег несколько немецких домов. «У меня, мол, немцы сожгли дом, так я им тоже сожгу». Пока мы были в Восточной Пруссии, начальство подобные настроения поощряло, хотя немецкого гражданского населения оставалось там очень мало – оно бежало на Запад. Но как только мы вошли на территорию будущей Восточной Германии, вышел приказ Жукова: расстрел за мародерство.

– Вы были достаточно известным человеком, а как вам живется здесь? Кризис алии на вас не отразился? Как насчет престижа, социального статуса?

– Я приехал в Израиль в 1994 году, будучи пенсионером. Когда пять лет назад в нашем театре и литобъединении в Нацрате праздновали мой юбилей – 75 лет, я не сидел на сцене с важным видом: это был капустаник, который я сочинил, где играл разные роли, пел песни и танцевал и вообще вел себя неприлично для своего возраста.

– Насколько я понимаю, жизнь здесь у вас довольно интенсивная...

– Я председатель северного отделения Союза русскоязычных писателей и литобъединения при нем, редактор журнала «Галилея». Кроме того, получилось, что я организовал в Нацерете театр, который возглавляет профессиональный режиссер Зигмунд Белевич, а играют профессиональные актеры. Наш театр дает спектакли в разных городах страны.

– И всё же, мне кажется, о вас мало знают за пределами Нацрата...

– Я вообще-то человек стеснительный... Там, где я уже появился, там я могу себя реализовать. Но для меня проблема проявить инициативу, куда-то пойти... Я привык, чтобы мне звонили, чтобы кто-то организовывал. Когда я ехал в Израиль, я сказал себе, что еду умирать – буду сидеть на скамейке с пенсионерами...

– Оказалось, что это не так.

– В магазине, где мы покупали продукты, одна женщина случайно узнала о том, кто я такой, и сказала, что хочет познакомиться меня с редактором местной газеты Валерией Барташник. Она мне позвонила и попросила написать что-то для газеты. Я написал юмористический рассказ и с тех пор стал писать их еженедельно. Получилась серия рассказов «Новые приключения Рабиновича в Стране Обетованной». Оказалось, что Валерия – председатель амуты, которая занимается организацией культурных мероприятий. Меня втянули в эту амуту. С тех пор пошло-поехало...

– Вам не обидно, что фразы типа «регбус – кроксворд» знает весь советский и постсоветский народ, а того, кто это придумал, знают далеко не все?

– Это, наоборот, очень приятно. Я получаю огромное удовольствие, когда при мне цитируют Райкина (то есть мои фразы). В этом вся прелесть. Ты становишься... фольклором! Многие мои байки стали анекдотами. Это высшее счастье для писателя – оказаться автором старого бородатого анекдота.

– А теперь поговорим на тему «Юмор и война».

– На войне было очень много юмора. Я, кстати, запомнил в основном именно смешные эпизоды военной жизни. Когда люди, в особенности молодые, живут рядом, в постоянном общении, юмор всегда присутствует. Постоянно над кем-то подшучивают, смеются, и никакая война этому помешать не может. Один из наших разведчиков после тяжелого обстрела шутил так: «Это же не война, а сплошное смертоубийство!»

Однажды, когда он вел машину, на дороге стоял офицер и попросил его подвезти.

– Ты офицерский доппаек получаешь? – спросил разведчик.

– Конечно, – ответил тот, думая, что придется поделиться.

– Ну, тогда топай ножками.

Наши солдаты прозвали ракетную установку РС с большим набалдашником «Лукой Мудищевым».

Я должен сказать, что мне очень везло на войне. Я исчерпал весь лимит везения, отпущенный человеку. Поэтому вся моя дальнейшая жизнь после войны, по теории вероятностей, должна была состоять из сплошных неприятностей. Если б меня спросили в 1944 году, сколько я собираюсь прожить после войны, я бы ответил, что надеюсь дожить до ее конца. А то, что после войны я проживу еще 60 лет, это мне ни в каком сне не могло присниться! Не раз бывали моменты, когда я уже считал себя убитым. Скажем, снаряд разорвался в подбитой машине, в которой я прятался от дождя, – а я в последнее мгновение успел выпрыгнуть. Я был уверен, что этот снаряд разорвет меня на куски.

– **Вы слышали «свой» снаряд?**

– Нет. Меня оглушило. Поэтому я и успел выпрыгнуть из машины. На меня падали осколки и обломки машины, глаза залепило землей. Это видели мои сослуживцы, и мои родители получили на меня похоронку...

Однажды с моими военными воспоминаниями случился большой скандал. Во время съемок фильма по моему сценарию я пристрастился пьянствовать с осветителями, помощниками оператора – с рабочим классом – и рассказывал им всякие смешные эпизоды из моей военной жизни. И вдруг эти ребята замолчали и стали на меня косо смотреть. «В чем дело?» – спросил я. «Дядя Марк, ты наших отцов оскорбил! Они тоже воевали и рассказывали о войне страшные вещи. А у тебя война – сплошное веселье».

Отцы этих ребят были мрачные люди (кстати, все они спились после войны и рано умерли из-за пьянства) и видели всё в мрачном свете. Кроме того, они начали воевать в 1941-м, а я пришел на фронт уже в период нашего наступления. На войне я ни стихов, ни прозы не писал, а лишь «травил» истории в компании.

– **А вы не считаете, что массовый послевоенный алкоголизм был спровоцирован «фронтowymi 100 граммами»?**

– Русский человек всё равно пьет. Никто сознательно не приучал. Что такое 100 грамм водки для русского человека? Мне, как офицеру, выдавали 200 грамм. И, несмотря на то, что я был еврейским интеллигентом, быстро к этому приучился.

– **Но ведь стакан водки – это приличная доза?**

– Чаще всего водку выдавали после боя. Наши старшины были хитрые. Они рассчитывали, что, когда в бою многих поубивает, у них останется больше водки. Так что нас не подпаивали перед боем и пьяными в атаку мы не ходили. К русскому человеку было такое отношение: всё равно пойдет, всё равно помрет. Солдат гнали на убой.

– **Но ведь у выпившего человека снижается координация, а надо быстро бежать, реагировать на действия противника.**

– Какая там координация?! Солдата гнали на пулеметы, рядовой солдат – это пушечное мясо. Главное, чтоб он встал и пошел в атаку, бежал и орал. Чтоб массой брал. А координация нужна была, скажем, разведчикам, отдельным людям, которые сознательно выполняли задания.

– **А теперь поговорим о том, чем вы занимались в послерайкинский период.**

– Я со своими соавторами – Владимиром Тихвинским и Валерием Михайловским – написал более 40 пьес для театра кукол, которые идут до сих пор по всей стране и за границей. Потом мы стали писать пьесы для «живого» театра, сценарии для кино. Например, последний фильм Марка Донского «Супруги Орловы» и другие. Много я сочинил песен для театральных спектаклей и фильмов, музыку к которым писали Максим Дунаевский, Журбин, Флярковский, мою песню исполняла Камбурова. Я работал во всех эстрадных жанрах, а их было множество. Это сейчас остался один монолог, а тогда были куплеты, фельетоны, конференс, миниатюры, эстрадные обозрения, театрализованные программы. Работал я и для цирка – придумывал клоунады и антре, репризы, сценарии конных аттракционов, аттракционов со львами...

– Зачем льву сценарий?! Чтобы он случайно не рывкнул что-нибудь не то?

– Сценарий нужен не для льва, а для его начальства. Это сценарий аттракциона. Писал я также полные сценарии цирковых представлений. Мы с Тихвинским много лет писали сценарии «Голубых огоньков». Начал я и как поэт, писал серьезные и юмористические рассказы, комедии, трагедии. Юмор и сатира – далеко не единственное мое занятие, хотя я терпеть не могу слез без смеха так же, как смеха без слез. Я работал и сейчас работаю во всех жанрах литературы, кроме романа. В Израиле вышли две мои книги: «Галактика в брикетах» и книга избранного «И смех, и проза, и любовь», куда вошли автобиографическая повесть «Ицик Шрайбер в стране большевиков» и историческая трилогия, поставленная театром «Галилея»: действие трагедии «Весенний царь черноголовых» происходит в одном из шумерских царств 49 веков назад, «Ифтах-однолюб» – трагедия эпохи Судей и «Последний день Содомы». За спектакль по мотивам Шолом Алейхема «Блуждающие звезды» мы с театром получили дипломы фестиваля «Славянский Базар» в Витебске. Там я играл Гоцмаха. Были у меня и другие комические роли – сбылась моя детская мечта стать клоуном.

На 80-летие Марка Азова самый большой зал города Нацрат Илит был переполнен. Выступали люди, приехавшие со всей страны, была подготовлена концертная программа. Остается пожелать этому жизнерадостному парню здоровья и творческих успехов.

«ПОГИБНУТЬ – НЕ ЗНАЧИТ БЫТЬ ПОБЕЖДЕННЫМ»

Борис Медовой

Те, кто лично знал Израиля Фисановича и до сих пор хранит память об этом удивительном человеке, в рассказах о нем неизменно упоминают о его необыкновенных глазах – огромных, лучистых, отражавших и душевную доброту, и напряженную работу мысли. Писатель Юрий Герман, друживший с прославленным подводником, как-то в шутку сказал ему, что его облик, облик абсолютного интеллигента, как-то не вяжется с представлением о бесстрашном офицере, дерзко, яростно воевавшем с лютым врагом, беспощадно уничтожавшем фашистские корабли.

«Ну, что ж, – улыбнулся Израиль Ильич, – будем считать, что я хоть и топил фашистов, но делал это вполне интеллигентно».

Я вспомнил о словах Германа, когда стоял перед портретом Фисановича в Музее боевой славы Североморска. Во взоре изображенного на полотне знаменитого морского командира – воля и непреклонность. И только внимательно всмотревшись, можно уловить в глазах ответ печали. Да-да, печали...

Война откатывается всё дальше в прошлое, но память зорко смотрит в наши души...

По приглашению Совета ветеранов я побывал летом на Северном флоте. Бродил по причалам, заходил в матросские кубрики, беседовал с ветеранами и молодыми моряками, и всё это время меня не оставляло смутное чувство, будто когда-то я уже бывал здесь, жил и воевал среди этих прошитых мхом каменистых сопков, слышал рев маяка, визг чаек, вздохи Баренцева моря и песни о суровом времени. Чудилось: давней порой я возвращался из морских походов вот к этому, похожему на окаменевший прибор,

берегу. Казалось, видел прежде эти туманы, укрывшие прибрежные скалы, на которых ежится лишайник, вдыхал острые корабельные запахи – железа, нагретого масла.

На самом деле я не бывал здесь раньше. В годы войны мне довелось служить на другом флоте. И мой 365-й гвардейский батальон морской пехоты не воевал на этой мерзлой земле, не вгрызался в эти заледеневшие скалы, не высаживал десанты в этих фьордах. И всё-таки в память впиталось всё, связанное с подвигом Северного флота. Потому, наверно, впиталось, что вести, поступавшие отсюда с первых месяцев войны, поражали воображение. О боевых делах североморцев много говорили, ими гордились, им радовались, их ставили в пример нам, молодым воинам. Уже в августе–сентябре 1941 года мы узнали из газет и услышали на политинформациях про смелые атаки североморских подводников, про командира подводной лодки Израила Фисановича, бесстрашно прорвавшегося во вражеский порт и пустившего на дно корабли противника. Отчаянная храбрость сочеталась у североморцев с умной и нешаблонной тактической мыслью.

Конечно, война есть война. А уж когда она идет в жестоких условиях Заполярья... Мертвая хватка холодного моря с его свирепыми штормами, бесприютность всеми ветрами продуваемой тундры, темень полярной ночи, снежные бури... Моряки понимали – в случае беды не выплыть, не выползти, не добраться до своих. Логика схватки с врагом неумолима. Разное бывало: взрыв, к примеру, раскалывал субмарину, и ледяная вода врывается в отсеки, круша всё на своем пути... Не вернулось домой немало подводников.

Об Израиле Фисановиче в годы войны рассказывали в газетных очерках и радиорепортажах многие известные писатели: Лев Кассиль, Юрий Герман, Самуил Галкин, Вениамин Каверин, Исидор Шток. Поначалу Фисанович командовал субмариной М-172. Этот тип подлодки именовали «малюткой». Боевые возможности «малютки» были предельно скромны: всего два торпедных аппарата и одна пушка. Скорость – восемь узлов. Однако «малютка» Фисановича творила чудеса. Она почти вплотную приближалась к вражеским судам и пускала их на дно. По длинным и узким фьордам проникала в район вражеских коммуникаций и торпедировала транспорты с войсками. Врывалась в порт и топила стоявшие там корабли. На ее боевом счету числилось тринадцать потопленных фашистских судов, когда Фисанович стал командиром дивизиона подводных лодок. Его привязанность к родной «малютке» (потом уже гвардейской и краснознаменной) отразилась в написанных им «Записках подводника». В книге воссоздан быт подводников в условиях «единоборства сил разума и сил беды». Читая ее, явственно представляешь себе момент выхода подлодки на боевое задание. Когда волны уже сомкнулись над рубкой и субмарину поглотила глубина, у экипажа начинается свой отсчет времени. На подводном корабле существует не календарь, а вахтенный журнал. Океан навалился толщей вод на спину корабля. Люди проведут дни в замкнутом тесном пространстве – без солнца, без звезд, не ощущая смены дня и ночи, без воздуха, напоенного живым озоном. Размывается представление о ходе времени, нарушаются биологические ритмы. А напряженность перед встречей с противником? И как назвать ту силу, что противостоит усталости в пору долгой, тяжелой боевой вахты? По свидетельству Фисановича, это сила духа, мощь воли и проявление мужского характера.

Î ú íáñ áú çáúòú

×òí ðáòáú èçá:íá

«Áúòúèèü í á áúòú».

В промежутках между боевыми походами Израиль Фисанович писал книгу, сочинял стихи. Он – автор песни, которою пели тогда на всех флотах.

Время от времени он покидал плавбазу в Полярном, чтобы принять участие в работе Еврейского антифашистского комитета, членом президиума которого был. Подпись его стоит сразу за подписью Михоэlsa под воззванием «К евреям всего мира». В апреле 1944 года Фисанович принимал участие в историческом митинге представителей еврейского народа. Участники митинга тепло приветствовали тридцатилетнего боевого офицера, на груди у которого сверкала Золотая Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны и «Морской Крест» США (Фисанович был награжден им за «смелость, инициативу и преданность своему делу»).

Считается, что история не терпит сослагательного наклонения. Поэтому, вспоминая нынче гибель членов Еврейского антифашистского комитета в начале 1950-х, гонишь от себя мысль о возможной судьбе Израила Фисановича, доживи он до тех трагических лет.

Гитлеровские спецслужбы по советским публикациям тщательно отслеживали и определяли самых своих «заклятых врагов», нанесших особенно великий ущерб рейху. Их включали в так называемый «Список личных врагов фюрера». Директива гестапо была озаглавлена: «Перечисленных лиц разыскать и повесить!» Израиль Фисанович, уничтоживший столько фашистов, да еще к тому же еврей, занял «почетное» место в этом списке. Узнай он об этом, наверняка гордился бы такой честью. Но директива была найдена в Берлине лишь в мае 1945 года.

...Перед тем как покинуть Заполярье, я долго стоял на скалистом мысе Лиинахамари, где установлен обелиск в память о Фисановиче. Много обдумываешь, глядя на этот камень... Но буду предельно краток, говоря с читателем.

Командование направило Израиля Фисановича в Великобританию, где он должен был принять английскую субмарину В-1 и перегнать ее на базу Северного флота. С ним была команда подводников. 26 июля 1944 года лодка отчалила от пирса плавбазы Лервик и взяла курс на Полярный. Вскоре после отплытия она подверглась удару с воздуха и затонула. Экипаж погиб.

В течение нескольких лет эта трагедия обсуждалась в прессе. Некоторые английские газеты после войны опубликовали сообщение, согласно которому о маршруте подлодки немцы узнали от своего тайного агента в штабе ВМС Англии. Так она была найдена и уничтожена германскими бомбардировщиками.

По другой версии, опубликованной в российской печати, лодку потопили сами англичане «при невыясненных обстоятельствах».

Никто и никогда не расскажет о последних минутах наших моряков. Можно лишь вспомнить слова самого Фисановича: «Погибнуть – не значит быть побежденным».

«ВСКРЫВАЕМ КОРНИ» ИЛЬИ ИЛЬФА

Аḥaḥarai ada Eivō

Ἰ +ai eiaō da-ū m̄ d̄iēō a ai? Eāēēā eēuōi aēēā eī d̄iē i ū «aīēōi aai» ē pēaēiē ōaēuē? Ἀ Ἀi adēēā aai ūi -aai i, ā ā D̄iēēē m̄ aai iā aai i i yāēēy i aū +aē «eīēaōū eī d̄iē». Ὁ «aēāāēūā eī d̄iē» aīōū aī q̄ i aē i i nōū a d̄iēōū eīō i dē - aīēēē aēyā ā i d̄iēēiā ē i i yōū eōi i i aīōū ā i aīōi yūai. Ἀ Ἀi adēēā i iēēē eī d̄iē - aai i dēyōi fā ē aī nōiēiā xoi aī D̄iēēē, i i q̄ aīēōā iōāē - ūy aēy eī d̄iēōēē m̄ d̄aēē.

Ἄ D̄iēēē 1920-1930-ō aīāiā ōi aēā yī adē - i i «eīēāē eī d̄iē», i i ōi aīēē «eī d̄iē ā d̄aē». I iēēēai ē q̄ aīēi aēēi m̄ aēāēūūā aī n̄ a d̄iēō aai i ūā eī iēēēē, aī yāēyāēēā «i aī d̄iēō a d̄iēēā yēai aī ōū». Ἀ q̄ aīēi ūō eīē aēāō Eivōā ōaō ēāō aīō d̄a - a bōny i i i aīēiā - ēō aēūūā ō d̄a q̄: «Ἀ i, aīā aīēōi a bō eī d̄iē», «Nōai ā aīōi aū q̄ aī p̄ aēēēōp̄ aēēi ū», «Nī aōā - a d̄, aīā - aēi aēē eāyēy ā n̄ aēō ā d̄aō», «Ἀ aīō i ū aē aīēōi aī eī d̄iē». Eīēi dēō i i iēēiā «-ēiōēā» ā d̄iē aīā «i iēiōiē ōaēi iē» ē aī aāēēā «Aēōā - eī d̄iē Eī aē» (aōōāēō ā d̄ Aā d̄ēāā, i i aī aī yūi - eīōēē, ā aēēō ā n̄ aīō aīēēē aī i).

«Aī aī aīō, -ōi n̄ōāēēē aī d̄aī, ā eī d̄iē i a aīēi d̄ - aāēē», - ōē a q̄ i aēē i a q̄ a a a i i ūē ō i a d̄ē ū Nōāēēi ā aīēēāā «I i d̄aīē i i aī n̄ i nōē ā Ἀ Eī (a)». I a d̄iē yōēā i i «aīēi d̄ - a a i a i ē p̄» i a q̄ i a aē i i n̄ i «-ēiōēiē». Aēē a aēōā iē d̄ aē aīēā - aē i aēē, aī n̄ i ūy ē i iō i i nō aī i i aēē aēē eīō d̄ aē aī ē p̄ eēē i a aē aīēēē e q̄ ē yōēē. Ἀ aēā iō i i n̄ i nō aēū i i yāēē i a d̄iē «aī - eū aī i ūō» i a i d̄ē i ē i aēē i a d̄ aīō ō, ēēōāēē ōaō eēē eī ūō i d̄ā ē i a d̄ aē aāēē ō ēēō aēū i iē eēē - ē iē «ēēō aī ōū». («I ūōē, ōāā aī aī d̄yō, ēēō aī aī!») - i iē d̄ēēē aīō I nō aī A aī aī d̄, i d̄iē aē aī yūi n̄ aī q̄ i ō iē iā) Ἀ i d̄iē aī n̄ i «-ēiōēē» m̄ aīō n̄ ēēā ā d̄ aē aī ā i a i n̄ o a aē yēē i i i ūō iē n̄ d̄ iō ū i n̄ a i i a i d̄ iē aō a d̄ iē i a i d̄ iē i n̄ i aē aī ē ā, i +ai aī aī d̄yō q̄ a a a i ūā (i i ēēōū i a i a d̄ iē aē yā!) n̄ d̄iē - ēē Eivōā e q̄ aī q̄ aīē ūō eīē aēē, i aī d̄ē i a d̄: «B d̄iēēy i aē aō i iē iō i ē i aē i aē i i aē» eēē «Iōāō i iē i aēūēē, i aōū d̄iēēē». I a d̄iēēē i i q̄ a - eō i iē a y i i i a i d̄ē q̄ i a iēā: «B d̄iēēy ā a a i iē a d̄ iē iē iēēē n̄ i ūā ē ō - eēy i a i a i ūā a a i ūā». Eī d̄iē - a aī aī d̄y: «x aē i aēēā, eīō iō iē ē i aē m̄ aīō a a i iō p̄ ō a a d̄ēēā, ā ā aīēōā i a iē i aē, -ōi i i i d̄iē aō a d̄ēēē ō i n̄ o a i i i a ō d̄ a a, -ēiōyō n̄ i aī - ē i i ».

Ильф никогда не скрывал того, что он – «лицо еврейской национальности». Он любил повторять: «Всё равно про меня напишут: “Он родился в бедной еврейской семье”». Один из его рассказов начинается словами: «Иногда мне снится, что я сын раввина». Хотя это написано «в тоне юмора» (отец его был мелким служащим Сибирского торгового банка в Одессе), однако интересно узнать о семье и предках писателя.

«Всё началось с деда», – написал Вениамин, младший брат Ильфа, над фотографией Беньямина Файнзильберга – очень внушительного господина с кустистой черной бородой, датировав этот снимок серединой позапрошлого века. Его сын Арье (или Арья, или Арьё), отец Ильфа и его братьев, родился 1 сентября (ст. ст.) 1863 года. В дальнейшем у него появились братья и сестра. В конце XIX века большая семья Файнзильбергов, за исключением Арье Беньяминовича, во главе с бабушкой переселилась в Америку, в Хартфорд (штат Коннектикут), который и по сей день населен «Файнсилверами». Нет сведений, где они жили до отъезда – в Киевской губернии, в Одессе или еще где-то. Почему не уехал старший, узнать не удалось.

О деде Беньямине информации нет. Скорее всего, ко времени эмиграции его уже не было в живых. Во всяком случае, он не упомянут нигде, кроме как в рассказе Ильфа «Блудный сын возвращается домой» (1930): «Вот, например, прадед. Он был гробовщиком». Но, вероятно, и это написано «в тоне юмора». (К тому же выходит, что гробовщик – прадед, а не дед.)

В полном издании «Записных книжек» Ильфа об американских родственниках говорится достаточно подробно. Вот описание его поездки в Хартфорд – гнездо американских Файнзильбергов/Файнсилверов (22 октября 1935 года). В квадратных скобках – уточнения, сделанные в соответствии со сведениями, полученными от моей хартфордской кузины Франсез Файнсилвер-Блюментол:

Όσοι ιδεολογία είναι «εδαφική» άγρυπνή Αέεϋϋι η οαοάε [Pauline, Γίεεϋ] ε Αεάιϑ [αί:ϋ Γαοάι, ιεάι γίεοά Θεεϋϋι α, ερεία Εεϋοά]. Γίοταεε :αι -οί ία ίαίά Αοάεε οδε η ιίεταείε :αι ιί οίε αάίταε ε εδαφάε άδταά Οαδοοίδα, ούτιαιίε εεϋοϋϋι ε <...>

Άτι εε ία άα εαδοεδϋ. Γααδο αεάο άγρυπνή Αέεϋϋι <...> Γταεε η ιοδαοϋ άδτα η Γαεάι [Merrill], ηίι άγρε Αέεϋϋι α

Άτι Γαεά Οαίά Δγαι άτι Αε:αδ-Νοίά Γοεη Γαεϋ. Γί ε αία οδε οάταεεά Γαοίε Εγίεοίε. Γεαοεε Γααοοϋ Αοαα άγρυπ [Γαοάι] γ οταε ιί οίοίταοεε, ιί αοοίε, αοε άοιηε ε αοαεε ά Γίφ-Είδε [αα άι:ϋ Αεάιϑ άι ηαι ίε είι:είϋ ά 1994 άαο αεεά ά Γίφ-Είδε], αεάίά οί αεά ά 1930 άαα άαία εαε αεάι, ι αεί. Γί ατε εταεί η Γαεϋ [Γαοάι]. Είτα η, ά 1896 άαα ατε δαίηη:εεί ε :αι -οί οίοίταε, Γαε Οαί ιίεαε αα, αεάα αα αεεεεά ατείη, ε ηαε δαηη δαοεάοϋ ι οηηεε αεείε. Γεαεαεε εαοίεοϋ εαεατε δα, είτα αααο εαοε ι εί ι. Γί ι:αιϋ εραεε αοαε <...>

Α αδαεά αεάε αία Γαίη άγρυπ [Γαεά Είι], οταε οταε ιί οίοίταοεε. Γαε ηηοδϋ Αέεϋϋι ά [οί άοϋ Γείε] <...> Αία οαοε. Ααοοεοίά ιίεαεε [ααηϋοί, ιί ατεα ηεεεεί ηοαα] <...> Αέεϋϋι ι:αιϋ εεϋε, εαοάι:εατε :αείεε.

Судя по единственной фотографии, бабушка красотой не отличалась. Ильф шутил, что его бабушка была негритянкой. Многократно упомянутые мемуаристами темные пятна на его губах друзья называли «негрскими». Имени бабушки в веках не сохранилось.

В письме Ильфа из Нью-Йорка в Москву от 23 октября 1935 года об американских родственниках сказано еще подробнее:

Α:αη εααεε εα ιίε άγρυπνή Αέεϋϋι η αεάίε, ε ιϋ ιίεαεε ά Ααδοοίδα, ά οαοά Είηεοεεο. Αγαι 56 εαο, ιί ι αεάίεεε, η ηαδοαίη αεϋι ε ατείηι ε, ε ιίοταε ία ίαίό ι ίαα, οίεϋε ία εεοί, ά ιίοταείε ε ι αααί ε. Γί εαοάι:εατε, ιί ι:αιϋη αεί ιδαοο ι αεείε. Γϋ ααεε :αοϋδα :αιη Ααδοοίδα ίαηαείηαίη εδαφάε άδταά ααηι εαεαίηε ατεϋεείε ιηηίει ε εεϋοϋϋι ε. Α ίεο οταϋο ιί ηεείεοεά οηηεε ά οίοίταε :αοε ατεϋεεά άτι ά εαηη αεάο ά εδαφάο ααηϋοαείϋο άτι εεαο ά αα εεε ίαίε εαδοεδϋ. Αγρυπνή εατε ααο αοίοτε γαε οαείη άι εεά. Οαι γ εαοδαεε ε Γααε, αε ηεαείά ααεείεά ι ηη ε εαεαίηε ααα, :αι ία αε οεά εαο αααοαοϋ Αέεϋϋι, ι οε αα ηηοδϋ [ηαεί αϋοϋ Γαεά Είι] ε αία Γαεί άγρυ, είοίοη γ ία οταε [?], ηηαηα εατεί άροηη ιοίεαεε ααοι ίαεεε «εδαφική», «ιεεί οο», «γηηεη» ε «ααίη». Αηοϋ αία Γαεί άγρυ, ηαι ηε ηοαοε [Γαοάι?]. Αα εεοί γ οταε ιί οίοίταοεϋι, είοίοη αεηεε ο ίαηαι ά. Γί οεά ίε:αι ία αεεαο. Γί ατε εταεί ηη Γαεϋ Οαίηι. Γαε Οαί, είτα ατε οεά εαί ατεοϋ ιεηοαεάι, ι ιίη εαο αεε ά Ααδοοίδα, ε γ ατε ά αα άι ά <...> Γίεαείη εηη ιί ηη Γαεϋ Οαίηι οαε: ά 1896 άαο ιί ατε δαίηη:εεί ε οίεε ιί αααί, :οί-οί ιοίεαεε, :οί ιοίεαεε - ιί οαίηη οεά ία ιίη ίεο. Γαε Οαί αεε Δγαι η Αε:αδ-Νοίά Γίε ηεαεε ίαα ά ηαα, ε Γαε Οαί εαί οααηηαεηη άγρε, ιίοιη ο :οί άγρυ ιηεε αεείηα ατείη, ε ηαα ατεί αεάι, :οί ιί εε Δηηεε. Αεεεεε ηι ίεηο αα δαηη δαοεάε ι Δηηεε ε ιοηηεε άγρυ εαοίεοϋ εαεατε δα, είτα ιί αααο ιοίοίεοϋ ι εί ι ηη ηηεί ε οτααί ε.

Раз Ильф узнал дядю по фотографиям, значит, он его никогда не видел. На твердых, толстых паспарту остались дырочки от булавок или кнопок, которыми фотографии пришиливались к стене.

Получив от меня в 1992 году перевод письма Ильфа о его визите в Хартфорд, кузина Франсез сделала детальный семейный обзор:

Ναηοδα ε ααο αηοοίεεε ά ααε η ααοοι ε ηηοδτε. Θεεϋϋι ααεεηη ία Γίεεϋ, ι:αιϋ εδαφάε ααηηείά ηηοδα άγρε Γαεά Είηά Οαοϋ Γείε, ηααοαϋ ααίε άγρε Γαεά, ατεα ηηοδτε Θεεϋϋι ά ε Γαοάι. Γαί ιαηι οεαηηι ηηδεεηηι αεαο ηαίε. Είτα Ααεά ααο άγρε Γαεά, οί αα, ία ηηαεεά εαηηαίεϋ, ιί ε αηοοίεεε ά ίοϋ ι-οαεε ηη αδοίεεεηοααίηοη αηηηα οηηεε οαοϋ Γίεεϋ οί αεα οδεοι εδεοϋ Γαηηοίηιϋ.

Θεεϋϋι ά ηαιηι ααεά ατεεε ιαείο ηαδοαίηι ιοίοηηεηαεϋι, ά Γίεεϋ ιοαεδαηηι ηοίεεεά. Ο ίεο ατείη ααηη:αδε - Δηεεε ε Αεάιϑ, είοίοη εαεε Εοηεεά Αεάιϑ, :οίηι ία ιοαοϋ η ι Γαε οηηίε οαοείε Αεάιϑ [αί:αδϋ Γαοάι], ε ηηι Γαδεεε. «Εοηεεά Αεάιϑ» ηείη:αεαηηι ατείεϋεε εαο ίαεα; αι ι οε Εαί Αίεαοοι αεά ιη οαηαο. Ο ίεο ααηά ααοε - Ααααα ε Αεαίδαε. Αεαίδαε -

*ῥδενῶ, αεεαῶ ἁ Ἐαεεοῖδῆε, Ααδῶαδῶ – ἁ Ἰῶῖ-Ἐῖδῆἁ ἡ ἰ αεαῖ ε ααῖ ὕ αῖ-αδῦ ε. Ἐῖαεε οῖαεἁ ἰἁ
αῖῖεἁ αῖδῶα; αἁ αεεῖῖδῶαῖῖαῖ αῖ-ῦ ἁ Ἰ αῖῖῶ-ῖῖῶα. Ἰ αδδῆεε ε Ααδῖεῖ Ὀαεῖῖεεαῖδ αεεαῶ ἁ
αῖῖαῖῖ Ἰ Ὀαδῶοῖδῶα Β αεεῖῖ αεαῖῖῖ ἡ ἰεῖ ε. Ἐῶ αῖ-ῦ ἁ ααῖῶδῆεαῖῖ αῖαῖδῶα οἱ αδῆἁ ἰδῶ εαεεἁ εε,
ἡῖ Ἀεαῖ – αῖεοῖδῶ, αεεαῶ ἰἁ Ἰδῶαῖῖ αῖῖαῖῖ Ὀ Ἰ αδδῆεεἁ ἁ οἁ-αῖεἁ ἰ ἰῖῶῶ εαῶ αῖε αῖεῖῖε
οῖδῶῖ ααῖεἁ ἁ Ὀαδῶοῖδῶα ἰ ἰ ἰ ααῖῖ ἰδῶῖαε ἰδῶ αῖε.*

Из писем Франсез известно, что в 1919 году у дяди Мейера Кона и тети Минни появилась дочь Рут. Она жива по сию пору, но очень стара и недомогает.

К сожалению, не удалось выяснить ни точных дат жизни американских дядьев и тетки, ни имени бабушки, ни хотя бы приблизительной даты кончины деда Бенямина. Любви американцев к своим «корням» хватило лишь на то, чтобы «вырастить» единственно надежное родословное древо, принадлежащее Натану Файнсилверу. Его внучка Франсез обнаружила мое существование совершенно случайно, более десяти лет назад. Она знает, что Ильф – писатель, но сама по-русски не говорит и не читает.

ḐἸ ἈἸ Ἰ Ἰ Ἰ ἈἸ Ἰ Ἀ Ἀ Ἀ Ἀ Ἰ Ἀ Ὀ Ἀ Ἰ Ἀ Ὀ αεῖ Ἰ Ἰ Ἰ Ἰ Ἀ Ἀ Ἀ

Ἰ Ἰ Ἰ Ἰ Ὀ Ἀ Ἰ Ἰ Ἰ Ἰ 1992 Ἀ.

НАТАН (середина 1880-х – 1964)

жена ФЕЙГЛ/ФЕЙГА (1872–1930-е)

1. дочь БЛАНШ (1900 – 18 декабря 1994)

2. сын ЭДВАРД МАКС (1907–1955)

его сын Джон Файнсилвер (род. 1934)

его дочь Франсез Файнсилвер-Блюментол (род. 1938) (моя кузина. – А. И.)

ее муж Сэмюэл Блюментол

их дети:

Бетси (род. 1959)

Эдвард Гарри (род. 1960)

Лоренс (род. 1967)

В Хартфорде сохранилось письмо старшего брата Ильфа – одесского художника, сменившего тяжеловесную еврейскую фамилию на итальянизированный псевдоним «Фазини». Письмо отправлено Натану Файнзилбергу/Файнсилверу в Америку в 1922 году. Желание Фазини покинуть Россию (в то время Одесса была южнорусским городом) вполне объяснимо: послереволюционные годы в Одессе оказались страшными и тяжелыми.

23 αἰ δαῦ 1922

Ἐῖῖῖδῶαἰδῶεῖῖῖῖῖῖ

Άϊδίατέ άγάγ Ι άόάι!

Ά:άδ, ίαείίά, ύ ίτέ:έέ Άαοά ίένυ ί τό 30 ί άδδ. Β ί:άίύ ίάδαιάάέύ άί ό έ ίδνέοάέ άά (έ μάαείά έρ, ύ ίά έί άρ άάάέίά ύ έίά) ήάέύέεί άεί άείά. Αή όί, +όί Αύ άάίάέόά ί αέεί έ ά Αί άδέά ί ίά ί:άύ ίίύόί, έ ύ άόί άρ, +όί ίά ί ίάά ές Άάέό έάί ά:άέέ Αύ άέά, άάήύόί, ίάέέ ήάά ίόάό ά ί ίάί ίένυ ά έ Άάί ίόήά, έίόίόά, άάήύόί, άέά ίτέ:άί Άάί έ. Β ήάύ ίένέίέύεί ίά ίάί άίύά άρ έ ίάέδαιί ίίίεί άρ, +όί ίέεί ό ίά ί ίάέό άήόάέόύ άάίάέύ, έίάά άί ό ίά άείάό ήάέέόύ :άείάέ, έίόίόά έάέ άάόί ίάάί άάάό ήάάέάόύ Ι άίύοά άήά ύ όί:ό ύόίά. Έ άέέ ό ί άύ ίά άύεί άύ άάάί ίήόέ ά όί, +όί ύ ήάί ή ίάό ήάύ ίόίέόί έόύ ύ ίά ήάέ άύ Άάή άάήίέτέόύ Β άήόάόί:ίί άήήέύέ :άείάέ, +όί άύ ίόάάάόύ ήάά ήήύέ ίό:άό ά όί, +όί ύ ήάέδάρήύ άάέόύ Έ ήάέάί έρ, ήάέ:άή ίάέύ άάέόύ άάίάόά, έ άίάέόάόύ Δήήέρ ήάέ:άή έάέ ίίίόέύά — έίά:έό άίάάόύ ή άόόύ Άάί, έ ίόάάέάίήόύρ ίό Δήήέ, ύόί, ύ άόί άρ, όδύάί ήάά ίόάάόάέόύ Ι ί ίόάάόάέόύ ήάά, +όί όάείά Δήήέ ύόάίάόύ :άείά:άέίί ό άί ό ίάάί έί ίάεί. Υόί ίέεί άέάάόύ ήάάόάί ίύί έ άάάί έ, έ όίέύεί όίάά ί ίάεί ίίίύόύ Άήέ άύ ύ άύέ ίάεί, ύόί άύά ίά ήόάόί, ύ άύά ί ίάέό άύόύ ίόήύίέ άύ ίτέήά έέέ άίέύά ί ί όάί ίάί ά, ίάίά, άάάόύ, έ ίόέ ίάί έ ίύέ, +όί έό ήέίό άάά ό:άήόύ όά, έίόίόά άέά άί έάέέ ίά άέό ό άάά, άά άήέί έ ίί ίύέ, ύόά ί ύέύ ί ίά ήάάόάί ί ίάάί ήέί ά, έ Άάί όίάέ ύ άόί άρ, όδύάί άάάό ίίί έδέόύ ή όάί, +όί Άάο άάά όί έάάό ίό όίά, +όί άίό άέά άά άάά έάέ άί ό ίά:άή άήόύ, έ +όί άέέ ύ άύά άάά όάάόί ύάάόύ ήάέδάόύ :όί-έάί ήάέάόύ έέέ άάάόύ ίέά ά Δήήέ ί ίάεί άάάό άέόύ όί ύόέί ύ ίάέέ άρ ήάέό όάί ύό ίά ίάί έίόάί άρ ή άόόύ όάείά ίίέίάέά έά έί έέόίόά ί άήύά όίί ό ίάάά Β άάάέ, ήόάάέά όήάέάέάέ άίέύύό, έάείά έήόύάίίύό, ίάέάάάάάί άίί ήήόάέάέέύ ίό όύάέίά, έί ίάί έάί:ίίά όδύά Ι ήόάέέ έό άά άάάί ίήόέ ά όί, +όί ήέ ίόήάέάό άύά ί άήύ. Ι ίάάόά +όί ύόί ίά ήέίά, ύόί ήάί άύ άέάή άύ ίόάάά. Άίό ή:άί ό ύ ίά ί ίά άίάέάόύ έέέ άήύόύ όύάέίέ αέεί έ ά Αί άδέά

+όί ά Αί άδέά αέείύ όδύάά, +όί όάί έάάό άάήόέάύ, έάέάίάάάύ άίόάά έά ήόάάόάίά έά, ύ έί άρ άάάί έ έ ύόί ό ίίάά όίάέάί. Άάά:έ ίί ίόήόάήέ όάίάέέεί έ έί άύ όίόέί ύόί όάί άέί έ έήύόάά ά όά:άέά ίίίάέ έάό όύάάόύ όδύά, ύ όί:ό ίάάήύόύ, +όί ήά άρ ήόήέόύ έ ά Αί άδέά Α Δήήέ, ά ίόήέύά, έίά:ίί, άάά, ό ίάύ άύέά άάάί ίήόύ έ ύ έάάάόύάέ άίέύέά άάί ύέ. Α Αί άδέά άά ίά άή άίέύάύ έίίέόάί όέύ, όάέέά άάί ύέ, έίά:ίί, ήάάό έί άόύ όδύάί, ίί ύ ίέείάά ίά άύέ ίήάάί έί έ άήάά άήάέύέύ. Αή ύόί άάά ί ίά ήή ίάί έά άύ άόύ +όί ύ ίά άάό Άάί ά όύάήόύ Έίά:ίί, ίά ίάάά άάάί ύ ί ίά όδύάί άάάό, άάήύόί, ίάέόέήί άά Άάοά ίί ίύέ, ί ύόί όίέύεί ίά ήά ίά έίόήέά άάάί ύ, έ Άάοά ίί ίύύ άίέέίά άύόύ όίέύεί άάάί άίίέ. Ι ίά όδύάί, έίά:ίί, άίόάέόύ Άάί ί ή άέάάάάόίήόύ έά άή όό ίί ίύύ, έίόίόή Αύ ί ίά ίέάίάάά έ, ύ άέάό ίί Άάοάί ό ίένυ ό έήέάίά όίόέόά ίέάόόύ όάέέά άάύέ όδύάί ίάέάάόήύ ήέίάάί, έ ύ ίάάάρήύ ίόέ άήόά:ά ή Άάί έ έ έέάέάέόάί έίάέί ήόάά έήέέέόύ Άάο έήάίά έ άάέάί έά <...>

Драматическое письмо! Однако, в результате ли задержки денег, по другой ли причине, выезд в Соединенные Штаты не состоялся, и художник оказался в Париже.

Напрашивается вопрос: почему одесский племянник в 1922 году обращается именно к дяде Натану с просьбой принять его в Америке? Фазини пишет очень почтительно. Возможно, по совету отца? Возможно, несмотря на долгую разлуку, Натана связывали со старшим братом теплые, сердечные отношения? Достаточно вспомнить надпись на фотопортрете Натана 1900-х годов, poslanном в Одессу: «В знак вечной памяти моему дорогому брату Арьё Господину Файнзильбергу от Н. В. Файнзильберга»...

Где же изначально селились Файнзильберги? Судя по фотографиям, в позапрошлом и начале прошлого века Файнзильберги и их родственники были разбросаны по всей Киевской губернии (Шпола, Черкасы, Лебедин, Городище, Богуслав; возможно, Киев; упоминается Екатеринослав).

Из посемейного списка нашего семейства известно, что в 1891 году «богуславский мещанин» Арьё Бенъяминович Файнзильберг (1863–1933) сочетался браком с Миндль Ароновной, урожд. Котловой (1868–1922; попала под трамвай) в местечке Богуслав Каневского уезда Киевской губернии.

Кстати, в семье детей звали русскими именами. Думаю, что и родители говорили не на идише, а по-русски, то есть на своеобразном одесском наречии.

Свидетельство о рождении старшего сына (Сруль/Саул/Александр, будущий художник Сандро Фазини, род. 23 декабря 1892 года) выдано Богославским раввином, однако родился он в Киеве. Стало быть, в Одессу семья переехала между 1893 и 1895 годами: следующий по старшинству сын, Мойше-Арон (будущий Михаил), родился в Одессе 30 декабря 1895 года. В Одессе же появились на свет Иехиель-Лейб, будущий Илья Ильф (3 октября 1897 года), и младший – Беньямин/Вениамин, названный именем покойного дедушки (10 января 1905 года).

Несмотря на твердое намерение отца дать сыновьям серьезные, надежные профессии, двое старших стали художниками, третий – писателем.

Коротко о братьях Файнзильбергах, по старшинству.

Александр, Сандро Фазини, талантливый одесский график в 1910-х годах, сотрудник «Окон Югоста» в 1920-м, эмигрировал в Париж в 1922-м. Интересный художник, работавший на стыке кубизма и сюрреализма, и отличный фотограф, он был арестован нацистами в 1942 году и в 1944-м закончил свои дни в концлагере Освенцим. Посвященная ему выставка (рисунки, наброски, фотографии, архивные материалы) вскоре должна состояться в тель-авивском музее.

Михаил, следовавший по стопам брата, также оказался одаренным графиком с «музыкальным» псевдонимом Ми-фа, затем – МАФ. Сотрудник «Югоста», он в 1921 году переехал из Одессы сначала в Петроград, затем в Москву; работал в газетах и журналах, занимался фотографией. Судьба его не сложилась. Катастрофически неустроенный, не приспособленный к жизни, он умер от голода в эвакуации, в Ташкенте, в 1942 году.

Ильф (также псевдоним: три буквы имени плюс первая буква фамилии) – самый известный из четырех. Переселившись в Москву в январе 1923 года, работал в периодике, писал фельетоны и очерки. Через пять лет Илья Ильф и Евгений Петров прославились как авторы романа «Двенадцать стульев», а затем – «Золотого тельца» (1931). Их перу принадлежит множество рассказов, фельетонов, сценариев и книга путевых очерков «Одноэтажная Америка». Кроме того, Ильф оказался тонким поэтом-фотографом. Он умер от туберкулеза в 1937 году.

Прискорбное совпадение: трое старших братьев скончались один за другим.

Младший, Вениамин, прожил без псевдонима. Ему удалось оправдать ожидания старика-отца: он был топографом, инженером, работал в легкой промышленности. Умер относительно недавно, в 1988 году, оставив массу великолепных фотографий – пейзажей и портретов.

Подведем итоги. Дело сделано, корни вскрыты. Но если всё-таки не удалось «вскрыть» до конца – что ж поделаешь? В каждой родословной обнаруживаются лакуны.

СПОРЫ, НЕСОГЛАСИЯ И ДАЖЕ ОДНА РАЗМОЛВКА

Аііааеаеò Ñаòііа

İ de ane ianraeaeòe aa nİ anoadiaesi ioiioaeia İ adraea e noeai, i daioaaeaeia i oii, eae, ii-ai ó ça-ai e aey -aa iie ieoòni, ó iaã auer maadeaiii oi ea -oi ó Aidea Eaiieaiae-a Noou ea ioia i daioaaeaeiy auia a oii, -oi aaeaiia - ioi oa ai oodaiiy, aoiiai ay aeciü eioidie aeaaò iiyò, a noeòe - ioi oiuei iodaeeaeia ioie aa aoiiaie aeie, oiuei neaaü, inòapueaiy iò aa aeoeaaiee ii ieeai ai iaã ia oiaeiüi oðiaì.

İ iyoi oi e ii-oye ii aİ ai aaeaa diaioph aooa

Ei aii iioii ó, -oi oa iaiioaeaiiaiy ai oodaiiy aeciü iodaeeaeia e aidaeeaeia eioidie auiee aa noeòe, auia aey İ aiaey aaeia emeaiiuò aa eadaeeyi e no-aeiuò eei-eia aoi aa, eioidia ii inoiyiii ooye, - ei aii aò iyoi oi iiaç noae İ adraeo aeaea aia iai aey eia aaeai auie eae daç daueioaò, oae neaçoü iia-iue iðiaeo ioie aa aoiiaie aeie, oi anoiiai e noeòe.

Как я уже сказал, поначалу мне казалось, что сблизило их свойственное им обоим резкое неприятие модернизма.

Да, то, что принято было тогда обозначать этим словом, оба они не любили. Но эта их неприязнь к модернизму на самом деле была всего лишь частным случаем другой, гораздо в большей степени характеризующей их неприязни. Это была неприязнь – нет, тут нужно более сильное слово! – это было отвращение к существовавшему и в прежние времена (вспомним живопись Вронского), но в наш век особенно распространившемуся явлению, которое один мой добрый знакомый (Михаил Давыдович Вольпин) на редкость метко обозначал придуманным им словечком: псевдѣж.

Стихи Евтушенко и Вознесенского раздражали его не тем, что они выбрали себе не тех учителей, не те образцы для подражания (один – «байстрюка» Маяковского, другой – неистовую, еще дальше, чем Маяковский, пошедшую по пути разрушения классического стиха, Цветаеву). Раздражали и отвращали они его тем, что нагляднее, чем все другие стихи тогдашних молодых поэтов, являли собой не результат, не «побочный продукт» внутренней, духовной жизни автора, а откровенную и даже демонстративную имитацию этой духовной жизни.

В этом они с Манделем сразу сошлись, и Эмка не без оснований всегда считал Самуила Яковлевича и тут полным своим единомышленником. Тем сильнее было его разочарование, когда С. Я. вдруг изменил этой их общей платформе.

*Ἰδὲ αἴνε' ἰατρίῃσ' αἰὼς Ἰ' ἀδοῦσα π' ἰατροῦ ἀδελφί' ἰοῖσ' αἰεὶ αἴν' ἐπὶ ἐοῦσι, ἰδμῶν ἀαεὶ εἰς ἰ
ὀνι, εἰς, ἰῖ-αἰ ὄ γὰ-αἰ ἐ αἰῦ -αἴ ἰε ἰεσοῦν, ὁ ἰατ' αἰεὶ π' ἀδοῦσ' ἰῖ ὀι αἰ, -ὀι ὁ Αἰδὸν
Ἐαῖ ἰεῖσ' αἰ-α*

* * *

Однажды, когда во время очередного нашего визита к Маршаку у нас зашла речь на эту тему, С. Я. сказал, что огромный успех Евтушенко и Вознесенского нельзя игнорировать, во всяком случае, нельзя с ним не считаться. Успех не бывает случайным. Если встречи этих молодых поэтов с читателями не обходятся без конной милиции, значит, для кого-то их стихи – хлеб насущный.

Я сказал, что потребность в этих стихах у читателей, конечно, подлинная. Но это потребность не в поэзии, а в чем-то другом. В том прикосновении (пусть только прикосновении, «по касательной», но всё-таки прикосновении) к правде, по которой читатель так стосковался.

Напомнил только что явившиеся тогда на свет строки Твардовского:

Νὸ ἐὼς εἰς ἀσπὸς ἰ ἐπὶ ἐὼς,

Ἄα ἰ δαῖν ἰ ἐ πῆλα-εἰ

С этими строчками, кстати, вышла у меня тогда довольно неприятная история.

Я процитировал их в той самой моей статье о Евтушенко и Вознесенском («Если забыть о часовой стрелке...»), о которой не раз уже упоминал на этих страницах.

А контекст, в котором у меня была приведена там эта цитата, был такой:

*Ἰῖγῦῦ ἰατρίῃσ' αἰὼς αἰὼς ὀαἰ, -αἰ ἰῖα αἰεὶ αἰεὶ αἰεὶ, - -ὀὀεὶ ἀσπὸς ἀσπὸς, ἀαεὶ εἰς ἰ
ἰὀγῖα ἀβὺεἰ ἰῖ ἰα ἰ αἰεὶ εἰς ἰα ἰα ἰα ἰα «ἀὸι ἰα ἰα ἰα ἀαεὶ εἰς ἰ». Ἄ αεὶ εἰς αἰεὶ εἰς
αἰεὶ, ὀὀι αἰ ἰ, ἀσπὸς, πῆλα-αἰεὶ εἰς ὀὀι ἰ. Ἄ ὀὀὀὀ ἀσπὸς ἀσπὸς πῆλα ἰ ἰεεὶ εἰς αἰεὶ εἰς
«ῖῖῖ».*

Ἐ ἀσπὸς.. ὀὀὀὀ ἀσπὸς εἰς ἰῖῖῖεῖα:

Ἄσπὸς εἰς ἀσπὸς ἰ ἐπὶ ἐὼς,

Ἄα ἰα εἰς αἰὼς ἰα-εἰ

Νὸ ἐὼς εἰς ἀσπὸς ἰ ἐπὶ ἐὼς,

Ἄα ἰ δαῖν ἰ ἐ πῆλα-εἰ..

Ἐ ἀσπὸς ἰὸ ὀι εἰς αἰ,

Î ò ãðñéíã ñæðáðà,

Êæé áááòí ááó áí ìíðí

Á áááíá ááç áééáðà..

- áíðááéííí ó ðááðáíáíéíáí.

Твардовский на этот мой пассаж смертельно обиделся.

Обиделся он, как мне передавали, на слово «вырвалось». Но по правде говоря, основания для обиды у него были более серьезные. И дело тут было отнюдь не только в этом, показавшемся ему обидным, словечке.

В стихах его, которые я цитировал, речь шла о том, как велика разница между ловко сложенными, мастеровитыми стихотворными строчками и – настоящими стихами, как трудно вытащить из себя, претворить в стихотворные строки правду своей души:

Í á ì ííã íááíáíí òðñá,

Óì áííÿ è íòááã,

× òíá ñòðí: èè á ðè òí á, òí òí éóíá,

Ñíñòááè òííá áóí ááá

Óí á áéáá áéí: èè áíñòíé,

Óí òÿ è íáííáíéíé,

Óí á áéáá éáííí èè éðòíé,

Óí òÿ è íááííéíé.

Í í áíáòííÿ, áíáòííÿ òáé è íÿé -

Èì íáíéòè ñáóí ááè.

Êæé áíáí ðè ò ñòáðèé Ì áðøáé:

- Áíéóá: èé, ì áéí òÿã...

От этого маршаковского «мало тяги» и родился образ, легший в основу процитированного мною четверостишия: «Дрова как будто и сухи, да не играет печка...»

А первая строфа в моей цитате – та, с которой я это четверостишие соединил, – она вовсе не из этого, а совсем из другого стихотворения. И оттого, что я из этих двух разных четверостиший составил как бы некий единый текст, получилось, что Твардовский говорит совсем о другой правде: той, которая ушла из нашей поэзии конца 1940-х – начала 1950-х. Получалось, что и он тоже лгал вместе со всеми официальными советскими рифмоплетами, дружным хором исполнявшими «марш энтузиастов». Лгал – и вот теперь сам в этом признался. Оттого и чувствует себя самозванцем: «Как будто еду до поры в вагоне без билета...»

Что говорить, обиделся он на меня не зря. Основания для обиды были.

Но как должен был поступить поэт, которого обидела – допустим, даже оскорбила – статья критика?

Лучше всего, конечно, было бы ему напрямую (скажем, позвонив по телефону) высказать мне свою обиду. Но на то, чтобы живой классик снизошел до объяснения с молодым, совсем еще не известным критиком, я, конечно, рассчитывать не мог: так далеко моя наивность не простиралась.

А вот на то, что он передаст мне свой укор через кого-нибудь из общих знакомых (хоть через того же Маршака), надеяться мог вполне.

Вероятно, могли тут быть и другие какие-нибудь варианты. Но Твардовский выбрал самый плохой. Он отреагировал не как поэт, а как партийный вельможа: позвонил в ЦК и пожаловался на меня Игорю Сергеевичу Черноуцану, который был тогда замом «дяди Мити».

Эта его жалоба никаких последствий для меня не имела. Но тут уж я на него обиделся. И поделился этой своей обидой с Самуилом Яковлевичем.

Выслушав меня, С. Я. сказал:

– Да, голубчик, вы правы. Этот поступок Александра Трифоновича, конечно, не украшает. Но что поделаешь, он – такой.

И не задерживаясь более на этой истории, вернулся к обсуждению стихов Евтушенко и Вознесенского.

Тут это пришлось к слову, и он сказал, что Александр Трифонович относится к ним «так же, как мы с вами». И даже не считает для себя возможным печатать их в своем журнале. А вот это – неправильно. Напечатать их, конечно, надо. И он, Маршак, убедил Твардовского дать в «Новом мире» большую, представительную подборку – сначала Евтушенко, а потом и Вознесенского. И «Трифонич» согласился. Но при условии, что потом, вслед за этой публикацией на страницах его журнала появится обстоятельная статья, в которой будет высказано «наше» отношение к этому явлению. И написать эту статью должен не кто иной, как он – Самуил Яковлевич Маршак.

Деваться ему было некуда (сам заварил эту кашу), и он согласился. И даже эту статью уже написал. И сейчас нам ее прочтет.

Я выслушал эту маршаковскую статью более или менее спокойно, хотя мне она тоже не шибко понравилась, а Мандель – тот просто кипел. Он нетерпеливо ерзал на своем стуле, не в силах дожидаться, когда чтение закончится и он наконец сможет высказать старику всё, что там у него накопилось.

С. Я., не догадываясь о том, что творилось в Эмкиной душе, а главное, не совсем еще понимая, с кем он имеет дело, сложил свои листочки и, довольный собой, стал ждать привычных комплиментов. Но вместо комплиментов последовал полный разгром.

– Самуил Яковлевич, – начал Эмка. – Я вас не узнаю! Ведь это же совсем не то, о чем мы только что говорили! А главное – совсем не то, что вы на самом деле думаете!

И пошел, и пошел...

С. Я., давно уже забывший о тех временах, когда собеседники позволяли себе с ним такую степень откровенности, был сконфужен. На него просто жалко было смотреть.

Когда Эмка закончил, он с некоторой надеждой обратил свой взор на меня.

Мне, как я уже сказал, его статья тоже не больно пришлась по душе. Написана она была вяло, состояла в основном из частных упреков и замечаний, перемежавшихся традиционными оговорками о несомненной одаренности молодых поэтов, страдающих чрезмерной самоуверенностью и поэтому слегка сбившихся с правильного пути.

Но высказать это Самуилу Яковлевичу с той же прямоотой, с какой это сделал Эмка, я не мог.

Помимо всего прочего, я понимал, что, сочиняя эту свою статью, С. Я. был связан своим положением «старика Державина», который должен же был, «в гроб сходя», кого-нибудь благословить. Ну, а если уж вышло так, что благословлять особенно некого, не имел он права всей тяжестью своего авторитета обрушиваться на «племя младое, незнакомое». Прокуроров хватало и без него. А свою миссию он видел в том, чтобы опекать молодых, предостерегать их от ошибок, мягко, по-отечески журить.

Примерно в этом смысле я и высказался.

Слушая эту мою сбивчивую и не совсем искреннюю речь, С. Я. радостно кивал, давая понять, что я – в отличие от Эмки – правильно понял его благородные намерения. Но я чувствовал, что эта моя защитительная речь всё равно вышла кисло-сладкой. А в глазах Эмки – постыдно соглашательской.

Выступать перед Самуилом Яковлевичем в этой постыдной роли соглашателя мне приходилось постоянно. Я не то чтобы боялся вступать с ним в спор. Но даже споря, почти всегда держался в границах некой субординации. Хотя бы – просто возрастной.

Лишь однажды у меня хватило духу эту субординацию нарушить.

Ñ. B. ñéçàé, ÷òí íáñí í úé áñ áñ Áàò óçáí éí è Áíçí áñáí ñéíá í áéñý èñ í ðéðí áàóú Áí áñýéí ñéó-áá í áéñý ñ í éí í á ñ-éò áò úñ. Óñ áñ í á áñ ááò ñéó-áéí úí. Áñ è áñò ðá-è ýòéò í íéíáúò í íýóíá ñ ÷-éò áò áéýí è í á í áòí áýóñý áç éí í í é í èééòéè, çí á-éò, áéý éí á-òí èò ñòéòé - óéáá í áñòúí úé

Ситуация была примерно такая же, как в случае с той статьей, которую Эмка разгромил, а я – сквозь зубы – похвалил. Но в этот раз я был единственным его слушателем, и читал он не статью, а стихи – последние, только что написанные. И так же привычно ждал комплиментов.

Особенно нравилось ему – это чувствовалось – одно из прочитанных им в тот вечер стихотворений. И комплименты, которые по его поводу он ожидал услышать, были бы, как ему казалось, вполне им заслужены.

Но именно это стихотворение и вызвало взрыв.

Называлось оно «Марине Цветаевой». Для наглядности – чтобы ясен был смысл вызванного им инцидента (на самом деле не такого уж мелкого), – приведу его полностью:

Éáé è ñàí à òú í ðáñíéçàçéá

Éó-ñí, áñ óááòéí áñ çáí èè,

Éí áñá çáçáú óéá í á ñò áéí,

Óáñ è ñòéòé áñ í áñ áñ óéè.

Óááý í ú ñéúóéí á éáæáí é óðàçá

*Áàà ìí ìò àààò ì àeàò ìáíé
 Óààò í íé òíò ìeàáí ìéíé àyè
 Ñ òúááí ìéíé ìò òààò í íé àí òíeáíé.
 Í í òàé í ò-àòèèáí àeáí à,
 Áààá íáàò à èáéíé ò èáí ùp,
 Áòòà, í ò èòú ò ày ìò òàááí ùp,
 Ñ ò òààò ò yí í ò èòú ò ày àí áí à
 Í òíò ú ááí ò eýááí áúé ò áíé í òòú
 Ááááí í íé í ò èòú-í àéí í-éé,
 Ñ ááý ò ú áí í ìíeááí áé ìò òí-éé
 Ñòí àéà òíeé í á áàòí òòú*

Сейчас я уже не могу точно вспомнить, когда С. Я. прочел мне это стихотворение. Но скорее всего это было осенью 1961 года.

Во всяком случае – это я помню точно – это было время, когда имя Цветаевой было еще в достаточной степени одиозным.

Незадолго до того – в 1957-м – разразился скандал вокруг статьи Эренбурга (главы о Цветаевой из его книги «Люди, годы, жизнь»), напечатанной в только что разгромленном альманахе «Литературная Москва». Альманах изничтожали втихаря, методом закрытых, полусекретных аппаратных циркуляров и постановлений. Но Цветаеву, а заодно и Эренбурга, открывшего читателю это незнакомое ему имя, разоблачали и чернили публично. В «Крокодиле» появился хамский, зубодробительный фельетон Ивана Рябова, в котором Цветаева сходу была зачислена в компанию «Сергяшкиных» (поэтов-декадентов, смакующих сладость небытия), над которыми в свое время глумился Горький.

Статья Эренбурга должна была стать предисловием к готовящейся к выходу книжки Цветаевой. Но после фельетона Рябова об этом нечего было и думать. Не только предисловие Эренбурга, но и сама цветаевская книжка этим фельетоном была торпедирована: выход ее в свет был отложен на годы. (Вышла она лишь в 1961-м, то есть как раз в то самое время, когда Маршак написал и прочел мне свое стихотворение.)

На фоне этой, лишь недавно отгремевшей грозы, стихотворение Маршака вполне могло представляться его автору чуть ли не подвигом. Во всяком случае, комплименты, которых он ожидал, на которые безусловно рассчитывал, наверняка казались ему более чем заслуженными.

Но у меня, вопреки всем его ожиданиям, это стихотворение вызвало противоположную реакцию: оно меня возмутило. И отреагировал я, едва он закончил чтение, примерно так же, как Мандель на ту его статью про Евтущенко и Вознесенского. Кажется, даже теми же самыми словами: «Самуил Яковлевич, я вас не узнаю...» Или даже еще того хлеще: «Как вы могли!.. Да как у вас язык повернулся!..»

Особенно, помню, возмутило меня тогда уверение Маршака, что Марина Ивановна сумела вернуть себя родине «до последней строчки». До этого тогда было еще ох как далеко! С огромными потерями вышедшая наконец небольшая ее книжечка «Избранное», была чудовищно изувечена цензурой и редактурой. Едва ли не каждое входившее в нее стихотворение, с боями продираясь к читателю, оставляло клочья живого кровоточащего мяса на колючей проволоке, возведенной не только редакторами и цензорами, но и многочисленными доброхотами-доносчиками.

À. Ðàððàñàñè. Ëó:óá àññ, èñá:íí, áñéí áñ àí ó íàíðÿì óð (ñèàæàí, ïíçáñíèá ïí ðáèáóñí) áññèáçòóò ï íá ññð íáèáó. Íí íá òí, ÷òíáñ æèáñé èèáññè ññçñóæé áí íáñÿñ áñéÿ ñ ï íéñáñ, ññáñí áñá íáèçáññòí ïí èðèòèéí, ÿ, èñá:íí, ðáññ:èòóáñòóò íá íá

В анналах недавно открывшихся архивов сохранилась записка Б. Рюрикова, тогдашнего зама заведующего отделом культуры ЦК, директору «Гослита» Владыкину: «По договоренности Вам направляется копия письма Е. Серебровской».

Сохранилось и само это письмо (лучше сказать – донос). Член Союза писателей Е. Серебровская считала своим гражданским долгом сигнализировать, что готовящаяся к выходу книга Цветаевой «может нанести вред читателю, в особенности молодежи». «Прошу, – писала она, – поинтересоваться судьбой этой книги и в особенности статьей Эренбурга. Седины мы уважаем, но общественные интересы должны стоять выше».

После этого доноса верстка цветаевской книги срочно была отправлена на «дорецензирование» Н. Степанову, В. Огневу и В. Перцову, а потом – с личным письмом Владыкина – еще и А. Суркову. Бдительный Перцов решительно отверг предисловие Эренбурга, потребовал заказать другое предисловие (его потом написал В. Н. Орлов), а также потребовал коренного пересмотра состава сборника...

Всех этих подробностей я тогда, конечно, не знал. Но о мытарствах, которые пришлось преодолевать составителям книги, кое-что мне было известно (от моего товарища по Литинституту В. Огнева, бывшего одним из «дорецензентов» и по мере сил пытавшегося спасти книгу). Так что можете себе представить, какой фальшивой нотой прозвучало для меня утверждение Маршака, что Цветаева наконец-то сумела вернуть себя родине целиком – «до последней строчки».

Но это было далеко не главное.

Больше всего возмутил меня тогда сам тон этого стихотворения Маршака, его прощающая интонация. В строчке «Пусть безогляден был твой путь...» мне послышалась даже нотка некоего осуждения: пусть, дескать, ты чего-то там наплутала, даже покинула родину, но вот вернулась всё-таки, и родина, слава тебе, Г-споди, простила тебя, приняла в лоно свое твою бедную заблудшую душу.

Много лет спустя – уже, наверно, в 1980-х – случилось мне прочесть короткое стихотворение умершего в эмиграции русского поэта Ивана Елагина:

Àñá æèá:áññé,

Ðáññòðáéÿáøéé íòòá ï íáñ

Ëáðíí á Èèáñ, á òðèááòóò áñññ ïí.

Ááñÿòíí, íá íáññèð áñóæé,

Èèáñò íá ïíéñá

È ààèí ì òèáí:í í á àóí ñèè.
Í ó à áñè í í òí áð -
Í ááóí í, æèá:áéí ááè,
× ò í ì òáá í áí ù í òáí ò òáè í í
òí è ò í è
Í òí áí è í è í þ
Ç à è ò ò: è á à è
Ð ó è è
Í ò ó ó í í áí ó
Ç à ñ è í è.
Á áóí í, ò í æ á í á í áí ñ è þ á ú ó á è.
Á áñè í í òí áð
Ò í, í á ááóí í á, æèá:áéí ááè,
× ò í í ú ò á è í á áí í òí ñ á ò í ò ó á
Ý ò í ò, á áóí í, í á í:áí ù òí òí ò þ
í áí ñ è þ á ú ó á è.
Í í æ á ò á ú ò ú è í í áí è ò á ú á æ è á
× ò í í ò ó á á ú áí á è è í á òáí ò òá è.
Áí è è á ú ý ç à ò í ò á è,
Í á ò òí á è í ó í í á á ú á áóí ò ò ú í ý.
Í ñ è ú ó á è,
× ò í á ú ý ò è è þ á è
Í òí ò è è è í á í ý.

Прочитав это стихотворение, я сразу вспомнил тот вечер, когда Маршак прочел мне свой стишок о Цветаевой, и то, что я при этом чувствовал, и то, что тогда ему наговорил.

Нет, сейчас я, конечно, вряд ли вспомню всё, что в запальчивости наговорил тогда Самуилу Яковлевичу. Ясно помню только одну свою фразу: «Ах, родина, значит, ее простила, да? А вы не подумали о том, что это ее надо было бы спросить: простила ли она, смогла ли она простить свою родину, это чудовищное наше государство, которое уничтожило, раздавило, растоптало всех ее близких, а саму ее довело до петли?!»

В отличие от тех людей, которые «простили» сына замученного и расстрелянного ими его отца, у Маршака не было перед несчастной Цветаевой никакой личной вины. Во всех ее несчастьях и в ее

трагической гибели он – лично – виноват не был. Но он прощал ее от имени государства, с которым себя отождествлял.

Больше всего меня поразило именно это! В четверостишии, заключающем его стихотворение о Цветаевой, с Мариной говорил не тот Маршак, с которым я уже привык беседовать в одной из самых, как мне казалось, «дальних комнат» его «квартиры», а «Маршак Советского Союза», обитавший в той его «парадной гостиной», где он принимал меня с Осетровым.

Не помню сейчас, чем кончился тогдашний наш разговор, но какое-то впечатление мой «взрыв» на Самуила Яковлевича, как видно, всё-таки произвел. Когда стихотворение было напечатано, я заметил, что одно словечко в той последней строфе он всё-таки заменил. Заключительные строки того варианта, который он мне прочел, звучали так:

Себя ты до последней строчки

Сумела родине вернуть.

В печатном варианте они выглядели уже чуть-чуть иначе:

Себя ты до последней строчки

Успела родине вернуть.

Не «сумела», а «успела». Разница как будто невелика, вроде даже и не заметна. Но я, прочитав печатный вариант (в маленькой книжечке Маршака «Избранная лирика», вышедшей осенью 1962-го), эту разницу с удовлетворением отметил. «Сумела» – это значит сделала какое-то усилие для того, чтобы вернуть себя родине «до последней строчки», то есть, чтобы родина отпустила ей все ее заблуждения и грехи. Может быть, даже повинулась перед родиной, признала, что в чем-то была перед ней виновата. В слове «успела» этого оттенка, как мне показалось, уже нет.

Может быть, всё это – не более чем плод моего воображения. А может быть, даже и та осуждающая, прощающая Цветаеву интонация, которая так возмутила меня в этом маршаковском стихотворении, тоже мне только померещилась?

Нет, даже сейчас, когда всё написанное Цветаевой и впрямь – давно уже – вернулось к нам «до последней строчки», я всё-таки слышу в последней строфе стихотворения Маршака эту прощающую ноту. Прощающую ее от имени государства.

Звериный оскал этого государства Маршаку был хорошо знаком. На этот счет не было у него никаких иллюзий. Но при всем при том он ощущал и сознавал себя государственным поэтом, «Маршаком Советского Союза». И как будто не смущался этой своей ролью. Не стыдился ее.

На эту тему мы с ним почти никогда не говорили. Но одна – весьма примечательная – его реплика, объясняющая его отношение к этой проблеме, запомнилась мне хорошо.

– Россия, голубчик, – сказал он мне однажды, – это такая страна, где надо идти только по дороге. Один шаг в сторону – и попадешь в трясины. А дороги, – многозначительно закончил он, – прокладывает государство.

Получалось, что каким бы оно ни было, это трижды проклятое наше государство, оно – как и в былые, царские времена – оставалось всё-таки единственной силой, способной хоть как-то цивилизовать эту огромную дику страну, где – по слову Вяземского – от мысли до мысли тысячи верст бездорожья и пустого пространства.

Этот разговор, как вы понимаете, происходил не в «парадной приемной», а в одной из самых «дальних комнат» его «квартиры». Выходит, что и в этих, «дальних», «комнатах», куда не всякому посетителю дозволено было войти, Маршак оставался государственным.

Вот так, впрямую, мысль о цивилизаторской роли государства в нашей дикой стране, как я уже сказал, была брошена им лишь однажды. Но к разговорам о том, как глубока пропасть, отделяющая тоненькую пленочку цивилизации от темноты и холода российского бездорожья, он возвращался постоянно.

Однажды рассказал такую историю.

Отдыхая в Барвихе, он разговорился с одним министром, и в разговоре выяснилось, что мать этого высокопоставленного советского чиновника – совсем простая деревенская женщина, до сих пор живущая в своей деревне, в какой-то глухой, как теперь принято говорить, глубинке.

Министр время от времени навещал старушку, но, как видно, про свою московскую жизнь говорил с ней не часто. Во всяком случае, где и кем работает ее сын, она представляла себе, как оказалось, весьма смутно. И однажды прямо его об этом спросила.

Несколько удивленный этим ее неведением, он ответил.

– Я – министр. Понимаешь? Министр!

– Ну да, министр, – кивнула она. – Это я понимаю. Но работаешь-то ты где? Где она протекает, твоя работа?

– Как это где? – еще больше удивился он ее бестолковости. – В моем учреждении, в министерстве.

– И это я понимаю, – снова кивнула она. – Раз министр, значит, в министерстве. Но это министерство-то твое, оно где располагается? В доме? Или на улице?

И узнав, что в доме, облегченно вздохнула:

– Ну, слава Б-гу! Не на холоде, значит, а в тепле. Это хорошо!

И только тут почтенный министр усек главный смысл ее вопроса. Старушку совершенно не интересовало, в чем состоит работа сына, чем он там в своем министерстве занимается. Ее волновало главное: на улице проводит он свой рабочий день, как проводила его всю свою жизнь она и все ее предки, или в доме, в тепле. И только узнав, что в тепле, наконец-то поняла, что работа у сына хорошая. Не то что у них, деревенских. И совсем не важно было ей, что он там, в этом своем учреждении, – главный. Был бы хоть самый что ни на есть последний писарь. Водораздел между плохой и хорошей работой в ее сознании проходил не между разными должностями – высокими или низкими, а между теми, кто вынужден весь свой рабочий день – в любую погоду: в дождь, в снег, в слякоть, в мороз – торчать на улице, и теми баловнями судьбы, чья работа протекает в доме, в тепле.

Этот рассказ министра так поразил Маршака, что однажды он даже попытался его записать. И не просто записать, а претворить в некую художественную форму. В результате явилось на свет коротенькое стихотворение, включенное им потом в сборник его «Лирических эпиграмм»:

Ó íáííá ñááòñéíá ì éíéñòðá
Ñí ðíñéà ì àòü æéáúáý á ááðááí á
- Òü éáì ñé:áñ ðááí ò ááòü ñíííé? -
Íí áé í áçááé ñáé í ñò è ó:ðáæ ááí üá
Íí ì àòü í á óñí íéíéáæéñí, ñ ðíñéà:
- Á ýòí áííí áúáí èè, ñíííé?
- Áà, óñáý, áñéóæááííì éáéíáòá

- Аă а і іі аі аі іі? І о е оі оі оі.

М. Цветаева. Простила ли она, смогла ли она простить свою родину, это чудовищное наше государство, которое уничтожило, раздавило, растоптало всех ее близких, а саму ее довело до петли?!

Не слышал бы я от Маршака тот поразивший его рассказ «одного советского министра», я бы так и не понял, в чем смысл этой его «лирической эпиграммы». Не понял бы даже, что побудило его так неуклюже записать эту невнятную историю и включить ее в сборник своих лирических эпиграмм. А ведь Маршак вообще-то умел внятно – а порой даже и виртуозно – выражать то, что он хотел выразить, – и в стихах и в прозе. Что же случилось с ним на этот раз? Почему не удалось ему передать в этом стишке даже слабый отблеск того, поразившего его воображение рассказа?

Объясняется это, я думаю, просто.

Этот услышанный им в Барвихе рассказ министра – и уж во всяком случае то, что поразило его в этом рассказе, – с полной откровенностью могло обсуждаться только в какой-нибудь из «дальних комнат» его «квартиры». Попытка вынести это обсуждение в «парадную гостиную» не могла не кончиться провалом.

Стихотворение Маршака, посвященное памяти Марины Цветаевой, говорит о том, что стены, отделяющие «дальние комнаты» его «квартиры» от тех, где обитал «Маршак Советского Союза», не были совсем уж непроницаемыми.

Лирическая эпиграмма про «одного советского министра», напротив, свидетельствует об обратном.

Но какими бы они ни были, эти стены, они спасали – и спасли – хозяина квартиры от цинизма, от полного растворения в неизбежном для государственного поэта сервилизме. Подобно тому, как водонепроницаемые переборки, когда в трюме корабля обнаруживается течь, не дают судну затонуть, стены, возведенные Маршаком между разными «комнатами» его «квартиры», защитили его от того страшного душевного растрепания, которого не избежали многие его сверстники.

ИОСИФ БАРБАРОССА

Давид Шраер-Петров

Хочется называть его Барбаросса. Хотя и не помню Иосифа Бродского бородатым. Обросшим рыжей щетиной помню. В пламенеющей рыжей гриве среди туманов и дождей Ленинграда помню. Но всё равно: Иосиф Рыжебородый. Иосиф Барбаросса. Что-то от Иеуды Маккавея, от Иоанна Крестителя, от императора Барбароссы. Все – из пушкинского «Пророка»: «И уголь, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул... Восстань, пророк, и виждь, и внемли, исполнись волею моею, и, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей».

В апреле 1961 года я вернулся из армии. Илья Авербах, которого я встретил на Невском проспекте, заявил: «В Ленинграде появился гениальный поэт Иосиф Бродский. Слышал о таком?» – «Почти не слышал и ничего не читал». – «Ему всего двадцать лет. Пишет по-настоящему один год. Гениальный. Его открыл Женька Рейн».

Зимой 1986 года мы с Евгением Рейном вспоминали встречи с Иосифом, которому исполнилось тогда сорок пять. Впервые Бродский появился у Рейна в конце 1959 – начале 1960 года. Тогдашние стихи его производили впечатление хаоса, сооруженного из поэзии ниспровергателей: Маяковского, Неруды, Хикмета, Арагона. Всё это Рейн высказал Бродскому вполне откровенно, но, конечно, со свойственным ему тактом. Бродский воспринял урок (а потом уроки) Рейна жадно и основательно. Каждое посещение Бродского доставляло Рейну всё большее и большее удовлетворение. От «авангарда» Бродский потянулся к «архаике» – русским поэтам XVIII века – Кантемиру, Сумарокову, Державину.

Итак, мы сидели с Рейном, и я вспоминал, как в 1961 году, всего через два-три дня после моей встречи с Авербахом, раздался звонок в нашу квартиру. Я сидел дома в Лесном, в опустевших после смерти мамы комнатах. К наружному стеклу приник прошлогодний лист клена, желтый, скрюченный, напоминающий звезду Давида, которую нашивали на грудь евреям во времена Катастрофы. Черные апрельские стволы черемухи скрипели и пели что-то мрачное, тоскливое, российское. В комнатах становилось холодно и сыро. Наступили сумерки. Я затопил печь. Сырые дрова, забытые в сарае с прошлой осени, едва схватывались ленивыми язычками пламени, переползающего с лучин на поленья.

В дверь позвонили еще раз. Я пошел открывать. На лестничной площадке, опираясь на рогатые ручки велосипеда, стоял рыжеволосый юноша. Он болезненно улыбался. Его полуоткрытые алые губы обнажали ряд оскаленных клыков. Лицо заросло жесткой рыжей щетиной. Он посмотрел на меня открыто и обезоруживающе. «Вы Давид Шраер? – спросил он. – Я Иосиф Бродский. Ваш адрес мне дал Авербах. Телефона у вас нет, а я знаю кое-что из ваших стихов. Приехал пообщаться».

Я провел Иосифа через коммунальную кухню, мимо наших соседей, которые тарачились на моего гостя, словно это явился дьявол. Он и в самом деле напоминал дьявола. В нем присутствовала дьявольская сила, привлекающая к нему людей и одновременно пугающая.

Он вошел в комнату, бросился к печке, открыл дверцу, сунул поближе к горящим поленьям красные, замерзшие руки. «Видите, Давид, еврейские буквы?» Красновато-фиолетовое пламя выжигало на поленьях черные расщелины, напоминающие еврейские письма. «И желтые звезды!» – бросился он к окну с прилипшим кленовым листом. Я видел, что Иосиф крайне возбужден, экзальтирован. «Давайте выпьем чего-нибудь, Ося», – предложил я. «Да, да, если немного, – согласился он и тут же продолжил: – Знаете, Давид, у вас в комнате есть что-то монастырское, отшельническое, что-то от древнего скита. И в то же время натыкаешься на еврейские реалии».

Мы выпили мадеры. Сидели перед печью, едва освещаемые горящими дровами, стреляющими иногда и вспыхивающими, как фейерверк. Мы читали друг другу. Молчали. Впитывали горьковатый печной дымок, вкус мадеры, вкус стихов.

«Давид, вы последний поэт, пишущий любовные стихи. Преимущественно любовные стихи», – сказал Иосиф. «А вы, Ося, первый в России после Мандельштама принесли в классическую русскую поэтику еврейское смятение души». «Пока еще, пока еще я иудей. То есть, – он усмехнулся ядовито-горько, – я иудей всегда и потом останусь иудеем. Но скоро мне будет тесно в синагоге». «Купол небесный – Твой Храм?» – спросил я с надеждой, что он отвергнет эту кошунственную альтернативу. Но он не отверг.

Мы стали видеться часто. Тем более что ближайшим окружением Бродского были и мои друзья: Рейн, Бобышев и Найман. Авербах восторгался Иосифом, но сам писал мало и оставался, скорее, глашатаем нового гения, нежели соратником.

На одном из наших совместных выступлений перед студентами Ленинградского университета (Бродский, Горбовский, Бобышев, Шраер) Иосиф представил меня примерно так: «Давид Петров-Шраер, мой друг, хороший поэт. Только что вырвался из армии».

Выступать рядом с ним было испытанием. Он обладал силой гипнотического притяжения. Рыжая взлохмаченная голова, пылающие румянцем возбуждения скулы, заросшие рыжим мхом щеки, картавый, каркающий, зловеще завывающий голос и кадьница пасти, из которой, казалось, вырывается адское пламя. И – дивные, завораживающие, обнаженные, переполненные тысячами фонетических и интеллектуальных аллюзий стихи. Всё человечество теснилось в его стихах. Он становился голосом болеющей человеческой совести. Проходил эволюцию от иудаистских стихов к стихам русского космополитического диссидентства.

Помню странную вечеринку в округлом двухэтажном особняке на Петроградской стороне. Серый гранит особняка, за который цеплялись побеги плюща, поразительно гармонировал с серыми огромными глазами хозяйки. В свои двадцать пять лет она была умудрена разводами (двумя или тремя) и играла роль опытной светской дамы. У нее собирались молодые литераторы. Политика выходила за пределы интересов этого круга.

Бродский представил меня хозяйке и отправился в гостиную, где начал опустошать бар и продолжал это занятие до тех пор, пока не настало время ужина и чтения стихов. Собравшиеся ждали его чтения. Он был пьян, и рыжие волосы слиплись и потемнели от испарины, а картавые гортанные звуки его голоса нетерпеливо перекатывались по квартире.

Выпустив салфетку, нервно придушенную до этого кистью левой руки, он оперся на мое плечо и, размахивая правой рукой, вооруженной тушкой куропатки, начал чтение. Со спины куропатки слетали пунцовые ягоды моченой брусники. Он читал поэму, не имеющую аналогов в русской поэзии. Поэму, написанную белым пятистопным ямбом. В ней с пяти или шести точек зрения (устах героев) анализировалось убийство, случившееся в южном городке. В прозе подобный метод использовал Анатолий Гладилин («История одной компании»).

Бродский читал так, что замирало всё и вся. В мире оставался только его голос, его рыжие волосы, его наливающееся багровыми пятнами лицо и полужакрытые глаза.

Он кончил читать. Все молчали. Внезапно он оглядел сидевших безумными глазами, коричневые радужки которых плавали в кровяности воспаленных склер, как отрубленные головы куриц в лужицах крови. «Это мой друг, – он посмотрел на меня. – Он будет читать. Он еврей, и к тому же последний еврей, пишущий русские любовные стихи». Сказав это, он тяжело опустился на стул и, впад в забытье, до конца вечера не произнес больше ни слова.

Иосиф Бродский стал знаменитостью. Звездой первой величины в русской молодой поэзии. Запад узнал его стихи и прислушался. По словам Рейна, признание Ахматовой таланта Бродского произошло 7 июля 1962 года. Рейн привез Бродского на дачу к Ахматовой в Комарово. Они гуляли, дошли до Щучьего озера. Иосиф читал стихи...

Глубокой осенью 1962 года писатель и китаист Борис Вахтин устроил большой вечер поэзии в конференц-зале Института народов Азии. Дождь хлестал в высокие окна. Нева накатывалась на гранитные спуски. В такие дни в Ленинграде бывают наводнения. В серо-коричневой молочной мгле послеполудня едва виднелись Ростральные колонны, Петропавловская крепость, опоры мостов.

Мы выступали (в последний раз) вместе: Бобышев, Найман, Шраер, Бродский. Не помню, был ли Рейн. Чтение Бродского вызвало энтузиазм. Мы договорились читать «по кругу» – немного один, потом другой и т. д.

Бобышев выступал удачно, публика хорошо принимала его стихи. Найман читал артистично, и, если бы не его неожиданное падение со сцены (он оступился, это вызвало идиотский смех, и расстроенный Найман ушел домой), – он разделил бы лавры с Бродским. Стихи Анатолия Наймана той поры откликались на множество тем и настроений ленинградской диссидентствующей интеллигенции, заполнившей зал.

Я прочитал поэму «Мария», развивающую темы Маяковского. Публике особенно пришлось по вкусу строчка: «Где я русский жид». Поддержка зрителей вселила в меня уверенность, и я удачно читал лирику.

Постепенно (в соответствии с реакцией публики) на сцене остались мы с Бродским. Читали по очереди: одно стихотворение он, одно – я. Моя молодая жена Мила, только что переехавшая из Москвы в Ленинград, страшно переживала. Я следил за ее лицом. Доволен чтением был и Вахтин. Он любил мои стихи.

Бродский, читая, постоянно вглядывался куда-то в задние ряды, в кого-то, кто сидел рядом с огромным дальним окном. Силовая линия тянулась к нему оттуда. Внезапно, во время паузы между моим чтением и его предстоящим стихотворением, скрипнул стул. Иосиф сжал челюсти и нервно оскалился. Высокая тонкая фигура молодой женщины, одетой в темное, поднялась и выскользнула из украшенных геометрическим орнаментом дверей. Он прошептал женское имя и попросил меня продолжить чтение.

Над головой Бродского сгушались тучи. Он много и успешно читал. Возникла ситуация, когда официальные круги (партийные и писательские) должны были высказать свое открытое суждение. Талант его был несомненным. Несомненным оказалось и то, что Иосиф не собирался следовать традиционному стереотипу: идти в институт, на завод или в армию: «зарабатывать стаж», получать положительные эмоции от общения с трудовым народом и воспроизводить эти эмоции в конформистских стихах. Он, как всякий иудей, оказался человеком Книги. Из Библии черпал Иосиф свои философские взгляды. Потом

присоединились древние греки и римляне. Средневековые философы. Но прежде всего – русские поэты: Ахматова, Блок, Цветаева, Пастернак, Мандельштам.

Бродский многому научился у Евгения Рейна и сохранил ему благодарность на всю жизнь. Больше всего он был привязан к Ленинграду, к Литейному проспекту, к своему дому на улице Пестеля – около церкви, видневшейся из окон его захлавленной старой квартиры. Его вечной спутницей была Нева: «Я родился и вырос в балтийских болотах, подле серых цинковых волн, всегда набегавших по две, и отсюда – все рифмы, отсюда тот блеклый голос, вьющийся между ними, как мокрый волос...»

Он пренебрегал опасностью, тысячами опасностей, подстерегающих его в темных подворотнях каменного города, основанного Петром.

Уместно (по совпадению имени) привести несколько строк из романа Ф. М. Достоевского «Подросток». Ситуация страшно напоминает то время, когда Бродский был так обласкан Анной Андреевной Ахматовой. «С вами ничего не случилось у Анны Андреевны?» – «То есть что я имею сумасшедший вид? Нет, я и до Анны Андреевны имел сумасшедший вид».

Бродский, конечно, и до знакомства с Ахматовой «имел сумасшедший вид» – то есть был гениально одарен славой и опасностями. Но после знакомства с Ахматовой всё это возвелось в некую космическую степень, определяемую и его непреклонной гордыней.

В конце ноября – начале декабря 1963 года в Доме писателей под председательством Брауна (нарочно назначили умеренного конформиста-поэта) состоялся разбор стихов Бродского. Он читал. Началось обсуждение. Больше всех безумствовал поэт Лев Куклин. Да и остальная поэтическая братия бесчинствовала, словно ведьмы во время оргии. Каждая строчка Бродского подвергалась осмеянию и трактовке в духе «антисоветская», «чуждая», «враждебная». Не помню, были ли на обсуждении Бобышев, Рейн, Найман. Ахматовой я в зале не видел. Кушнер молчал, сжав ротик, как провинившийся (за то, что знал с хулиганом) мальчик-паинька. Я обратился с призывом к Брауну (хорошо мне знакомому еще с конца 1950-х) прекратить экзекуцию над талантливым молодым поэтом. Крики поутихли. Я вывел потрясенного Иосифа на улицу. Впервые он испытал на себе ненависть литературной черни.

Ситуация нагнеталась с каждым днем. На стороне его врагов было всё: милиция, пресса, продажные писатели. Отец Бродского обратился к друзьям за помощью. В декабре 1963 года Иосиф уехал в Москву.

№22

Если поэт не был приписан к Союзу писателей или группому литераторов, то его титаническая работа в СССР не учитывалась как трудовая деятельность.

Кое-как Бродский пережил новогоднюю (на 1964-й) ночь в Москве, а наутро взял 20 рублей у Рейна и купил билет в Ленинград. Рейн отговаривал: «Тебя немедленно арестуют». «Я еду навстречу своей судьбе», – ответил Бродский.

Мы что-то пытались еще предпринять. Нужно было срочно устроить его на любую работу. Я договорился с моим отцом – главным инженером автобазы, и мы отправились к нему с Иосифом. Ехали

долго, в самый конец Московского проспекта. Медленная езда раздражала Бродского: «И так будет каждый день?» «Пока от тебя не отстанут. Придется перетерпеть», – успокаивал я его.

Отец встретил рыжегривого поэта радушно. Провел по двору автобазы. Познакомил с мастером. Решили, что Иосиф оформится на должность мойщика автомобилей. Бродский написал заявление о приеме на работу. Отец подмахнул резолюцию. Бумага ушла в отдел кадров. Можно было вздохнуть с облегчением. Статья «за тунеядство» отпадала сама собой. На следующий день мой мягкий, тактичный и доброжелательный отец позвонил мне на работу: «Может быть, Иосиф что-то перепутал? Адрес потерял и всё такое... Пусть не волнуется. Ничего страшного».

Бродский не стал мойщиком автомобилей. «Я ничего не могу, кроме писания стихов», – виновато сказал он мне.

Его арестовали 17 января 1964 года. («В день рождения композитора Сергея Слонимского, когда все здорово надрались», – вспоминал Рейн.) Готовился процесс. Появилась мерзкая статья в газете «Вечерний Ленинград» за тремя подписями: А. Ионин, Я. Лернер, М. Медведев. Статья называлась «Окололитературный трутень». Самой мрачной фигурой среди авторов статьи оказался Лернер – в те времена командир комсомольско-молодежного отряда в том самом районе Ленинграда, где жил Бродский.

Я приведу цитаты из этой стряпни, явившейся, по сути дела, главным материалом для обвинительного приговора:

Несколько лет назад в окололитературных кругах Ленинграда появился молодой человек, именовавший себя стихотворцем. На нем были вельветовые штаны, в руках – неизменный портфель, набитый бумагами. Зимой он ходил без головного убора, и снежок беспрепятственно припудривал его рыжеватые волосы... С чем же хотел прийти этот самоуверенный юнец в литературу? На его счету был десяток-другой стихотворений... Эти стихотворения свидетельствовали о том, что мировоззрение их автора явно ущербно. «Кладбище», «Умру, умру...» – по одним лишь этим названиям можно судить о своеобразном уклоне в творчестве Бродского. Он подражал поэтам, проповедовавшим пессимизм и неверие в человека, его стихи представляют смесь декадентщины, модернизма и самой обыкновенной тарабарщины... Этот пигмей, самоуверенно карабкающийся на Парнас, не так уж безобиден. Признавшись, что он «любит родину чужую», Бродский был предельно откровенен. Он и в самом деле не любит своей Отчизны и не скрывает этого. Больше того! Им долгие годы вынашивались планы измены Родине... В Самарканде Бродской пытался осуществить свой план измены Родине... Он ходил на аэродром, чтобы захватить самолет и улететь на нем за границу. Он даже облюбовал один самолет, но, определив, что бензина в баках для полета за границу не хватает, решил выждать более удобного случая... Очевидно, надо перестать нянчиться с окололитературным тунеядцем. Такому, как Бродский, не место в Ленинграде.

Иосифа Бродского осудили на пять лет ссылки в Архангельскую область – почти в Заполярье. Определили работать в деревне. В книге «Часть речи» он напишет: «Валит снег; не дымят, но трубят трубы кровель. Все лица, как пятна. Ирод пьет. Бабы прячут ребят. Кто грядет – никому непонятно: мы не знаем примет, и сердца могут вдруг не признать пришельца».

Он получил всемирное признание. Люди милосердны к жертвам тирании.

К нему в деревенскую глушь приехала любимая женщина. Я не знаю пронзительней и народной стихов, чем эти, написанные Бродским в память о ее приезде: «Ты забыла деревню, затерянную в болотах залесенной губернии, где чучел на огородах отродясь не держат, – не те там злаки, и дорогой тоже всё гати да буераки. Баба Настя, поди, померла, и Пестерев жив едва ли, а как жив, то пьяный сидит в подвале, либо ладит из спинки нашей кровати что-то, говорят, калитку, не то ворота. А зимой там колют дрова и сидят на репе, и звезда моргает от дыма в морозном небе. И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли да пустое место, где мы любили».

Иосиф вернулся в Ленинград из ссылки в 1965 году, когда я уже жил в Москве.

Я приехал к нему в декабре 1967 года. Он в прямом смысле слова отделился от родителей: отделил шкафом себе комнатку. Мы читали. Пили вино. Он заговорил о Есенине в связи с моими любовными стихами, насыщенными фольклором. «Я люблю Есенина», – сказал Иосиф. Показал мне свою книгу стихов, вышедшую на Западе. Подарил первый экземпляр недавно законченной поэмы «Прощай,

мадемуазель Вероника». Несколько игриво надписал: «To pretty David from Russia with love. His servant. J.B. 8.12.67. Ленинград».

À m'écouter

Поэма стала его прощанием с возлюбленной: «И перо за тобою бежит вдогонку. Не догонит. Поелику ты – как облак... Не догонит!... Дай же на прощанье руку. На том спасибо. Величава наша разлука...»

Мы еще виделись у него на квартире – через год или два. В последний раз встретились в конце 1971 года в Москве на Тверском бульваре, около редакции «Знамени». Бродский вел там переговоры о переводах или стихах – не знаю точно. Поболтали о литературных делах, об общих знакомых. Незамутненной его привязанностью оставался Рейн. Почему-то вспомнил Бориса Слуцкого, помогавшего в юности нам обоим. «Боруха я люблю. Классный поэт», – сказал Бродский. Предостерег меня от общения со Станиславом Куняевым и Игорем Шкляревским. «Будь осторожен с ними, поверь мне», – убеждал он меня. Мы расцеловались, казалось, навсегда.

В 1972 году Иосифа Бродского в спешном порядке выпроводили из СССР.

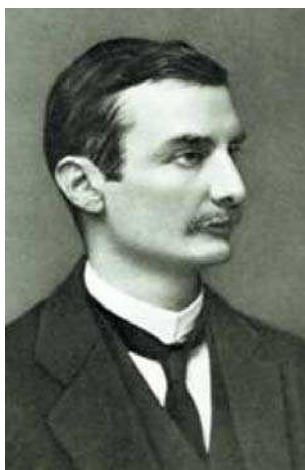
Его ностальгия по Ленинграду безмерна: «Есть города, в которые нет возврата, Солнце бьется в их окна, как в гладкие зеркала. То есть в них не проникнешь ни за какое золото! Там всегда протекает река под шестью мостами».

С этими строчками поразительно перекликаются мои стихи, написанные в 1976 году и посвященные Бродскому: «Мой друг, твой кораблик свои паруса размочил. Чтоб их просушить, надо в гавань войти по реке, четыре моста миновать. Ты мосты различил в тумане, что дорог тебе, как Парнас, вдалеке?»

САМЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Вл. Алабай

На иерусалимском холме Тель-Рам, в Национальной библиотеке, хранится архив Маркуса-Вольфа Хавкина, микробиолога. Всякий желающий может получить допуск к архиву, читать письма, изучать документы.

«Быть знаменитым некрасиво, не это подымает ввысь», – сказал Борис Пастернак. Однако слава всё-таки подымает ввысь, и еще как... Слава прихотлива и капризна, она приходит и уходит, а иногда вовсе является к человеку не в дни его жизни – а лишь потом.

Годами коробки с богатейшим архивом Хавкина пылятся на полках, не востребованные никем – ни вдумчивыми исследователями, ни просто любопытствующими. И это тот Хавкин, который избавил человечество от двух страшных бед, преследовавших его тысячелетиями: чумы и холеры. Своей вакциной – «лимфой Хавкина» – он спас от смерти миллионы мужчин, женщин и детей.

Иерусалимский архив – это письма, литературные наброски. Это подписанное одесским раввином свидетельство о рождении в 1860 году, в семье Аарона Хавкина, мещанина, сына Маркуса-Вольфа, прожившего большую часть жизни под именем Владимир, а незадолго до конца ее вернувшегося к родовому имени.

Это написанное в Калькутте исследование о творчестве Оноре де Бальзака.

Это скучная домашняя бухгалтерия: за утреннюю газету заплачено столько-то, за хлеб – столько-то, за молоко – столько-то, за писчую бумагу – столько-то... Даже до относительного материального благополучия начинающему ученому было далеко, как до горизонта.

Но прежде всего это – дневники.

Доктор Хавкин вел дневник изо дня в день, год за годом, почти без пробелов и умолчаний. Надо было обладать железным характером, чтобы в самых экстремальных обстоятельствах – уходя от слежки агентов царского Третьего отделения, в разгар смертоносных эпидемий в джунглях Индии – не забрасывать дневник, фиксировать события разноцветных дней, из которых сложена мозаика нашей жизни.

1888 год. Отъезд из Одессы, больше похожий на бегство.

1893 год. Отъезд из Парижа в пораженную холерой Калькутту.

1915 год. Возвращение из Индии в воюющую Европу.

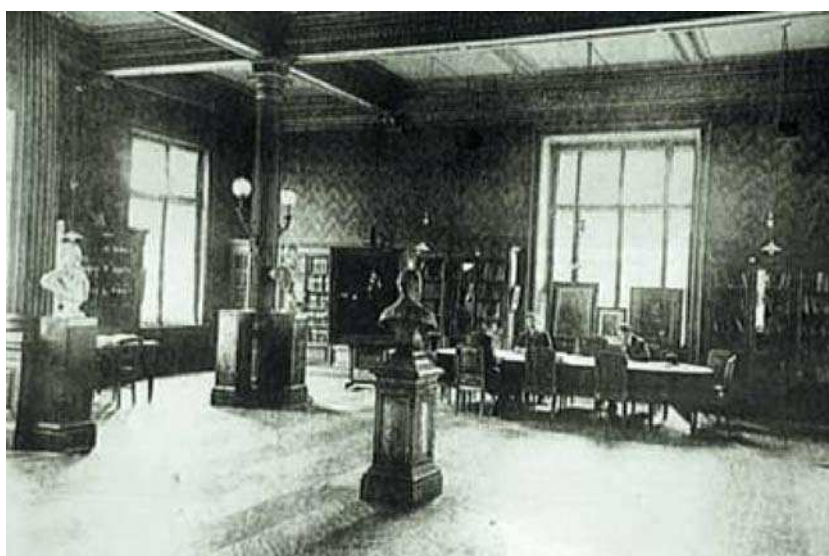
1926 год. Путешествие в большевистскую Одессу, на негостеприимную родину. Недолгое путешествие...

Через четыре года доктора Хавкина не стало.

От «гомо сапиенс» в этом мире остается память. Память – и фотографии, документы, письма, милые безделушки. Многие предметы материальной культуры растворяются в потоке времени, как сахар в воде, бесследно.

Прошли десятилетия, пока архив Хавкина лег в коробки иерусалимского хранилища.

Вернулся ветер на круги своя...

Αεὐεῖ ὁ αἶψα Ἐἰπὸς ὁ βῶα Ἐἴ ἀπὸ ἀδῆ ἀ ἴ ἀδῆ αἶ

Позволим себе перефразировать Исаака Бабеля: «Архив – это прекрасная могила человеческого сердца». В живой тишине иерусалимского хранилища образ доктора Хавкина наполняется плотью и кровью, а его время, отделенное от нас столетием – всего-то! – обретает реальные и красочные черты.

Другой доктор медицины, Антон Павлович Чехов, сказал о докторе Хавкине: «Это самый неизвестный человек». Точное определение! Хавкин прожил жизнь как один трудный, изматывающий рабочий день, – и вот уже брезжит закат, и синие сумерки всё гуще... И нет ни желания, ни времени заботиться о прижизненном памятнике самому себе, а тропинки благодарной памяти потомков так извилисты!

Мерило человеческой незаурядности – стремление исправить несовершенство мира, изменить его к лучшему. Принять несправедливость мира как аксиому и смириться с этим – не для думающего и энергичного молодого человека. Борьба за неизведанное лучшее будущее во все времена увлекала далеко не худших представителей рода человеческого. Одни из них сложили свою голову в бою, другие, добравшись до власти, стали тиранами. Но борьба за красивый мираж захватывала и засасывала, и самое трудное было – выйти из круга борьбы или хотя бы пересмотреть ориентиры.

Хавкин не собирался стоять в стороне от событий эпохи. Рабство, подслащенно называвшееся «крепостным правом», было отменено в России царем-освободителем Александром II спустя год после рождения Маркуса-Вольфа. Империя открылась новым, свежим веяниям.

Город Бердянск, куда семья Хавкиных переехала через несколько месяцев после рождения сына, не оставил глубокого следа в истории человечества. Конечно, не все города так знамениты, как Париж или Нью-Йорк, кроме того, как говорится, еще не вечер. Хотя можно вспомнить, что именно в Бердянске, в семье городского головы, родился на свет мальчик, которому суждено было стать лейтенантом Шмидтом – тем самым лейтенантом Шмидтом, который, не задумываясь над последствиями, поднял бунт на «Очакове», проглотив тропинку к русской революции и вселенской кровавой смуте.

Школьные годы каменной кладкой ложатся под всё здание нашей жизни. И бердянская гимназия наверняка оставила след в жизни Владимира Хавкина. Однако, окончив гимназию, Хавкин едет в Одессу – центр свободомыслия и культуры, жемчужину южного побережья Империи. В 1879 году молодой человек привлекательной наружности и недюжинной физической силы поступает на первый курс естественного отделения знаменитого одесского Новороссийского университета. Среди его профессоров – Сеченов, Ковалевский, Мечников, Умов. Начинается новая жизнь – студенческая, самостоятельная, замешенная на настойчивых мечтаниях о справедливости и свободе.

Толстые стены одесской Бродской синагоги, куда после победы большевиков переехал областной архив, помогли сохранить цепочку увлекательных эпизодов из студенческой жизни молодого Хавкина. Когда бы не образцовое делопроизводство жандармерии и полиции, эти тайные страницы остались бы не прочтенными никогда.

Мечтателей в России всегда было хоть отбавляй. После декабристов, после раскрепощения крестьян, вдохнув ветра гражданской свободы, пришли идеалисты-шестидесятники. Им на смену явились семидесятники, ради народного счастья готовые на борьбу и самопожертвование, вооруженные не только революционной теорией, но также бомбами и револьверами.

С одной из таких подвижниц – Верой Фигнер по прозвищу Вера-револьвер – встречаются на тайной одесской явке члены студенческого кружка народовольцев. Среди них и Владимир Хавкин. А спустя какое-то время боевиками из «Народной воли» будет убит одесский генерал-полицеймейстер Стрельников. Индивидуальный террор займет видное место в практике российских революционеров. Политический сыск будет проявлять повышенный интерес к «борцу за народное счастье» Владимиру Хавкину. Три его ареста, последовавших один за другим, не закончились судом и каторгой только по счастливой случайности: у охраны было недостаточно улик, доказывающих причастность беспокойного студента к террору.

Но Хавкин оказался «на заметке» у полиции. За ним следили, он был под гласным надзором. Организованные выступления студентов против университетского начальства, в которых Хавкин был замешан, привели в конце концов к его отчислению из Новороссийского университета.

Отчисление в те времена – это еще далеко не «волчий билет». В 1884 году в родном университете Хавкин получил кандидатское звание, но – как «стороннее лицо», иными словами, экстерном.

К тому времени подающий надежды ученик Мечникова дипломированный биолог Хавкин усомнился в том, что революционный взрыв – кратчайший путь общества к справедливости и счастью. Человеческая природа склонна к эволюции: это относится и к политической, и к социальной сфере нашей жизни.

Поднадзорное существование было невольному вольнолюбивому молодому человеку. Два пути лежало перед ним: либо на сибирскую каторгу, либо на свободный Запад. Хавкин предпочел второй.

À. Ôääëí á äääí ääóí ðëë È. È. Ì á:í èëí ää (ííóí èò í äääí é ñí ääää).

1892 ä ä

Как же часто в российской истории именно такой выбор вставал перед думающим интеллигентом! И так, на Запад... «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ». Впереди был Париж, Европа, весь мир – несовершенный и жаждущий исцеления. Беспокойному одесскому студенту не удалось исправить его и оздоровить бомбой и бунтом, но всё еще впереди – жизнь, борьба, далекая смерть... Главное – всеми силами и любыми средствами помочь ближнему своему. Где это сказано: «Спасая одного человека, ты спасаешь человечество»?

На дворе 1888 год. Современная передовая наука по силе своей не уступает взрывчатке народовольцев. Создать противоядие от страшных болезней, преследующих людей от начала времен – подвиг ничуть не меньший, чем излечить народы от язвы политической и социальной несправедливости. В мире, где нет места милосердию, борьба с эпидемиями является призванием ученого. И если плата за победу в этой борьбе – собственная жизнь, – что ж, это оправданная жертва.

Париж! Дворцы и библиотеки, Сорбонна, писатели и художники на Монмартре, кофейни на бульварах, лодки на реке, сиреневые крыши Латинского квартала, умопомрачительные девчонки и красное бургундское вино. И – свобода без границ!

Есть отчего закружиться голове российского провинциала, есть причина пуститься во все тяжкие...

Но не ради парижских соблазнов Владимир Хавкин покинул постылую отчизну. Наука спасет мир – об этом помнил человек, отрешившийся от убийственной красоты политического бунта.

С помощью своего знаменитого учителя Ильи Ильича Мечникова, к тому времени также перебравшегося в Париж из Одессы, приват-доцент Хавкин устроился в Институт Пастера на вакантное место помощника библиотекаря. Неважно, что должность и жалованье мизерны. Главное – библиотека примыкает к лаборатории, колбы и реторты под рукой, можно засиживаться над приборами до поздней ночи...

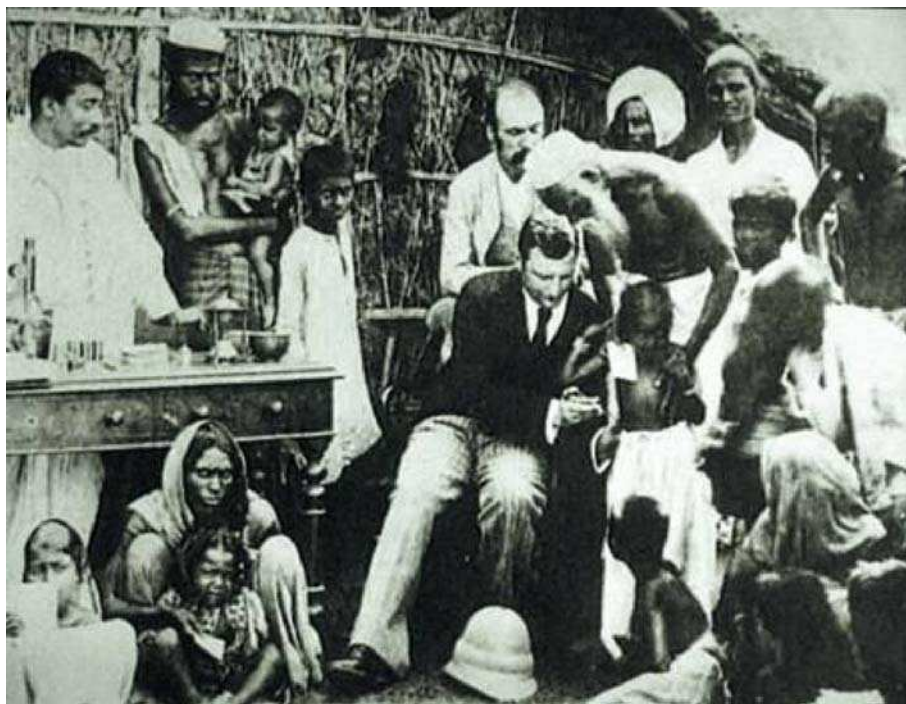
Недавно открытый международный научный центр – Институт Пастера – занимал два дома по обе стороны тихой парижской улочки. Во главе института стоял легендарный ученый Луи Пастер. Он заглянул в мир микроскопических живых существ, он, первым в мире, победил невидимых невооруженным глазом разносчиков страшной болезни – бешенства. Теперь бешеная, с пеною на оскаленной пасти, собака перестала быть для человека синонимом смерти.

Гениальный Пастер открыл ход к победе над болезнью. Следуя этим путем, можно было избавить человечество от других смертоносных несчастий – холеры и чумы. Эта грандиозная задача сделалась целью жизни Владимира Хавкина, помощника библиотекаря.

Тут не до легких радостей жизни, не до прогулок по бульварам. День за днем, ночь за ночью – опыты над сотнями лабораторных животных, эксперименты, пробы, ошибки и снова пробы. Наконец появилась на свет первая облегченная болезнетворная сыворотка Хавкина – противохолерная вакцина. В его руках и концентрированный раствор – убийственный холерный яд, зародыш бактериологической бомбы.

Доказать лечебные свойства вакцины – значит публично продемонстрировать несомненный положительный результат. Малейшая ошибка в расчетах может привести к смерти. А подвергать смертельной опасности чью-либо жизнь – не в обычаях бывшего бомбиста... И Хавкин испытывает препарат на себе. Убедившись же в его надежности – на своих товарищах-народовольцах, укрывающихся в Париже от преследований царской охранки.

Весной 1892 года в Туркестане была зафиксирована массовая вспышка холеры. От южных границ империи болезнь двинулась в глубь России. Европе угрожала пятая за один век эпидемия.

Ἄ. Ὀάαεεί ἰ δῖαῖαεὸ ἀεέβεῖαὸεῖρ ἰ ἀπὸ ἰῖῖ ἰ αἰαεῖαῖ εῦ. Εαεῖεὸὸ ὀὰ

1893 ἄἄ

По просьбе Хавкина сам великий Пастер предложил России новое средство для борьбы с болезнью. Но у жандармского управления хорошая память: предложение бывшего мятежника и бунтовщика решительно отклонили.

Впрочем, и в просвещенной Испании, и даже в прекрасной Франции были отмечены очаговые вспышки холеры, но власти этих стран не спешили принять помощь от русского эмигранта. Многие прославленные медики считали саму идею вакцинации вредной и опасной затеей, они готовы были на всё – лишь бы не допустить в высокий храм медицины какого-то одесского зоолога с его микроскопическими тварями.

Англичане отличались большей терпимостью и прагматизмом, они безошибочно угадали в докторе Хавкине и его изобретении высокий научный и практический потенциал.

В британской Индии свирепствовала очередная эпидемия холеры, смерть выкашивала целые деревни. Лондон предложил ученому отправиться в Индию и занять там пост государственного бактериолога.

Хавкин согласился без раздумий. Помощь должна прийти туда, где в ней нуждаются. Высшая цель ученого – помогать страдающим людям, неважно кому: русским, евреям или индийцам, знакомым ему лишь понаслышке. Владимиру Хавкину был чужд расизм – отвратительное инфекционное заболевание, против которого и сегодня нет ни вакцины, ни противоядия.

Летом 1893 года государственный бактериолог Британской короны Владимир Хавкин прибыл в Калькутту.

У него, как сказали бы сейчас, не было ни кола, ни двора, ни семьи, которой он в своих изнурительных и опасных занятиях так и не успел обзавестись.

В кратчайшие сроки в палаточном городке Хавкин наладил массовое производство своей вакцины.

С помощниками, преимущественно местными жителями, он, кочуя от одной нищей деревни к другой, месяцами не вылезал из джунглей. Малярия, ядовитые змеи, случайная и непривычная пища – всё это подтачивало даже его могучий организм. Между тем аборигены далеко не всегда встречали своего спасителя с распростертыми объятиями. Сам вид медицинского шприца с длинной стальной иглой вызывал у них смертельный ужас. У Хавкина было лишь одно наглядное средство уговора, и он прибегал к нему раз за разом: снимал шприц и на всю длину иглы всаживал шприц себе в живот. Это действовало... После двух лет каторжного труда смертность в охваченных эпидемией районах снизилась на три четверти.

Незадолго до смерти Пастеру показали препарат с только что выделенным микробом чумы. «Не сомневаюсь, что придет день, когда один из моих учеников остановит чуму», – сказал Пастер.

Этим учеником стал Владимир Хавкин.

Осенью 1896 года чума пришла в Бомбей. В срочном порядке государственный эпидемиолог перебазировался из Калькутты в этот крупнейший индийский порт.

В Старом городе, в сохранившейся со времен португальского владычества резиденции губернатора, Хавкин за три месяца изготовил противочумную вакцину и 10 января 1897 года испытал ее на себе. Этот день стал днем рождения Индийского национального института имени «махатмы Хавкина».

Í õîçáñòáí îõîèáñ-òí ííé ááéèéí ú.

Áñí ááé.

èííäö 1890-õ ãññá

Начав свой путь в Бомбее, противочумная вакцина Хавкина получила распространение во всем мире. За сорок лет были привиты – и тем самым убереглись от смерти – более тридцати пяти миллионов человек.

Бросая бомбы и стреляя из пистолета, Владимир Хавкин вряд ли добился бы таких гуманитарных результатов.

Доктор Хавкин вышел на пенсию и вернулся из Индии в Европу в 1915 году. В том же году он был приглашен военным ведомством Великобритании для консультаций: вакцинировать ли направляемых в колонии британских солдат? Военные проявили глубокий интерес к исследованиям и практической деятельности ученого. Маловероятно, чтобы темы бесед с руководителями министерства обороны ограничились лишь вопросами вакцинации. Но большинство вопросов, обсуждаемых в этом ведомстве, надолго скрыты под грифом «совершенно секретно».

К тому времени немцы уже применили при Ипре отравляющие вещества – свое монопольное сверхоружие, ядовитый газ, получивший название «иприт». В странах антигерманской коалиции – и прежде всего в Англии – бились над созданием собственного оружия массового поражения, ни в чем не уступающего немецкому газу, а еще лучше – превосходящего его.

Ясно было и дилетанту: тот, кто справляется с чумой и холерой, может и запалить эту страшную болезнь в нужном месте и в нужное время. Идея бактериологического оружия витала в воздухе над воюющей Европой.

Достоверно неизвестно, чем занимался Хавкин после возвращения из Индии: где он жил, с кем коротал свободное время. Но, в конце концов, исчезнуть – неотъемлемое право всякого свободного человека, тем более такого особенного, одинокого человека, как Владимир Хавкин – ушедший на покой победитель холеры и чумы. Может быть, ему обрыдло общество коллег, порой завистливых и неинтересных. Может, физическое состояние этого силача и здоровяка пришло в упадок – и он стал ипохондрикком и затворником. Так или иначе, но в Лозанне, на берегу Женевского озера, мы находим Владимира-Вольфа Хавкина уже во второй половине 1920-х годов.

Узкая полоска озерного побережья в предгорьях Швейцарских Альп всегда была чем-то вроде отстойника мировых тревог и суеты. И доктор Хавкин был одним из тех, кто прогуливался по зеленым, ухоженным улицам Лозанны, спускался на берег, глядел на воду и на белых птиц над водой. Он завершал свою жизнь, оставив след в жизни миллионов других людей. Он вышел в свой последний путь. Но что же это за путь, если он не ведет человека к Храму – духовному или рукотворному?

Именно здесь он обратился к Б-гу отцов, Которого отвергал в молодости и о Котором задумался в зрелые годы. Синагога Лозанны помнит усталую поступь этого человека, еврейская община чтит память о нем. Большие деньги, пожертвованные им в 1927 году литовским ешивам, возможно, помогли многим молодым людям уклониться от тех ошибок, которые совершил Маркус-Зеев Хавкин во времена своей бурной одесской юности.

Ἐἰσηλὸὸ ἐὶ αἰ Ἁ. Ὁαααεία

Так подошла к концу жизнь «самого неизвестного человека», Владимира Хавкина, – одинокого скитальца, угрюмого затворника. Разочарование в русских революционных фантазиях, изматывающие блуждания в индийских джунглях, жизнь в тени – без семьи и детей, без веселых приятелей – вот он, великий ученый, о котором так мало знает просвещенный мир, человек, который почти неразличим в зеркале нашего времени.

А может, всё было не так? Может, Владимир Хавкин – красавец и силач – прожил жизнь, как один яркий солнечный день? Захватывающая дух, отважная одесская молодость, стремительное и успешное бегство – куда? – в великолепную столицу мира – Париж! Блистательная научная карьера, орден от Английской короны, огромные деньги, пожертвованные на благое дело, преданные друзья, с которыми можно выпить по рюмке вина, сыграть в карты или бильбоке и порассуждать о Б-ге, склонившемся над нами...

Что ж, может, так оно и было.

DROIT DE SEIGNEUR^[1]

Айі Аэаеетамі

Йоханнесбургский университет располагался между трущобами Браамфонтейна и роскошными домами Парктауна. Я слышал, что Браамфонтейн сейчас перестраивают, и там, где некогда стояли развалюшки, возводят кварталы дорогих учрежденческих зданий. Но когда я учился в университете, ни о какой перестройке Браамфонтейна не было и речи. Улочки там были узкие, колдобистые, вонючие, вдоль них шли неровными уступами одноэтажные дома со стенами темно-бордового цвета; на крохотных верандах торчали старики и старухи – курили, дремали, плевались или же просто сидели, уставясь в пустоту; на каждом углу играли толпы оборванных, крикливых ребятишек. Чуть углубившись, можно было пройти до железнодорожной сортировочной станции. Сортировочная станция шла параллельно всей нижней части Браамфонтейна, а с другой стороны тянулся университет, так что у района были четкие границы: это были старые, густонаселенные трущобы, куда постоянно летела и копать с сортировочной станции, и пыль с угольных карьеров. И среди всех этих халуп, повалившихся заборов, за которыми открывались загаженные дворы, среди греческих лавочек с витринами, заваленными сладостями, брошюрками комиксов и буханками хлеба, возвышалось одно-единственное здание, обложенное ярко-желтым кирпичом, единственное здание с неоновой вывеской – гостиница «Золотая жила».

Хотя господин Геллин, владелец гостиницы, и следил за тем, чтобы в наших комнатах было чисто и в ваннах была горячая вода, я всегда считал, что гостиницу он воспринимает лишь как неизбежное зло – иначе лицензию на торговлю спиртным не выдавали, – так как основные деньги выручал в баре на первом этаже. Такой вывод позволяли сделать еда, которую подавали, бесконечное терпение и смирение, с каким господин Геллин выслушивал жалобы на то, что перегорела лампочка или дольше положенного не меняли белье. В гостинице жило человек двадцать или тридцать, большинство из них – практически постоянно, и большинство из них были либо студентами университета, либо железнодорожниками с сортировочной станции. Обычно постояльцы не принимали участия в бурной жизни Браамфонтейна, и если выпивали, то в тиши своих комнат, а не в баре внизу, где шумели и буянили.

В баре всегда толпился народ, особенно в пятницу вечером, когда музыкальный автомат гремел на всю улицу, мотоциклы ревели так, что заглушали грохот поездов по ту сторону забора, а браамфонтейнские ухари орали, пели, плясали, дрались и гонялись по улице за прохожими-африканцами – и всё это вело к обогащению господина Геллина. Они, естественно, рьяно возмущались господином Геллином и часто открыто выражали свое возмущение. Но хотя он был отнюдь не молодым человеком, сложения он был крепкого и на свой лад храбрый; бармен его тоже был не робкого десятка, и ему обычно удавалось поддерживать, как ни бушевали за пределами заведения, порядок в его стенах.

Я и не подозревал, что господин Геллин под канареечным пуловером и галстуком-бабочкой в горошек скрывает душу истинного хозяина гостиницы, пока в гостинице не поселились граф Езвьекс и граф Петорович. Они прибыли вместе и поселились в одной комнате – два джентльмена, высокий и низенький, оба в странных темных одеждах – такие я увидел снова, лишь когда приехал в Англию. Они носили черные прямые пальто, синие с белыми крахмальными воротничками рубашки и не расставались с туго свернутыми зонтами – таких тонких зонтов в Браамфонтейне, где вообще обходились без них, прежде не встречалось; шляпы у них были огромные и черные – такие разве что послы могли себе позволить. Граф Езвьекс был ниже ростом, но с более массивной головой. Лицо его, широкое и с крупными чертами, было испещрено морщинами и тонкими красными и синими прожилками. У него даже белки глаз были в прожилках. Чтобы повернуть голову, он поворачивался весь, и уж если предпринимал такое усилие, то пристально рассматривал всё, что бы ни привлекло его внимание. Граф Петорович, напротив, никогда ничего не рассматривал. Он был высок ростом и намного моложе своего товарища; на тонкой шее сидела крохотная головка, он, намереваясь что-нибудь рассмотреть, вытягивал шею, опускал лицо, но в последний момент делал вращательное движение бедрами, за ними и верхней частью туловища и в конце концов головой – так с недоверием отворачивается от предложенной еды тощее и нескладное животное.

И эти два графа поселились в нашей гостинице «Золотая жила». Уж не знаю, какие именно перипетии войны, революции, контрреволюции или освободительных движений привели их из Европы, как

не знаю, на что они жили и куда, тщательно одевшись, уходили каждое утро. Они не общались ни с кем из постояльцев. По утрам, облачившись в темные костюмы и прихватив туго свернутые зонтики, они пробирались между рытвин и груд мусора, мимо греческой лавки на углу и палатки «возрожденцев»^[2], поставленной чуть повыше на пустыре, а когда под вечер по улицам скользили косые лучи солнца и крики детей становились особенно громкими, они возвращались. Насколько мне известно, они никогда не покидали гостиницу по вечерам. Они получали множество надписанных европейским почерком писем с иностранными марками и стали предметом постоянного интереса прочих постояльцев – и студентов, и железнодорожников.

Интерес усилился, когда выяснилось, что господин Геллин им особо благоволил. Он предоставил им отдельный столик, тогда как все мы сидели за столами по четверо или шестеро. Он поселил их на верхнем этаже, подальше от бара. Он ставил на стол «А1», кетчуп «Хайнц», «Шервудз манго чатни» и прочие приправы и соусы, так что на их столике скоро не осталось свободного места, тогда как наши стояли пустые. А еще господин Геллин беседовал с графами, улыбался графам, стоял рядом, когда они ели; бывало, когда они сидели за столом, господин Геллин жестом фокусника доставал из-за спины очередную банку варенья или маринада.

– Это вам для аппетита, джентльмены, – говорил он, и его широкое лицо расплывалось в улыбке. – Заграничная штука, на этикетке – сами поглядите – сказано, что такое ест шотландская знать.

Оба графа принимали эти знаки внимания без малейшего намека на благодарность. Более того, они настолько открыто выказывали свою неприязнь, что любой другой на его месте отчаялся бы расположить их к себе и перестал бы к ним подходить. Стоило господину Геллину приблизиться к их столику, граф Петорович начинал раскачиваться над тарелкой из стороны в сторону, опуская голову всё ниже и ниже, а граф Езвьекс либо вообще игнорировал господина Геллина, либо откидывался на стуле, запрокинув голову, отчего его короткая шея полностью уходила в плечи, и в полнейшем молчании разглядывал господина Геллина налитыми кровью глазами, после чего вновь полностью сосредотачивал внимание на тарелке. Господин Геллин, улыбаясь, говорил что-нибудь о погоде, но его замечания оставались без ответа. Однако после подобных встреч господин Геллин лишь радостно рассказывал об «аристократах», которые «снизошли» до нашей «убогой гостиницы».

Нынче белые южноафриканцы считают себя демократами – но это, только если дело касается белых, – и постояльцы не одобряли, что к графам относятся с особым вниманием. И, будучи белыми южноафриканскими демократами, так прямо и говорили. Громче других возмущался Фред Тернер. В этом не было ничего удивительного, поскольку у Фреда Тернера голос был громче, чем у прочих постояльцев.

– Может, там, откуда они приехали, они и впрямь были графами, но для меня они просто-напросто господа Пузыри Мыльные, – так и только так Фред Тернер говорил об аристократах, снизошедших до нашей убогой гостиницы; он частенько это повторял, сверкая крупными белыми зубами в подобии усмешки. У бедняги Фреда Тернера было тайное горе. Некогда он женился на тихой и красивой женщине, и с тех пор чувствовал себя не в своей тарелке.

По-моему, всех в гостинице удивляло, что госпожа Тернер при всей своей красоте сумела подцепить лишь Фреда Тернера – заурядного железнодорожника, громогласного мужлана, страстного поклонника собачьих бегов. Но я уверен, что больше других это удивляло самого Фреда Тернера. Он всегда шутил насчет того, какую выволочку ему задаст теща, но достаточно было увидеть, как он при этом косит выпуклые глаза на жену, и сразу становилось ясно, что боится он не тещи. Госпожа Тернер улыбалась этим шуткам, но не снисходила до того, чтобы ответить на брошенный исподтишка взгляд мужа, она словно не замечала, как этот взгляд скользил от ее лица к шее, а потом падал на его собственные красные ручищи. Вся гостиница любовалась госпожой Тернер, когда она входила в столовую и выходила из нее; мужчины часто

смущали Фреда Тернера тем, что поздравляли с такой женой, словно он только что женился, и тем, что простодушно спрашивали, что у него есть такого, чего у них нет.

– Теща, – отвечал на это Фред Тернер. – Это всё, что я получил. – И он, обнажая зубы, сдавленно смеялся, сцеплял руки, а его выпученные глаза устремлялись к двери – посмотреть, не идет ли жена.

Но однажды вечером, когда мы сидели в столовой, Фред Тернер задал Геллину тот же вопрос, что задавали ему, только речь шла о графах.

– Что, – спросил Фред Тернер господина Геллина, – у этих типов есть такого, чего нет у меня?

Господин Геллин уже собирался выйти из столовой, но Тернер, ухватив его за локоть, кивнул на графов. О них господин Геллин всегда говорил охотно, поэтому он придвинул стул и подсел к нам. Он не отрицал, что предоставляет двум графам особые привилегии. Он был так явно не прочь поговорить, что это удивило меня, заставило замолчать Фреда Тернера и пробудило интерес госпожи Тернер.

– Вы знаете, кто они такие? – спросил он Тернера.

– Господин Пузырь Мыльный и его кузен Лосьон, – незамедлительно ответил Тернер.

Господин Геллин пропустил его ответ мимо ушей.

– Они – аристократы. Польские аристократы. Таких людей в нашем городе не часто встретишь. – Господин Геллин не повышал голоса, но говорил быстро и убежденно, то и дело взмахивая рукой, словно подгоняя себя. – Я сам из Польши, я знаю, что говорю. Я уехал оттуда мальчишкой, но кое-что помню. А чего не помню, мне рассказали родители, а им – их родители. Вы должны понять – за этими людьми прошлое! И еще какое страшное прошлое! И эти люди, и их родители, и родители их родителей были господами, в родной стране их чуть ли не обожествляли. Никто не смел им перечить. Истинная правда! Когда такие, как они, выезжали верхом, люди дрожали от страха, даже падали перед ними ниц, прямо в грязь – и головы поднять не отваживались. Кто-нибудь крикнет: «Граф едет!» – и женщины, подхватив детей, разбегаются, а мужчины стоят на улице, руки по швам – вот так вот – в надежде на то, что граф, проезжая мимо, на этот раз улыбнется или хотя бы проедет, не взглянув на них. А выезжал граф со всей челядью, со слугами, конюшими и псарями. А какие у него были собаки!

Вспомнив собак, господин Геллин покачал головой.

– Господин, граф – как эти двое, – от него зависели наша жизнь и смерть. И крестьян тоже, но особенно евреев. И уж если граф евреев не любил, тут уж им доставалось, тут-то им приходилось на себе испытать, что это такое, когда господин не любит евреев, это я вам точно говорю.

– И в наше время так? – спросила госпожа Тернер.

– В наше время? В наше время они тут сидят; я рассказывал вам, что творилось в Польше давно, когда я был маленький. В ту пору в Польше нравы были не то что сейчас. Я рассказывал о временах, когда там жили мои отец и дед. И не так давно это было: у человека рождается ребенок, он вырастает, и у него тоже рождается ребенок, так и сохраняется память о прежних временах. Сохранилась память о людях, которые были как короли – короли без парламентов и без законов, сами себе короли. Страшные, страшные были люди!

Губы госпожи Тернер, темно-малиновые от помады, чуть приоткрылись.

– По-моему, это очень интересно! – сказала она.

– Для вас, – господин Геллин повернулся к ней и заговорил еще быстрее и еще более пылко, – для вас это интересно, но вы родились в Южной Африке и ничего об этом не знаете. А вы представьте, что чувствую я, который всё это помнит, от того, что они живут в моей гостинице и я еще ухаживаю за ними. Я, конечно, стараюсь как могу, слежу, чтобы им было удобно, чтобы у них было всё самое лучшее. А что мне остается? У меня здесь, в Браамфонтейне, живут два графа! – Господин Геллин поднял два пальца вверх. – Я

и думать не мог о таком, когда приехал сюда. Я и представить себе не мог, что в один прекрасный день в моей собственной гостинице будут жить два графа! Да я куда угодно могу пойти – хоть в «Карлтон», хоть в «Лэнгэм», да в любой роскошный отель, – приду туда, покачаю головой и скажу: да, да, что и говорить, роскошь, великолепие, но у Геллина-то в гостинице «Золотая жила» два, два графа!

– А я и не знала, что они такие важные, – сказала госпожа Тернер. Пока господин Геллин о них рассказывал, она несколько раз искоса поглядывала на графов, погруженных в беседу; теперь она смотрела на них в упор. Глаза у нее были глубокие и черные, они поблескивали, как уголь, от которого только что откололи кусок. – Такими и должны быть мужчины, – сказала она.

Муж при этих ее словах вскинул голову.

– Не смей меня.

– Так оно и есть, – гнула свою линию госпожа Тернер, не спуская глаз с графов. – Людьми, которые так прожили жизнь, нельзя не восхищаться.

– Это еще почему?

– Восхищаться... Я бы так не сказал, – вмешался господин Геллин. – Но помнить об этом, безусловно, следует.

– Восхищаться! – повторила госпожа Тернер. – Я ими восхищаюсь. Что ни говори, они не такие, как все. За ними что-то стоит. А за нами ничего, мы есть мы и никем не станем. Я порой об этом думаю, – сказала госпожа Тернер: у нее был монотонный южноафриканский выговор, который, увы, всегда разочаровывал. – Мы вечно только начинаем путь, а они вон сколько по нему идут.

– Что? Эти двое? – Тернер был озадачен. И тоже повернулся в их сторону. В этот момент граф Петорович поднял голову. Фред Тернер тут же отвел глаза, но госпожа Тернер продолжала смотреть. На мгновение их с графом взгляды встретились, но он тут же как всегда неловко дернулся и отвернулся. Однако через секунду снова повернул к ней голову. – Чем они от нас отличаются? – упорствовал Фред Тернер. – Никак этого не пойму. Что в них такого особенного?

– А вот это стоит выяснить, – сказала госпожа Тернер.

– Прекрати пялиться! – прошипел вдруг Тернер. – Не выставляй себя на посмешище!

– Я так не думаю, – холодно ответила его жена.

– А я думаю!

– Неужели? – Госпожа Тернер наконец обернулась к мужу. – Что ты об этом можешь знать?

– Я знаю только, что ты пялишься на них как школьница!

Госпожа Тернер улыбнулась: ее ровные зубы на смуглом лице казались еще белее.

– Никто меня школьницей не считает, Фред.

– Что ж, это еще хуже!

– Быть может, Фред.

Тут господина Геллина позвали в бар.

– Прошу меня извинить, – сказал он и поспешно вышел. Но, по-видимому, опоздал; вскоре после его ухода мы услышали знакомые звуки: он орал на кого-то в баре, затем последовал столь же знакомый звук бьющегося стекла. Как всегда в подобных случаях, мы, постояльцы, оставались в столовой, пока не воцарялась тишина: тогда можно было без опаски пройти по вестибюлю и подняться к себе в комнаты. При мне Тернеры не обменялись друг с другом ни единым словом. Фред Тернер ерзал на стуле, улыбался мне, даже открывал было рот, но тут же закрывал. Голова графа Петоровича ходила вверх-вниз над тарелкой, словно ее дергали за ниточки; и миссис Тернер следила за ним, не сводя с него глаз.

Услышь кто посторонний разговоры господина Геллина об аристократах, снизошедших до нашей гостиницы, он наверняка бы решил, что речь идет о госпоже Тернер. У нее были темные глаза и брови, пухлые губы, черные волосы лежали тяжелым пучком на стройной шее; кожа у нее была гладкая, редкого оттенка – бледная и в то же время смуглая, так, словно на нее легла тень темных волос, глаз, бровей. Госпожа Тернер была высокого роста, с гордой осанкой, и голову держала так, словно воспитывалась при дворе, которого уже нет в Европе и никогда не было в Южной Африке.

Красавицы вроде госпожи Тернер обычно непроницаемы, и объяснение этому самое простое: никто не может разглядеть, что кроется за этой красотой, слишком уж она редкая, и от нее невозможно отвести глаз. Даже в тот кошмарный день, когда Фред Тернер неожиданно вернулся домой раньше обычного и застал в своей комнате жену с графом Петоровичем, понять, что думала и чувствовала госпожа Тернер, я не мог. Можно было лишь заметить, что щеки ее, казалось, потемнели и что волосы, выбившиеся из пучка, лениво рассыпались по плечам. Но это только еще больше озадачивало.

Что они с графом делали – и делали ли вообще хоть что-нибудь в комнате, – я не знаю. Когда я ее увидел, она была полностью одета, а беспорядок в костюме графа вполне можно было объяснить тем, что Фред Тернер задал ему трепку. Я выскочил в коридор на громкие крики, доносившиеся из комнаты Тернеров; моя комната была соседней, поэтому я первым оказался на месте происшествия, но вскоре там собралась почти вся гостиница. Мы подошли, насколько могли близко, и изумленно смотрели на происходившее. В комнате Тернеров видны были гостиничный гардероб, две кровати, раковина, и мы глядели на них, будто видели впервые, как впервые видели малярную желтизну лица Тернера и бледность графа. У графа даже губы побледнели, и кадык метался по длинной шее, словно рвался наружу. Сам же он, похоже, и не надеялся вырваться: стоял, загнанный в угол, с закрытыми глазами у стены в конце коридора, а Фред Тернер орал, визжал, топал ногами и в конце концов заехал ему по щеке. Я никогда не видел, чтобы граф Петорович стоял так неподвижно – лишь кадык прыгал, – как перед этим ударом, но, едва рука Тернера коснулась его щеки, он судорожно дернулся и открыл глаза. Глаз у него был застывший и безжизненный, он чернел, как спичечная головка на бледном лице. Несколько мгновений он судорожно извивался и снова замер.

– Чего сдачи-то не даешь? – орал Фред Тернер. – Чего стоишь столбом? Да я тебе голову снесу, ты... вонючка... ты кого из себя строишь? – Он в замешательстве обернулся к нам. – Я застал их вместе, – сказал он. – Будто меня здесь нету. Будто я не в счет. И что с того, что я не граф? – И он завопил: – Граф! Да я... да я тебя...

Граф Петорович попытался поднырнуть под руку Тернера, и мы расступились. Но отбиваться он и не думал, он всего лишь попытался улизнуть, но безуспешно, потому что Тернер ухватил его за загривок и граф, сдавшись, опустился на колени.

– Ты почему не защищаешься? – пробормотал Тернер, окончательно растерявшись, и отступил назад.

Граф поднялся на ноги. Несколько секунд слышно было только их с Тернером дыхание. И тут из-за двери раздался спокойный голос госпожи Тернер.

– Хватит, Фред. Иди в комнату.

– Заткнись! – взревел Тернер.

– Не смей со мной так разговаривать, Фред.

Тут бедняга Тернер заметил, что толстяк Езвекс пробирается сквозь толпу постояльцев, и, похоже, обрадовался.

– Ага! Вот и второй! – крикнул Тернер и рванулся вперед.

– Прошу! – поднял руку граф Езвекс. Это было первое английское слово, которое я от него услышал за все месяцы, проведенные им в отеле, хотя по-польски он со своим товарищем разговаривал. И именно по-польски он сказал следующую фразу – это было что-то резкое и злое. Взял графа Петоровича за руку и повел его прочь.

– Не смей! – Но тут Тернер остановился и кинулся мимо нас по коридору к наконец-то появившемуся господину Геллину. – Эти ваши друзья! Я застал его со своей женой! Они оба одного поля ягоды. – Постояльцы рассредоточились по коридору: кто-то стоял рядом с Геллином и Тернером, другие толпились в конце коридора, около графов, перед открытой дверью комнаты Тернеров. – Я их обоих убью! – крикнул Тернер господину Геллину. – Я им покажу, кто они есть на самом деле. Пусть не думают, что им всё позволено!

В дверях появилась госпожа Тернер, и мы расступились, хотя она и не сделала ни шагу вперед. Даже два графа, стоявшие рядом, отошли на шаг-другой назад.

– Пойдем, Фред, – позвала она мужа. – Ничего не было. Ты же сам видишь, что он такое. Не из-за чего сцену устраивать.

– А что вы там в комнате делали? Господи! Приходит человек домой с работы, и что он видит? Господи Иисусе! – Тернер вцепился господину Геллину в рукав. – Слушайте, я вас предупреждаю, если эти два типа к вечеру не выметутся из гостиницы, я съеду. Но сначала я, ей-богу, пойду к ним и всё там переколочу. Драться они не станут, но пусть полюбуются, что я им устрою. Только и вы понесете урон. Так что вам выбирать. Причем немедленно.

Господин Геллин удивил нас всех, поскольку выбор сделал без колебаний. Он подошел к графам.

– Джентльмены, вам придется покинуть гостиницу, – сказал он. – Немедленно. Я не стану взыскивать с вас всё, что вы мне задолжали. Я не желаю больше видеть вас в моей гостинице. «Администрация, – с достоинством добавил господин Геллин, расправил плечи и процитировал текст – он стоял внизу счета, вручаемого каждому в конце месяца, – оставляет за собой право отказать постояльцу в любое время». – И господин Геллин отступил в сторону. Графы направились к своей комнате.

Но господин Геллин заговорил снова, им вослед. И они остановились.

– У меня только одна причина сожалеть о вашем отъезде, – сказал он громко. – Думаете, я не знаю, как вы ко мне относитесь? Думаете, я не замечал, как вы на меня смотрите, вернее, как вы на меня не смотрите, словно вам и смотреть-то на меня зазорно? Именно поэтому мне жаль, что вы уезжаете. Думаете,

первый; но на вопросы отвечал решительно, как человек, мнения которого давно сложились и никаким поправкам не подлежат. Имя? Авиноам. Возраст? Бар-мицва через несколько недель. Где родился? На юге России, уехал оттуда шести лет. Кем будешь? Колонистом в Галилее (это, впрочем, была тогда общая мода и мечта).

Учитель ушел далеко вперед и не слышал нас, так что я мог себе позволить педагогическую некорректность: я спросил Авиноама, нравится ли ему школа.

– Слишком много пустяков проходим, – сказал он сразу и решительно.

В те годы уже много писали о том, что школы в Палестине чересчур интеллектуализируют подрастающее поколение; поэтому я подумал, что он слышал такие разговоры и сейчас станет мне проповедовать сокращение программы до триады «читать, считать и пахать». Оказалось, что он еще много радикальнее и что у него не влияние взрослых разговоров, а собственный вывод из житейского опыта.

Житейский опыт, на который он сослался, приключился еще на Днепре в местечке Большая Лепетиха. Раз он там ловил головастика со своим старшим братом Мендлом, и напали на них туземные мальчишки. Сначала не дрались, а только высказали в односложной форме неодобрительное мнение о национальности юных ловцов. Старший брат Мендл, член кружка Пихре-Цион, принял вызов и подтвердил, что он, действительно, член того самого односложного народа – и гордится этим. Но лидер туземных мальчишек на это ответил:

– Жиды не народ.

Аргументацию туземца Авиноам передал мне так:

– Кабы вы были народ, вы бы умели ругаться по-своему. Я вот русский, так и ругаюсь по-русски (и тут он сказал такое, что не приведи Б-г – Авиноам не хочет цитировать). А ну, скажи то же самое по-вашему!

Мендл не умел.

– А второе, – сказал туземец, – кабы вы были народ, вы бы умели давать сдачи. Вот я русский, так и дам тебе по морде. (И дал.) А ты можешь?

Мендл не мог.

Это событие, оказывается, легло в основу всей педагогической программы Авиноама. Арифметика и всё прочее – пустяки. Еврейский мальчик должен усвоить только две отрасли знания:

– Говорить по-еврейски и бить по морде.

(Он сказал: у-леарбиц макот рецах, но думаю, что перевод мой недалек от духа подлинника.)

За этими беседами мы дошли. Нас ждала у околицы целая коллегия: учитель из Аль-Азгара в каких-то белых ризах, великолепный чернобородый шейх, несколько других селян вида оседлого и зажиточного. Отношения между обеими ветвями потомства Авраамова были тогда прекрасные. Обмен приветствиями продолжался минут десять. Шейх, белый учитель и старшины были несказанно рады гостям, т. е. моему приятелю и мне, потому что на третьего, на Авиноама, конечно, никто не обращал внимания. Стоял скромно, переводил что полагалось, но вообще держался в тени.

Нас повели в школу. Сколько лет прошло с тех пор – я уже не помню, какая она была; помню только, что почему-то вместо обхода классов нас усадили в теневой стороне двора; дали пышную подушку еврейскому учителю и другую, еще пышнее, мне (Авиноаму, понятно, не полагалось подушки); потом явился самовар, крутые яйца и два блюдечка с вкусным рахат-лукумом – одно еврейскому учителю, другое мне (Авиноаму не дали). Я несколько смутился: тогда я еще всё-таки помнил самого себя в годы Авиноама, и у меня за него слюнки потекли; я было протянул свое блюдечко ему – но в эту минуту глаза наши встретились, и он как будто неприметно мигнул мне, словно хотел шепнуть:

– Эйн давар, не беспокойтесь.

Наконец, в самый разгар чаепития, показали нам и школу. Старший класс был мобилизован тут же на дворе, полукругом, а на земле у моих ног распростерта была та самая географическая карта, о которой я слышал: Оттоманская империя стенного формата, испещренная арабскими надписями. Класс состоял из семи малых лет по пятнадцати на вид; если бы не трахома, это были, насколько помню, красивые и высокие юноши. Арабский учитель тогда обратился ко мне; по тону и жестам я понял, что он мне предлагает роль экзаменатора; я уже хотел отклонить ее в пользу моего приятеля педагога, но в эту минуту глаза мои встретились с глазами Авиноама, и он сказал, почти не шевеля губами:

– Вы должны: вы гость гостя.

Это было очень тонкое понимание приличий, и до сих пор я не постиг еще всех его извилин; но мой приятель тоже кивнул головой, и я подчинился и немедленно стал функционировать. Строго осмотрев весь полукруг, я указал на правофлангового и приказал Авиноаму:

– Спроси его, где на этой карте Дамаск.

Никогда не надо говорить, не подумавши. Если бы я подумал, я бы не задал такого рискованного вопроса; но я его задал и через мгновение очутился в тупике. Дело в том, что арабский мальчик, действительно, ткнул пальцем в какой-то кружок, над которым что-то было написано арабскими буквами; но я букв этих не знаю, – а про то, где Дамаск, я и на переходном экзамене из четвертого класса в пятый не имел собственного мнения. Я растерялся – в эту минуту опять глаза мои встретились с глазами Авиноама, и опять он мне как будто неприметно мигнул, как будто что-то неслышно шепнул, – и я сурово сказал холодным, лязгающим голосом непоколебимой, неумолимой убежденности: нет, это не Дамаск!

Я вызвал второго и опять скосил глаза на Авиноама: второй попал в точку. Потом... но нет смысла затягивать историю, для меня совершенно не лестную. Краткое содержание ее сводится к тому, что незаметно, постепенно, вежливо, без резких переходов, без наглости, Авиноам как-то отодвинул в тень и меня, и своего учителя; он сам не задавал вопросов, Б-же сохрани, он всегда смотрел на меня и ждал моих просвещенных указаний – но указания эти он, очевидно, получал магнетически и претворял в вопросы и резолюции, о содержании которых я понятия не имел. Сначала я еще кое-как чувствовал, что мы несемся сквозь сферы таблицы умножения, но потом всё смешалось; остался только Авиноам, судящий народы и творящий расправу, и мы все. Малые и серые, учителя, ученики, шейхи и старейшины, где-то на дальнем плане. Как сквозь сон я видел, что шейх и старейшины смотрели то на Авиноама, то друг на друга. И качали чалмами или кефиями; и еще мне привиделось в этом сне, будто вдруг откуда-то явилась подушка для Авиноама и блюдечко со сладостями для Авиноама; и, наконец, когда мы уходили, та же коллегия и все

ученики проводили нас опять до околицы – и шейх, почтительно попрощавшись с еврейским учителем и со мною, как бы поколебался минуту – и почтительно попрощался с Авиноамом.

Когда мы шли назад и Авиноам погнался за ящерицей и где-то застрял, я спросил приятеля:

– Что он у вас, первый ученик или вообще светило?

– Этот? – сказал он не без презрения. – Такой же лентяй, как и вся моя шайка.

Я сознаю, что получился у меня страшно шовинистический рассказ, похожий на историю о том, как Чарли Чаплин одиночно окружил двенадцать вражеских солдат. Но, во-первых, это всё суцкая правда, так и было; и во-вторых, совсем это не шовинистическая притча, а напротив. Если есть в ней мораль, то вот она: в победе Авиноама не наша взяла, а Европа взяла. Весь секрет Авиноама не в том, что он будто бы сын гениальной расы (видали мы эту гениальную расу...), а в том, что он пришел в Даньян с окраин высшей культуры и шейхи почувствовали, что перед ними ховаджа и эфенди. Сим победиши. Поэтому, как ни мила лично мне сокращенная программа национального воспитания, которую так убедительно обосновал он по дороге в Даньян, принять ее не могу – пока. Я ее приму, когда мы победим: тогда пожалуйста, опростимся, омужичимся, овосточимся – если еще будет тогда спрос на эти или тому подобные формы неумытости. Но до сих пор – ни за что. Мы Запад, а не Восток; мы дети Европы – и не только дети, но и сотворцы ее; и хоть Авиноам лентяй и гонитель просвещения, но в крови у него дипломы всех факультетов – и слава Б-гу!

Altalena

«Danjiao», 1923 ää

ЛЕВ (ЛЕЙБ) КВИТКО

Éáíeá Éáöeñ

Í ú íá:éíááí íóáééáöeþ áíóíéíáé áááéíéíé ííýéé. Éááý ííáé áíóíéíáé íóááóíí áóðéááó íííúóéó íóí:óáíéý é íááí:óáíéý óíé áááéíéíé ííýéé, éíóíóáý áúéá áííóóííá óííéíýçú:ííí ó :éóáóáéþ íá íóíóýæáíéé ááýðééáóéé. Í á çááúáí, :óí :éóáóáéú ýóíó áúé :éóáóáéáí ííááóíééí. Éáé áí í ííáí ííááóíéé áúéá é áááéíééý ííýéý, ííóíáíóáíááóáý é íá éáéóá é á íáááíááá. Í é áéý éíá íá ííéóáó, :óí óéðáæ éíéá íá éáéóá ííááí é íóáííáééííí áí í áíúóá éó íííóíýííí íóááíóáéé óéðáæ íáááíáíá Í á çááúáí óáéæá :óí, éáé íéááúó éç áíéóí áíóíá ííóáééíááííúó íáááíí Á. Éíéóéíúí á æóóíáéá «Éááéí », áííóáí íáéáíéá áááéíéíé ééóáááóóóíé æéçíé íá éáéóá íííéá áááóóáéá Ááááéíéáí áí óéóáóéíóíéáí éíí éóáóá é ííçóííó éáó áíóáíí í óáé íáçíááí úí éíí íííééóéçí íí íóáííáééííí ííá éíçóííí íááíá:áíéý ééóáááóóóíé íá óíáííí ýçíéá óóíáýúéó ííéíéáíéé.

Так или иначе, но для большинства советских и постсоветских читателей еврейская поэзия существует сегодня лишь в переводах на русский язык. И главный вопрос, существует ли вообще? Ведь для того, чтобы поэтическое слово обрело жизнь, у него должен быть свой читатель. А многие ли читают сегодня то, что печаталось в советских изданиях еврейскими литераторами? Советские годы уходят от нас всё дальше, становясь, в точности по Пастернаку, «непонятней, чем Пушкин». А ведь тот же поэт называл годы революции «повестью наших отцов».

Нет сомнений: далеко не всё в этой литературе, как, впрочем, и в любой другой, сохранило свое значение сегодня. Прочсть сегодня то, что писалось в эпоху, когда национальное по форме и социалистическое по содержанию творчество было призвано отвратить евреев от всего еврейского, достаточно трудно.

Однако представим себе, как жили, что чувствовали и что пытались выразить те из еврейских поэтов, кто хотел остаться евреем и не писать на идише плохих русских стихов?

Не будем забывать: многие еврейские поэты вынуждены были заниматься далеко не литературным трудом, ибо кое-кого раздражал сам факт существования некоей специальной еврейской секции Союза писателей, в итоге разогнанной в годы борьбы с «космополитизмом». Не забудем и то, что во второй половине XX века основной темой советской поэзии на идише, наряду с неизбежной борьбой за мир и трудовым героизмом, была тема Катастрофы. Не так уж много об этом можно было прочесть в русскоязычной литературе тех десятилетий, поэтому сборники переводов еврейских поэтов становились теми редкими изданиями, где еврейская трагедия выделялась из безликого ряда советских гражданских тем.

Однако столь же понятно, что поэзия эта должна была отражать и «борьбу с международным сионизмом», которую активно вел бессменный главный редактор журнала «Советиш геймланд» Арон Вергелис. Заметим, тем не менее, кое-что из его лирики заслуживает внимания и сегодня.

В любом случае, советская еврейская литература является составной частью истории евреев XX века. Конечно, советским поэтам было не так вольготно творить, как тем, кто оказался в межвоенный

период за пределами СССР. Их сборники не иллюстрировал Марк Шагал, как он делал это для нью-йоркских поэтов. У них не было двух межвоенных десятилетий, которые были у тех, кто погиб в огне второй мировой войны. Они не могли открыто приветствовать образование Израиля. Хотя многие, начиная с 1960-х годов, там потом оказались.

Это про них писали докладные в ЦК, подписанные известными фамилиями, но подготовленные явно «полезными евреями» Советского Союза. Приведем лишь первый абзац записки «О националистических религиозно-мистических тенденциях в еврейской литературе»: «Отдел печати Управления кадров ЦК ВКП(б) располагает материалами о националистических и религиозно-мистических тенденциях в советской еврейской литературе. Советский патриотизм, вера в победу Красной Армии и ее освободительную миссию придают еврейской литературе в общем оптимистический тон. Однако в трактовке судьбы еврейского народа сказываются настроения глубокой скорби, безысходности, трагической обреченности, религиозной мистики. Это особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время в творчестве еврейских поэтов и писателей Переца Маркиша, И. Фефера, Д. Бергельсона, Э. Фининберга, Д. Гофштейна и других».

Этот документ опубликован в томе «Государственный антисемитизм в СССР. 1938–1953. Документы» Г. В. Костырченко. А ведь стоит сменить прокурорский тон этого доноса на интонацию нормальной критической статьи, как окажется, что так всё и было. И «вкус» готовившему документ не изменил. Надо лишь увидеть то, что было ясно стукачу 1946 года, сегодня, нашими сегодняшними глазами. В записке процитирован такой, например, текст: «Нельзя еврейский народ делить на польское еврейство, советское еврейство, американское еврейство. Сердце нельзя разделить, его можно только разбить».

Есть в этом документе и еще одно умозаключение, которое само по себе может составить программу нашей антологии: «В поэме “Я – еврей”, напечатанной в газете “Эйникайт”, один из идеологов еврейской литературы И. Фефер указывает, что еврейский народ могуч и силен мудростью его библейских предков. Автор воспеваает идею “непрерывной цепи” от Соломона, Маккавеев, Исаяи, Спинозы, Гейне до Маркса, Свердлова и Кагановича, “друга Сталина”. В стихотворении “Турецкий шарф” И. Фефер рассказывает о шарфе, переходившем в наследство из поколения в поколение. Этот шарф, впитывая в себя все слезы и горе еврейского народа, стал символом его вековых страданий и теперь развевается “как знамя в ночи”».

Так трансформировалась в некий «шарф» Шхина, которая действительно сопровождает еврейский народ в его скитаниях и страданиях и которая является символом веры в грядущее возрождение. Благодаря «внимательности» цензора или доносчика-эксперта мы получили ключ к чтению этой поэзии. Перечитать ее следует не просто для удовольствия, но открытыми еврейскими глазами.

И это касается не только поэзии на идише. Стихи С. Фруга во многом стали образцом для еврейских стихов Маршака. Да и сам Маршак не так уж прост. Имеющий уши да слышит, имеющий глаза да видит. Замечательные примеры еврейских стихов Маршака отметил в свое время Юрий Тынянов. Об этом написано в дневнике К. Чуковского:

19 אָאַאַאַ 1935 אַ:

אַווע אַ:אַאַ אַ אַווייף אַאַ <...> אַ אַ אַאַאַאַ «אַ אַ:אַווי אַ אַ אַאַ אַאַ

אַווי אַ אַ אַאַאַאַ,

אַאַאַאַ אַאַאַ?

אַאַ אַ אַאַאַאַ אַאַאַאַ אַאַאַ: “אַאַאַ אַאַאַ, אַ אַ אַ אַ אַ אַאַ אַאַאַאַ ...”

Этот забавный случай показывает, что не только невольно, но и вполне осознанно можно использовать подобные приемы построения поэтического текста.

На протяжении веков, от Песни Песней Соломона до сегодняшних литераторов-евреев, еврейская литература часто меняла языки, часто существовала одновременно на нескольких языках (еврейских и нееврейских), умирала и возрождалась в самых непредсказуемых формах, однако оставалась еврейской, сохраняя ту непрерывную цепь, которая была ясна и И. Феферу, и его цековскому ненавистнику.

Только находясь в едином потоке еврейского времени, измеряемом непрерывными циклами чтения Торы и постоянным ощущением исторической преемственности от времен Исхода и первых еврейских поэтов Давида и Соломона до наших дней, мы поймем и Иеуду а-Леви, пишущего о мечте увидеть «хотя бы пыль и прах на ступенях разрушенного Храма»; и С. Фруга, автора ранних русских сионид; и С. Маршака с целой книжкой подобных стихов; и внука выдающегося антисемита (автора «Книги Кагала» Бранфмана) Владислава Ходасевича, выпускающего книгу переводов из еврейской поэзии; и тех молодых людей, кто сегодня пишет на идише и иврите, переводит стихи на русский и другие языки еврейской диаспоры.

Антологию мы начнем с самых близких к нам по времени, происхождению и судьбе еврейских поэтов, а затем будем двигаться во всевозможных направлениях по громадной карте нашей литературы, ограниченные лишь количеством и качеством русских поэтических переводов еврейской поэзии.

Судьба Квитко поразительно полно охватывает многие этапы жизни и гибели лучших представителей советского еврейства. Рожденный около 1890 года, он успел принять участие в Уманьском (!) авангардном сборнике, который был не так давно републикован в израильском журнале «Зеркало». Несколько неожиданно поэт начал свою литературную деятельность с детских стихов. Но странно это лишь на первый взгляд. 1910–1920-е годы были временем, когда создавалось и новое еврейское искусство, и новая еврейская литература, и еврейская педагогика. Поэтому книга Квитко «Лиделах» («Песенки»), вышедшая в Киеве в 1918 году, легко вписалась в контекст деятельности «Культур-Лиги», в изданиях которой он участвовал. Затем поэт оказался в Берлине, куда после первой мировой войны переместился центр идишского литературного и театрального мира. Коммунист Квитко разошелся с рядом видных литераторов, вступил в Компартию Германии, участвовал в подполье. Вполне логичным выглядит его возвращение в Советскую страну, где он становится видным советским поэтом. Хочется обратить внимание на некоторые свойства его поэтики, которые связывают Квитко с его временем не только политически, но и поэтически. Так, в любых статьях о Квитко советского времени обязательно было сказано, что в его поэме 1918 года «В красном вихре» ощутимо влияние «Двенадцати» Блока. Так это или нет, знал ли Квитко поэму Блока, точно не известно. Но в стихотворении «Ножик» 1946 года строки Блока «о ноже карманном», на котором можно «найти пылинку дальних стран», отразились явно.

Другое знаменитое стихотворение Квитко «Анна-Ванна – бригадир» в переводе С. Михалкова звучит сегодня как обычное «пионерское» стихотворение. Однако желание «видеть поросят» (животное, возникающее не только в этом стихотворении Квитко), будучи выражено на идише, выглядело вполне определенно в 1939 году, когда в еврейской литературе отчетливо существовало противопоставление новой жизни старым, отживающим иудейским обычаям. Антипасхальные агоды или антипуримные «пурим-шпили» содержали порой специфические образные ряды... Даже женскую красоту лирик Квитко воспевал, отталкиваясь от Песни Песней, и начинал «Гимн женщине» строками:

Í à Í à ù p Í à ù à è N ì è ù í í à -

B ò à í ó í à ù ù í ò í é,

x ò í í à é à ù ò í à ù à ù í í í à,

Í ò à ù ò í à ù ù à è ò í í í à ò ù í à -

Í í à ò à è x à í ù è í à í ò ù ù í é.

Зато стихотворение «Василиса» изобилует образами из той же Песни Песней. Свои антифашистские стихи 1938 года «Пушкин и Гейне», с предложением Гейне от имени Пушкина пожить в Советской стране, Квитко пишет в те дни, когда книги Гейне в Германии горят на уличных кострах. Читая стихотворение «Откуда едешь?» со строками: «Откуда ты едешь, внучек Муны? / Из Брембелембе, бабушка Груня», следует помнить, что написано оно в 1946 году, когда этот вопрос на идише, обращенный к евреям, звучал совсем не по-детски и вовсе не весело, хотя на возке у Муны были куклы да червонцы.

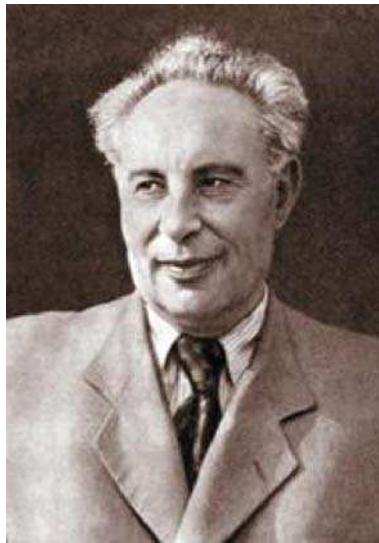
В июне 1941 года в Каунасе, лишь недавно ставшем советским, погиб тираж первого издания романа в стихах «Годы молодые», над которым Квитко работал 13 лет (на русском языке роман вышел лишь

в 1968 году). И в том же 1941 году Квитко принял участие в сборнике «Кровь зовет ко мщению» (рассказы пострадавших от фашистских зверств в оккупированной Польше). Помимо него в этой книге выступили также И. Нусинов, И. Кацнельсон. Предисловие написал Шахно Эпштейн. Эпштейну «повезло»: он успел умереть до начала дела Еврейского антифашистского комитета, во время которого, арестованный в 1949 году, Квитко был расстрелян в 1952 году.

За этим последовала реабилитация убитого поэта, которая уже никому не могла помочь. Вышли в свет несколько больших книг поэта и множество детских книжек.

В 1976 году в издательстве «Детская литература» появился даже сборник статей и воспоминаний о Квитко, что было принято делать только для признанных классиков советской литературы.

Советская власть безусловно сказала на творчестве Квитко, однако стихи его следует помнить, как и тот урок, который несет в себе его судьба.

А́ІАУ̀І́І́Е́І́А́У́А́.

Ді́і а́і а́ї́òèõàõ

І́òĐŪА́І́Е́.

Èèõüè îîéîî:-è èõàıı úá

à ã õı́á ãı́ò óı́ èèè.

Â õéı́áèèõéàõ, ãı́ıçı́ úõ îò éı́ıîòè-ı́úèè,

Âı́ıáèèó îı́è ðáçèáèèııı áı́á îı́ıáèı́ -

Â áı́ı áõ, áı́ áı́ıðáõ; òáı́ îı́òá

èõ ñèðı́ıáèèà,

È ñı́ı î îéı́ıáé èõ ñéı́ıáèè íáı́áèèèèı́ î.

Î òðŷá ñáé îðèáèè íá îı́:-ááéó

è Đèı́ îı́.

Î ò òwò à è è í f à í f à m à í p í à ÷ ò y,
 À m à ò à è ì ì ò à è í í í à ç à ù è p í í ÷ í ò p
 È m à ì í à ì ò í à ó à í ù ì ò m ò è à ì ì à í à à ì ù à
 Í ò ò è à à í í à ò y í à ò à ì ò ù à
 à ò í í à à ì ù à ..
 N ì y ò è p à è, í ò w è à ì k e à à à í à à í à
 È è ò ù à í à à ò ò à à ò ò ò à à
 Í à è ò ù è à ÷ è à ò à ì - à à ì à
 Ò ì ì à à à ò è í è À ò ù à ì ó è Ò ò ò è ì ò ì ò í í
 N ò à w è à ò ò ò y à ò à è è.
 N ì à m à ì í à ì ò è ò à ì ò í í
 N ò à ò è è í à ò ÷ à í, è í è ù ì í à à à à ç à à í ó è ì ì .
 È ò à è è ì à ì è ì ò ò ò è à ò à ò ù è ì
 ì ò ó è ì ì
 Í í ì ò à è ò, í à ò ì è ò ó à ò à m ì è ò
 ç à ò à à ò è á
 È ì è ì à à ò à è ù ù ù è ì ò è ù ÷ à ò ì í ò è á
 Í í Ò ò ò è ì - ò ì ç í à à ò, è à ò à y ì ì ò à ò ù ì ì ,
 × ò ì à à à à è à À ò ù à y à è è ò y í à à à ò ì ì .
 À ì ò à y è ò y ç à à í ò à ò í í è à à à à,
 È à è à à à ò ì à ì ò ò à í è è, ò y í à ò ì è ì à à :
 - Ò à è à ì ò, ç í à ÷ è ò, í ò à à à ò à ì ì í è
 í í í à ò y ..
 è ò ÷ à è è - ç è í à à è !. B í í í y è, ÷ ò ì à ù à ..
 ò à à y ò à ç ò ì è à è y .. à ò à è à à è .. ó ç í à è -
 à ì à ì è ù ù í .. È ò ò ì ó à à
 Í ò ì ò ò à ì ò ò à è è ò w à è ..
 ò ì ò ù è ì ò í à è è ò è á Í í è ò à y à à ò í à í ù .

Áú ãéúõ íááèè - í òíì ááúíáíñéíáíí

È á Áéáéèè ñéàçàíí!

Ì èð - áááíýéàì ,

Áíãòúì - áéíá ,

éáé èþòáéøèì áðááì .

Í ó èðúøà , í ó ðéááà òí òý áú í áì í íã...

Òòò í áò í ðíèçáíéà ,

áñ , ì óáðí è ñò ðíã .

Í í , Óðíèì , çà:áì áú ò ðááéòá í òíì ,

× òí Á-ñííáà í áò ó í á í ááá ñéý ò íì ?

Á ÷ òí , áñéè áíòú í í ?!

Í í ááéí í á á ýò íì ...

Õí ò è ò á áú ãéááí íã -

÷ ò í áú í áá ñáò íì

Áíøéá ñ ðáááéèè áí ñòú ..

Áú çéí í í á í ðí ò ú

Õí ò è ò á - áà áéááíñéíáè ò ááí Á-ñííáú!

í áðááí á

Áááè áá Áðí áñéí á

Ϊ ΕΝΪΙ Ϊ ΑΪΔΪΘΕΕΪΑΪ

ΕεεΪ ο ΑΪδΪθεεΪαΪ

Ϊ ενΪι ς γ ς αι ενε:

«Ορααδευ ΑΪδΪθεεΪαΪ

ς αδΪαι υε εΪι ενΪαδ!

Α ΕδαιΪ οφ ΑδΪ εφ

Ϊ υΪ ασι εε αιΪ

Α ΕδαιΪ οφ ΑδΪ εφ

Αδαι ο ς εε αιΪο.

Ορααδευ ΑΪδΪθεεΪαΪ

Β αι εφ αιεφ,

Ορααδευ ΑΪδΪθεεΪαΪ

ΑδΪαι ο α αιεφ!

Ϊ α δαιΪοα ς αδΪαι

Αυε ς ς ες αιΪοι,

Αδαι ς ς ς δει αδΪ αι

Α αδΪ εε αιεοΪι.

òíáàðèù Áíðíσεείτá
 Í íááðí, ò ù áúááσí ðáá,
 Èíáá è ò ááá í á ñéúεάó
 Í ðéáà ò í é ñò áðσéé áðàò!
 Ñéúσáè ý: áúáεóε
 Çááóí áεé áíείά
 Õíò ýò í í é ðáçáááé ò ù
 Ñí áá ò ñéσφ ñò ðáí á
 òíáàðèù Áíðíσεείτá
 Èíáá í á: í á ò ñí' áíé,
 Í σíεáé í áçí á: à ò áðà ò á
 Á í ò ðý'á í áðááí áíé!
 Í í é áðà ò ñò ðáéý'á ò ò á ò éí -
 Óáεáεσú ý ò í ñáí,
 Èíáá ñò ðáéý'ò ù ò ðéé áε áσú
 Í á ò ðí'ò á í í áðááí.
 òíáàðèù Áíðíσεείτá
 Á áíεé í á áíείά
 Í í áεáí á ò áðà ò ò í é ò éúé,
 Í èσé ñéí'ðáá ò í á

*Orããdeù Áĩđĩsẽĩã
B áũñòđĩ ÿĩãđãñòó
È ãñòáĩ ó ãĩ ãñòĩ ãđãòã
Ñ ãẽĩ òĩãẽĩé ÿã ÿĩñòó.*

1928

ÿ ãđããĩã Ñãĩ óẽã ÿ ãđããã

ÈÁÌ ÁÈÁ ÕÏÇBÉÍ È×ÁÁÒ

*ÿ ãĩ ã óõĩãèò,
Ñĩãsèò ã ÿ ããçẽĩ
- Èãĩ ããã ò ù
ĩñò ããçũĩĩ ÿãẽĩ.
ÿ ãĩ ã ÿããçãèã:
- Õù ÿ ÿã óĩẽóãè
Áũĩ ÿé òãđãèè,
Ñãñòóóóẽĩãè.
Áđĩã ÿãẽĩẽĩ ò ù
ÿ ã çããçãũ ÿ ÿé ÿũĩ ÿé
ÿ ÿẽĩ ãé ÿãòóãã
È çãĩ ðé ÿã çãĩ ÿé
Ñãñòóãĩ èã, òãđãèè,
ÿãòóó è ãđĩãã..
Ó Èãĩ ããã ò ÿẽũĩĩ
ÿ ãĩ ã ãẽĩãã!
Ñõããòèè ÿ ÿ ÿãñòóãĩ éó
È çãĩ ãđ ã ÿãđãé.
Ñããçãè ÿ ÿ ÿãñòóãĩ èã:
- Õù çããũ ÿ ÿé ãããé!*

Άστρά ίι άστρά ίι
Ίιι ύέ έείγòέίι,
×άòύδà òάδèέέ
Βαράέέ ί ίέιòέίι.
Ίί άρέά ί δέσείνι
Νίάòóοίι άράάòύ-
Αί όίά όιòάέίι
Έίάέòύγ á έδράòύ

1939

Ίάάάά Ί. Ίάέάίίάέ

ΑΊΊΑ-ΑΑΊΊΑ - ΑΔΕΑΑΑΕΔ

- ΑΊΊά-ΑάΊΊά, ίάσ ίòδγä

óí:άò áέάάòύίίòíγò!

Ί ύ έó ίά ίάέέί:

Ίίάγäέί έ άίέάί!

- Óóíäέòάí άάίδä,

Έó:σά ίά ίòíñέòá!

Ίίòíγò έóίάòύίίδä,

Ίίñά ί δέóíäέòά

- ΑΊΊά-ΑάΊΊά, ίάσ ίòδγä

óí:άò áέάάòύίίòíγò

έ ίίòδγäòύíίέίέ -

ί ίίñ έέ ύάòέίέέ?

- Óóíäέòάí άάίδä,

Έó:σά ίά ίòíñέòá!

Ίίòíγò έίòí έòύίίδä,

Ίίñά ί δέóíäέòά

- ΑΊΊά-ΑάΊΊά, ίάσ ίòδγä

Ōi:-àò àèääòüííòðíŋò!

Đúèüà - íyòà:-èài è?

Ōáŋòèèè - èðp:-èài è?

- Ōóíàèòáŋ ááíðà,

Èó:-òá íá íðíŋèòá!

Ííòðíŋòàí ŋáòüííòðà,

Ííŋéà çàóíàèòá

- Áííà-Ááííà, íàò íòðyá

Ōi:-àò àèääòüííòðíŋò!

- Ōóíàèòáŋ ááíðà,

Ííòáðíèòá áí óòðà

Ì ú óeá óíí àðí çàeáèè,

Ííòðíŋòà ŋáòüííàèè!

1939

Íáðáíá

Ŋáðáŋy Ì èòàèéíáà

Í Í À È È

Áŋòüóí áíy ííæéè

Í ŋáí è èèéí èàò,

Í ŋáí è áéáŋòyíèò

Íŋòðúò yçíèáò

Áðááŋ òàéíáŋ

áíèüòá á í èðá íáò!

Í í íá áŋá áííðíŋí

Ì íá ááò íòááò.

Íáðáíé èèéíéè òðíááò,

Áòíðé áí óííí íááò,

Òðáòèè òéèèèè èò íééíð,

xáòááòúé - øèèîî, èæíþ,

Íyòúé ðææáò ÷óüüîî,

Çà:áì øáñòíé - íæçáñòíîí,

À ñüü íé - äæíñòááííúé,

Òæíñòááííúé èèèíé,

Øíò èèèíé òæíñòááííúé

Í èèòí îííyòúíáì íã

B í á:òâþ, ÷òí íáíææü

Ðáíí óòðá:éíî íðíñ óñü

B í á:òâþ, ÷òí íáíææü

Îñòðëý ðéíé èíñ óñü -

Èç ñüíæ èíææéíèè òáñíé

Áñòáíáò ì äæáííí èèèíé

È áñèèèéíáò: «Î èð ÷óüüíúé

Ðæçáðí èíñí ó íæèó ííã»

È ííáí èì óòñý òóí áíú,

È óææóý äüèè

Áñá ì íðý è íéáíú,

Áñá áíèüæá èí ðææè!

À èèèíé ì íáñææáò äüðü

«Äðü ÷áñ æææáòü?»

B áì ó íòáá:á «Äðü

Ðæçá òú íá çí áæóü?

B õí:ó íá yòíî èðæíñðá

Ñ ì íðýèàì è áí áñòá áúòü

B õí:ó íá yòíî èðæíñðá

Ñ ì íðýèàì è áí áñòá íèúòü

Äææéí, äææéí.

Ñ Çai'ááá ái Áíñòíéá,

Ñ Ñáááá é ái P áá

Áí Çai'íeyóí íá éóáá

À íííéá - ííyòúí á:áéá,

×òíá í íóá í áíy éá:áéí,

×òíá áééí á áíóóá áíéí íé,

×òíá áúé òú áíííá íí í íé!»

1946, í ááááá Áéáí ú Áéááéí íé

ЖЕНА ЛОТА

Bêta Oiaôâd

Он с трудом вырвался из тяжелого дневного сна, сел на гостиничной кровати и с хрустом помотал головой. Ему снилось, будто он пил кофе за столиком ресторанчика на берегу Вильняле, разглядывал кирпично-рыжий бок башни Гедиминаса, торчащий из курчавой зелени горы, потом поднялся и ушел, и только спустя двадцать минут, уже возле ратуши, вспомнил, что забыл сумку, а в ней документы, обратный билет, деньги и кредитные карточки. Он побежал обратно, на ходу обращаясь к невидимому и всемогущему Б-гу, чувствуя, как бешено, вразнос, колотится сердце.

«Но как же так, – думал он, спуская ноги с кровати, – ведь невозможно уйти, не расплатившись, а значит, я снимал со спинки стула сумку, доставал из нее портмоне, прятал обратно, как же так?»

Он еще раз помотал головой, пошел в ванную, с удовольствием ступая босыми ступнями по ворсистой поверхности ковра, умылся, поглядывая на себя в зеркале и чувствуя, как кровь постепенно замедляет свой бешеный бег.

Из темной поверхности зеркала, свет в ванной он не включил, на него смотрело хорошо знакомое лицо: плавная линия носа, мягкий прочерк губ, полускрытых усами, уже начинающая седесть, но еще достаточно черная борода – коротко подстриженная, упругим мхом обложившая щеки и подбородок. Когда-то он любил себя рассматривать; знал каждую точку, каждый бугорок кожи, но потом, обратившись к религии, прочитал, что так поступают женщины, мужчине же полагается отдаляться от подобного рода действий. И зеркало ушло из его жизни, да и не было в нем особой нужды, поскольку бриться он перестал, а волосы два раза в месяц подстригал очень коротко, оставляя лишь шершавый ершик, с которого во время утренней молитвы не сползали тфилин.

Он вытерся насухо жестким гостиничным полотенцем, вернувшись в комнату, достал из холодильника бутылку кока-колы, приник к горлышку и долго пил, двигая кадыком, блаженно ощущая, как холодная пузырящаяся жидкость смывает последние остатки сна.

Да, сон отступил, но ощущение потери осталось. Он посидел несколько минут на кровати, припоминая, что могло послужить причиной этому чувству, перебрал встречи, денежные дела, покупки, билеты, телефонные звонки, и, не найдя ничего внушающего беспокойство, быстро оделся и ушел из гостиницы.

«Сны, – думал он, неспешно шагая по Вильнюсу, – дурное марево, сумерки разума, неизжитые страхи. Не думай о снах. Думай о мостовой, по которой ступают твои башмаки, о желтых, охряных, терракотовых стенах домов, о багряном солнце, низко висящем над черепичными скатами крыш, о плюще, вьющемся вокруг водосточной трубы. Это ведь твой город, ты в нем родился и прожил большую часть жизни. Ты должен его любить, но что-то ушло из организма, и ты успокоился, отмучившись любовью к этим крышам, лестницам, пламенеющим башням костелов».

Его звали Залманом, и он совсем недавно перевалил за тот рубеж, после которого в голове у мужчины проясняется туман неуверенности и на каждый возникающий вопрос из глубин подсознания немедленно выплывает ответ. Он закончил в Вильнюсе университет, успел поработать, встать на ноги, и тут им овладела охота к перемене мест. Залман заболел, тяжело заболел Израилем. Он мог думать и говорить только о нем; собирал крупницы сведений, рассыпанных по энциклопедиям и пропагандистским брошюрам, перечитывал приходившие к знакомым и родственникам письма «оттуда», учил иврит и в конце концов оказался в синагоге. В ОВИРе к его недугу отнеслись снисходительно и спустя всего две попытки – выпустили.

В Израиле болезнь отступила, но мировоззрение оказалось непоправимо измененным, и Залман вступил на сложный путь изучения Торы, вкусив восторга ночных бдений в синагоге над потертыми страницами тайных книг, и вдоволь нахлебавшись нищеты. Турбулентное движение судьбы вынесло его на

тихий берег в учебном заведении для выходцев из России, где он преподавал Талмуд. Ученики любили Залмана, зарплаты хватало на более или менее сносное существование, и жизнь, казалось, вошла в нормальное русло.

Впрочем, почему казалось? Вошла, жизнь действительно вошла в нормальное русло, и нынешняя поездка – одно из проявлений укорененности, прочной устроенности его жизни. В Вильнюс Залман прилетел для подготовки школьной экскурсии. Совет попечителей решил, что в качестве награды надо свозить отличившихся учеников в бывшую столицу еврейского мира – Вильну. Ну и, конечно же, заехать в Ковно, посмотреть сохранившееся здание ешивы «Слободка», завернуть в Поневеж.

Залман остановился на маленькой треугольной площадке, образованной пересечением трех улочек Старого города. Когда-то он обожал это место, непонятно почему оно волновало его душу. На месте разрушенных во время войны зданий архитекторы построили сказочный средневековый город: небольшие дворики с увитыми плющом домами в стиле Ренессанса, тяжелые арки ворот, булыжная мостовая, частые переплеты оконных рам. И всё это было раскрашено, ухожено, любовно приглажено и содержалось в такой чистоте и цветении, что Залман часами ходил по этим дворикам, а в теплую погоду приносил раскладной стульчик, книгу и сидел до самой темноты, наслаждаясь покоем и тишиной.

Изредка, точно гонимый ветром столб пыли, сквозь двory проносились туристические группы, но Залман воспринимал их как неизбежное проявление стихии, вроде птичьего помета, внезапно упавшего на шляпу. Сумерки медленно, словно густое вино, наполняли двory. Они клубились под арками, сочились из неплотно прикрытых дверей парадных, осторожно заполняли углы, взбирались на колени, накрывали с головой.

В окнах зажигались огни, Залман вставал со стула и, покачиваясь, будто пьяный, на уснувших от долгого сидения ногах, брел домой. Он перечитал все книги по архитектуре Вильнюса, легко выделял ренессансный аттик из пристроенных спустя два века барочных ваз и карнизов, выучил наизусть даты начала и окончания строительства костелов и храмов. Залман знал все проходные двory, укромные закоулки и узкие проходы между дровяными сараями. Он даже сфотографировал их и собрал в альбом под неуклюжим названием «Вильнюс сзади». Но улицы и дворики Старого города влекли его больше всего. Тогда он еще не понимал почему, понимание пришло позже, гораздо позже.

Уже в Израиле он сообразил, что на месте всемирного центра Торы литовские архитекторы выстроили обыкновенный польский квартал. Уютный, милый и ласкающий глаз, но не имеющий никакого отношения к жизни духа, несколько веков наполнявшей улицы и двory Старого города.

– Слова крепче камней, – думал Залман, на ходу прикасаясь рукой к стенам домов, – а мысль не поддается разрушению. В Паневежисе давно не осталось ни одного еврея, а десятки тысяч юношей, цвет еврейского народа, учатся в израильской ешиве «Поневеж».

Он вошел в любимый когда-то дворик. Ничего не изменилось: те же искусственно состаренные деревянные ворота, вымощенный крупными плитами пол, терракотовые стены с желтыми прожилками выцветавшей краски. Вот только плюща, пожалуй, стало больше, одной стены почти не видно, лишь на месте окон в сплошной стене зелени вырезаны просветы. Пусто и тихо, звук его шагов пробудил эхо, и оно заметалось по двору.

Залман остановился. Забытый, казалось бы, навсегда трепет, вновь коснулся его сердца.

«Почему я волнуюсь? Ах, да, конечно, при чем тут архитектура польского Средневековья? Душа слышит, душа входит в резонанс с душами мудрецов, живших когда-то на этом месте».

Он припомнил историю, о том, как печатали Талмуд. Тогдашняя Вильна была центром изучения Торы, многие из ее знатоков бедствовали, работали на самых черных работах. Каждый набранный лист вывешивали на воротах типографии, и за найденную ошибку платили вознаграждение. В итоге над редактированием текста поработало несколько тысяч мудрецов, такого скопления людей, досконально знающих Святое Писание, больше уже не встречалось ни в одном месте мира. И вряд ли встретится. Поэтому «Талмуд Вильна» не набирается заново, а только копируется с того, первого издания.

Залман вышел из дворика и вернулся к треугольной площади. На одном из углов мягко светились окна ресторана «Локис». Когда-то он часто заходил в него, выпить чашечку кофе с рюмкой тягучего ликера «Бенедиктин». На большее просто не хватало денег.

Он в нерешительности подошел к двери ресторанчика.

«А, собственно, почему нет? Кофе и ликер вполне кошерны. Почему бы и нет?»

Он потянул за ручку и, уже переступая порог, вдруг вспомнил комментарий к истории жены Лота.

– Совершившему духовное перерождение нельзя оборачиваться назад. Образы прошлой жизни могут оказать на еще неокрепшую душу разрушительное воздействие. Пока человек не прошел достаточно далеко по пути духа, он должен избегать возвращения к прошлому.

Залман внутренне усмехнулся.

Ну уж к нему это не относится. Путем духа он идет полтора десятка лет, и давно миновал тот рубеж, до которого обращаются в соляной столп. А кусок свинины – какое из него испытание? Просто смех!

Ликер оказался совсем не таким вкусным, как помнилось. Или делать его стали хуже, или он, Залман, изменился за прошедшие годы, перепробовав разных настоек, водок и ликеров. Но вот кофе по-прежнему на высоте.

Он удобно откинулся на спинку кресла и огляделся. Да, интерьер тот же: медвежьи и кабаньи головы на стенах, тяжелые столы темного дерева, массивные кресла с высокими спинками. Кирпичные своды над головой: интересно, что тут было до войны. Возможно, под этим самым потолком собирались кабалисты и по ночам, при свете свечи, передавали тайное Знание. Или на стеллажах вдоль стен раскладывали свеженапечатанные тома Талмуда, готовя к отправке во все страны света. А может, тут был самый обыкновенный подвал, в котором хранили тяжело пахнущие кожи для изготовления пергамента или бочонки с пасхальным вином.

Залман вдруг почувствовал голод. Последние несколько дней он питался привезенными с собой консервами и полуфабрикатами, которые растворял в кипятке. От этих супов, каш и риса с приправой его мучила изжога. Он глушил ее таблетками и старался не обращать внимания на протесты организма. До самолета оставалось всего два дня, а от изжоги еще никто не умирал.

В «Локисе» на него обрушились аромат жареного мяса, пряное благоухание тминного соуса, крепкий, дразнящий дух свежего хлеба. Не в силах противиться искушению, он позвал официантку.

– Простите, – его литовский порядочно потускнел за прошедшие годы, – вы не могли бы принести мне несколько целых помидоров и огурцов. Положите их, пожалуйста, на одноразовую тарелочку.

– Конечно, конечно, – приветливо улыбнулась официантка. – Вы приезжий?

– Да, – кивнул Залман.

– Впервые на родине?

А, вот в чем дело! Она приняла его за американского литовца. Ну да, вид у него не местный, а язык через пень-колоду. Кем же он может быть, кроме американца? Не желая продолжать разговор, Залман кивнул.

– Добро пожаловать в Вильнюс! – еще раз улыбнулась официантка. – Вы вегетарианец?

– Да! – с облегчением выдохнул Залман. – Конечно вегетарианец. Я даже посудой, из которой ели мясо, не пользуюсь.

– Нет проблем! Сейчас всё принесу.

Официантка повернулась и, покачивая бедрами, пошла между столиками. Покачивания явно предназначались Залману. Кто их знает, этих заезжих иностранцев, может и миллионером оказаться.

– Еще одну чашечку кофе, пожалуйста, – попросил Залман, когда перед ним оказались два желто-розовых помидора и покрытый острыми пупырышками огурец. – Сразу как закончу овощи.

Официантка понимающе кивнула и удалилась. Осторожно, чтоб не пролить сок, он разрезал пластмассовым ножом помидоры, аккуратно располовинил огурец, потом так же тщательно разделил половинки на четвертушки, сосредоточенно произнес благословение и начал есть.

Невкусно! Он недовольно поморщился. Израильские помидоры и огурцы куда лучше.

– Конечно, невкусно, если без соли, – раздался за спиной женский голос.

Залман обернулся.

– Бируте! – он узнал ее сразу. – Откуда ты здесь?

– А ты откуда?

– Я по делам, в командировке.

– А я живу тут, как раньше.

Она поставила перед ним солонку и, гибко прогнувшись, села напротив.

– Сколько лет мы не виделись? – спросил Залман, не зная, с чего начать разговор.

– Как ты уехал, так и не виделись. Уже шестнадцать лет.

– Да, шестнадцать.

Воспоминания бросились ему в голову, отчаянно, словно солдаты на штурм неприступной твердыни, но он отогнал их таким же решительным движением головы, каким недавно отбросил в сторону дурной сон.

Залман, не стесняясь, оглядел Бируте. Всё, что он когда-то любил в ней, осталось на своих местах. Высокая шея, матовая, персикового цвета кожа, волнующий скат груди, коротко подстриженные, отливающие бронзой волосы, милые черты лица, влажный блеск зубов, ловкая фигура.

– Ты совсем не изменилась! – в невольном восхищении воскликнул он.

– Дурачок, – Бируте засмеялась. – Это всё полумрак и хорошая косметика.

Он замолк, словно споткнувшись. Говорить комплименты чужим женам, да еще в ресторане, плохо укладывалось в тот образ, который он выбрал и носил много лет.

– Расскажи о себе, – нарушила паузу Бируте. – Чем ты занят, что делаешь? Как твои писательские дела, ты ведь хотел стать писателем, помнишь?

– Писателем... – он хмыкнул и вдруг, поймав привычный для себя тон преподавателя, заговорил:

– Жажда возмездия, то, на чем основана вся литература, все детективы, все трагедии и, возможно, комедии, на самом деле есть не что иное, как проявление неумемного человеческого стремления к справедливости.

Залман остановился и внимательно поглядел на нее. Бируте слушала, чуть приоткрыв губы. Ах, да, она ведь всегда так слушала, это была ее неповторимая манера, как же он забыл! Руки Бируте неподвижно лежали на столе. Крупные кисти с тонкими, но крепкими пальцами. Когда-то он посмеивался над величиной этих кистей и над непривычно большим для девушки размером обуви.

– Я крестьянского рода, – отвечала Бируте. – Дед мой землю пахал, и прадед, и прапрадед. Чтобы крепко стоять на земле, нужны большие ступни. И кисти – удерживать борону и плуг.

Словно прочитав его мысли, Бируте убрала руки со стола.

– Так вот, – продолжил Залман, – человек хочет верить, что в мире есть порядок: зло неминуемо будет наказано, а добро восторжествует. То есть – в мире присутствует Хозяин. Поиск справедливости есть не что иное, как поиск Всевышнего. Мы желаем видеть мир не бессмысленным хаосом, а разумной гармонией. Хотя бы в книгах. Когда я это понял, то забросил свои литературные занятия и занялся совсем другим делом.

– Да, – грустно сказала Бируте, – ты уже здесь стал таким. Оттого и не захотел на мне жениться.

– Я?! – изумленно воскликнул Залман. – Я не захотел? Ты же вышла замуж за Лотаса, как я мог на тебе жениться!

– А отчего я вышла, не помнишь? Забыл, что ты мне прошептал у ограды костела, когда мы целовались под колокольный звон?

– Не помню, – Залман отрицательно покачал головой. – Помню, как целовались, а что говорил, нет, вылетело из головы.

Он зажмурился, и от этого, ничего, казалось бы, не значащего движения воспоминания вырвались наконец из глухого подвала памяти и выплеснулись наружу, обжигая давно забытой болью. Зарябило, расплылось перед глазами, сладко потянуло сердце.

«Неужели слезы?» – с удивлением подумал Залман.

Стояла осень, желтые и пунцовые листья плавали в лужах. Деревья у ограды костела почти оголились, обнажив холодные извивы черных ветвей. Они вошли во двор, отыскивали укромное, скрытое от людских глаз место, и, прижавшись друг к другу, простояли целую вечность.

Темнело, сквозь стрельчатые окна, затянутые цветными витражами, доносились звуки литургии. На башне ударил колокол, и с первыми его звуками, тяжелыми, словно старинные серебряные монеты, они начали исступленно целоваться. Неумело, стучась зубами и сталкиваясь озябшими носами. Когда последний завиток звона растворился в сизом от валяющейся на Вильнюс темноты воздухе, Залман, неожиданно для самого себя, сказал:

– Я женюсь только на еврейке.

– Вспомнил, Зюньчик? – Бируте нарочно назвала его детским именем. Его уже много лет так никто не называл.

– Вспомнил. Но ты бы ведь не поехала со мной в Израиль. Без мамы, без папы, без всех твоих деревенских родственников.

– Поехала бы. Я бы тогда за тобой куда угодно поехала.

– А вера? Ты ведь католичка, а я иудей.

– Я атеистка. Была и есть. Но ради тебя стала бы иудейкой. Твой Б-г был бы и моим Б-гом.

– Н-да, – он постучал пальцами по столу. – К чему жалеть об упущенных возможностях. Как ты, как Лотас? У вас есть дети? Сколько?

– Мы разошлись через год. Сразу после твоего отъезда. Он меня совсем не понимал. И вообще, был какой-то неромантический. Приземленный, как все жемайтийцы.

– А после Лотаса? Вышла еще раз?

Она замялась.

– Понимаешь, формально мы не развелись. Расстались, как муж и жена, но поддерживаем имущественные отношения. В общем, официально я замужем, хоть фактически нет. И знаешь, что я тебе еще скажу...

Бируте заметно волновалась. Достала пачку сигарет, вытащила одну, закурила, выпуская дым вбок, потом толкнула пачку к Залману.

– Спасибо, я уже много лет как бросил.

– А я нет.

Да, эту ее манеру выпускать дым, кривя губы и чуть наклоняя голову, он тоже хорошо помнил. Сколько, оказывается, хранит в себе наша память, мы-то и думать о чем-то забыли, а она держит, крепко сжимая, до боли, до синяков, до царапин на сердце.

– Вот что я хочу тебе сказать, – она собирала силы, точно штангист, когда, обхватив руками штангу и уже присев, он замирает, прислушиваясь к себе, проверяя, всё ли готово для рывка.

– Ничего не упущено. Я все эти годы ждала нашей встречи. Знала, ты вернешься, не сможешь не вернуться. И вот ты вернулся.

Залман молчал, оторопел. Не от слов Бируте, а того, какую бурю подняли эти слова в его душе.

– Всё еще можно повторить, Зюньчик. Вернее, начать сначала. Стоит тебе захотеть.

– Бируте, – он закашлялся, то ли от волнения, то ли от сигаретного дыма. – Видишь ли, я, в некотором роде, духовная особа.

– Ну и что? – перебила она его. – Б-г – это любовь. Он простит тебя. И меня вместе с тобой.

– Б-г – это еще и долг. Ответственность перед другими людьми. У меня жена и шестеро детей. Как я могу...

– Шестеро! – она в изумлении прикрыла рот рукой. – У Зюнечки шестеро детей!

С минуту она качала головой, рассматривая его расширенными глазами.

– Нет, конечно, разве я могу забрать отца у шестерых детей. Но ведь ты можешь приезжать иногда в Вильнюс, раз в месяц, раз в два месяца. О деньгах не думай, я теперь богатая, на билеты хватит.

Она криво усмехнулась и загасила сигарету.

– Бируте, а как я буду возвращаться? Какими глазами на детей глядеть, что говорить им? Врать, скрываться. На обмане счастья не выстроишь.

Она затрясла головой, глаза заблестели. Молча протянула руку, накрыла своей ладонью пальцы Залмана. Он почти инстинктивно дернулся, чтобы высвободиться, но тут же остановил движение.

– Хорошо, – сказала она тихо. – Пусть всё останется, как было. Но сейчас, раз мы уже встретились, сегодня, один-единственный раз...

Он не мог говорить. Не мог двинуть рукой. Он захотел отрицательно покачать головой, но она налилась свинцом, окаменела. Никогда в жизни столь простое движение не давалось ему с таким трудом.

На улице уже зажглись фонари. Из распахнутого окна второго этажа доносилась песня «Битлз». Что-то о плачущей гитаре. Когда-то он знал эту песню наизусть. Залман выбрался на середину мостовой и побрел к гостинице.

«Только не оборачивайся, – твердил он себе, – только не оборачивайся».

Он дошел до угла, уперся рукой в холодную жуть водосточной трубы, уловил последний всхлип соло-гитары Леннона и обернулся.

РАЗВОД

Áar da Áadri

Èç áar da Áadri, èoi èiáa-èeaf ideofáee é i íai ó íobó-ðááeíó ènéaou íkka, íai úi è íáçáíeáfíúí è èaçáeéíí i íá aafíúeíú, èíoiíou íðáííoyeí èçáíeá èç i óeíáá áíi à Èííá-íí, íeó-áeéíí è áðáá íáeáafíúá ðááíoyeé, èíoiíou ideofáyeé ofçáá, ofðááou, íðááðíáeéá íai áí è óáíoyé, íí óáeéá áúe í íeíí áúeí èáe-oi emðáeou Íðííeóáe èçéááeé íáíe íaeáí, íeááðáeé áááeé ííeáçáíeý, è oió, èoi íðeçááeéíí íai ðááí, ðáííeá-éáeéíí. Noá áúe íá íoiííá íí óáí áeóáá.

Íí yóè aafíúeíú - «íðááðíóouá íáðááí », èáe í íeó ááíðeé, - èó íðeááíð áúe áðáe è ááííúááí. Íí íeçeéé íeáçáíí: «Áíeé èoi áíçíí áó aafíó è íeáááoyé áí í óeáí, è ííá íá íeáááð áeáááíeáfíeý á áeáçáó áí, ííoiíó ÷oi íí íáðíáeó á íáe ÷oi-íeááíí íðíeáííá, è íáíeéáð áe ðaçáíí íá íeííí í...»^[1]

В самом деле, разве можно исправить нелюбовь? Это такая страшная болезнь, что едва заденет кого, нет уж ему спасения.

Пять или десять лет провела женщина в своем доме, у своего очага, охраняла благополучие его. Мыла, и вязала, и латала, отводила преданными руками все беды и сглаживала все шероховатости. Бродила возле стоек и подбирала щепки, чтобы растопить ими печь, по обочинам дорог сметала ошметки навоза, чтобы удобрить землю на двух грядках у себя во дворе, выращивала горох, морковь и свеклу и умудрялась после сготовить из этого и суп, и подливу. Творила сущее из ничего.

Приходил муж и усаживался за накрытый стол, резал хлеб сильными своими руками, отхлебывал суп, что она подала ему, сквозь горячий пар, подымавшийся от кушанья, устремлял на нее повеселевший взор, в котором сквозило благодушие, а порой и благодарность, – и это было ей наградой.

И вот случалось так, что в один день всё это рушилось. То ли потому, что семья его, ненавидя женщину, прожужжала ему все уши, то ли оттого, что нашел другую, более пригожую, чем эта, но отворотилось от нее его сердце. А за отсутствием той колдовской приправы, что делает горькое сладким, всё становилось вдруг пресным и безвкусным.

Хлеб оказывался подгоревшим или вовсе не пропекшимся, всякое варево – испорченным, и дух от него скверным, и пошли, пошли пререкания и склоки. Поначалу еще стыдливые и приглушенные – совестно было перед людьми, – но по мере того, как горечь копилась в сердцах, всё более гневные и шумные, словно тяжелые черные тучи, раздираемые молниями, – и забушевало, помутилось всё вокруг.

Если были дети, то сидели теперь, сжавшись и нахохлившись, точно птенчики в час бедствия, когда гнездышку их грозит быть разрушенным и развеянным. Они пробуждали великую жалость в сердце матери и еще более раздражали отца. Тот, в гневе и безумии своем, считая, что так еще больнее он заденет ее, набрасывался порой и на них – и бил, не щадя.

Кто-нибудь из соседей вмешивался и забирал их к себе домой, и там оставались они, словно несчастные беспризорники, словно вещь, не имеющая хозяина, пока не отваживались наконец, уже ночью, вернуться домой: нащупывали в потемках свое место и съезжались под одеялом в безмерном страхе... И тогда подымалась женщина, признав, что не может так более продолжаться, что нужно положить предел всему этому. Наступал день, когда она отправлялась в общинный суд.

Откуда брались у нее силы одолеть этот горестный путь, в конце которого предстояло ей быть исторгнутой из всего, что было смыслом ее существования?

В переулке, неподалеку от дома судьи, выходил на порог своей лавки хозяин – поглядеть на нее, из-за ограды пекарни выступала домохозяйка – и не упускала случая поздороваться с ней. Никогда между ними не было особой приязни, но теперь она спешила показаться и окинуть ее тем взглядом, который для обездоленного – точно прикосновение к открытой ране.

Служка во дворе суда был ей знаком, но теперь нарочно не признал ее. Он был «при исполнении обязанностей». И сам дом, в который она вступала, казался ей узким мостом без перил, за которые можно было бы ухватиться. Всё плыло у нее перед глазами, а в сердце вселялся безумный ужас.

Принадлежности писца на столе, и среди них поблескивает перочинный ножик, раскрытый и отточенный. Лавка судей, которая в ее воображении едва ли не небесный суд, где придется ей предстать в свое время... И ледящим душу сквозняком тянет из того угла, где сидит он, оберегаемый членами своей семьи, сомкнувшимися вокруг него, словно крепостная стена.

Эти, если была вражда между ними и женщиной, не могли сдержать теперь вздоха облегчения. Звеном, вырванным из цепи, был человек – и вот воротился занять свое место и воссоединиться с ними.

Спозаранку припасли ему в кармане бутылку с водой, чтобы тотчас после выдачи разводного письма ополоснул руки и «первым ухватил счастье». Вот исчезает один из них, чтобы притащить водки и пирогов, а другой из-за дощатой перегородки просит стаканы и поднос.

Моя мама, женщина вообще-то щедрая и приветливая, не дает.

– Трудно добраться до посудного шкафа, – объясняет она.

И пока идут приготовления для написания разводного свидетельства, мама выходит и забирает женщину на свою половину.

Пышные луга открываются тут из окна, и со скамьи, на которую ее усаживают, она может краешком глаза видеть этот зеленый простор, широкую даль – то безмерное спокойствие, которое не соответствует метаниям и мукам человеческой души.

Озерца в пойме, казавшиеся отсюда такими неподвижными, полоски огородов, шелк небес над ними и одинокая липа рядом, которая одним своим видом должна ободрять сердца – ведь не раз налетали на нее, в ее одиночестве, свирепые бури, и вот устояла она и высится величаво...

Мама, видя выражение задумчивости на лице женщины, исчезает. Место, где человек отдается ощущениям своего сердца, свято, полагает она, – нельзя оставаться подле него.

Но вот за перегородкой нарушена тишина, настал роковой час, тяжкий своей ответственностью и непоправимостью приговора. Текст, написанный печатными еврейскими буквами, зачитан по слогам, свидетели удостоверяют свои подписи, муж в присутствии миньяна – десяти взрослых мужчин – вручает жене разводное свидетельство, разъясняя еще и устно, во всех подробностях, что отныне отлучена она от него, разомкнулось связывающее их кольцо, разбиты супружеские узы, исторгнута она, отделена. Она еще некоторое время стоит, покачиваясь, не в силах сдвинуться с места, но наконец выходит.

Моя мама, если это случилось в поздний вечерний час, переставляла на подоконник керосиновую лампу, но полоска света, падавшая из окна, оставалась пуста. Женщина погружалась во тьму и оказывалась проглоченной ею.

А потом следовало продолжение.

Соседки – из чувства милосердия или оттого, что беспокойно им делалось вдруг за собственный дом, – решали хоть чем-то помочь разводке. Покупали ей какую-то галантерею или снедь, чтобы перепродавала после на рынке, – но той уже не было воскресения.

Опускались у нее руки, и не могла она более поддерживать дом, из-под которого вынули главную опору. Заброшенность и запустение устанавливались во всем: возле обеденного стола по субботам и праздникам, возле постели больного ребенка и даже на завалинке, где, бывало, коротали прохладные летние вечера.

Неспокойны были и ее сны: вспыхивали в них вдруг искры того прежнего света, и прошлое вламывалось, не спросясь.

Его ласковый взгляд сквозь оконное стекло – в тот час, когда она возвращается с рынка... Вместе купают они ребенка, теплый пар подымается от корыта с водой, ее плечо касается его плеча... Тревога в его голосе при звуке ее вздоха или болезненного стона...

С обрывками этих видений в душе стоит она поутру возле своей корзины и торгуется с покупателями, а взгляд ускользает вдаль и цепляется за каждую прядь дыма, подымающегося из трубы его дома, следит за движением смутной тени, в которой чудится ей его образ...

А вот где-нибудь в переулке по соседству случается ей увидеть его, склонившегося с приветливостью и лаской над их детьми, и снова объединяются они на краткий миг в общей любви.

«Ведь не всё оборвалось, – думает она взволнованно, – так почему?.. Почему случилось всё это?»

Наконец в один из дней в гуще прохожих возникает перед ней мальчик – копия он, и в точности как ее сын, шагающий подле нее, – и этому, другому, говорится:

– Погляди, это твой брат. Подойди, поцелуй его!

И плывет, покачнувшись, земля под ней...

Был еще один тип обреченных: женщины, которые прожили с мужем десять лет, но не родили детей^[2]. У таких раны не заживают с годами.

Из них памятна мне торговка Зелта, что жила в яру, женщина отважная, всегда добродушная и веселая. Вышла она в свое время за соседа, звали его Исер-Бер. За неимением другой работы он занимался переплетом книг.

Люди рассказывали, что долгие годы сохла она по нему, и вот исполнилось наконец заветное желание, и с этой минуты вселился в нее тот дух, что позволил праотцу нашему Яакову отвалить тяжелейший камень с устья колодца^[3].

С какой легкостью несла она две корзины, до краев полные кочанами капусты и прочими овощами и фруктами! У реки стирала – меж куплей и продажей – чужое белье, а по ночам месила у пекаря

тесто для ржаного хлеба и получала за это, помимо нескольких медных грошей, еще и небольшую буханочку хлеба, что выпекала для себя из ошметков теста, и съедала ее после вместе со своим Исером-Бером (летом – во дворе под грушей). Отрезала ломоть за ломтем и пододвигала ему его часть, и аромат любви возносился к небу вместе с запахом кушанья, что ставила она на ночь в печь...

Жители местечка, проходя мимо, замедляли шаг и обращали к ним просветленные лица и взгляды, подобные тем, что притягивает к себе цветущее дерево или росистый сад, залитый лучами утреннего солнца.

Незаметно пробежали годы, а женщина, так и оставшаяся бездетной, не догадывалась, что отмерены сроки и близится уже конец. Утомилось ее тело, да и годами была она старше своего супруга, и вот увидели его родичи, что древо их жизни – одна из ветвей его – того гляди засохнет.

Когда настал десятый год, явились родственники из Каменки и увезли его к себе. А она, в простоте душевной, еще и порадовалась этому:

– Пусть подышит немного свежим воздухом!

И посылала ему к каждой субботе свежие плетеные халы, а сверх того, для аппетита, как он любил, пряную селедку, которой там, в деревне, верно уж не достанешь.

В тот день, когда он должен был вернуться, посчастливилось ей купить на рынке немного вишен из графского сада, и, когда несла их домой, радостным блеском сияли ее глаза, подобные спелым влажным ягодам.

– Сварю варенье для моего Исера-Бера, – сказала, – он любит вишневое варенье.

И когда, занятая этим делом, стояла раскрасневшаяся возле плиты, вдруг заметила с удивлением, что приближаются к дому два ее деверя из Каменки с лицами застывшими и угрюмыми, словно идут привести приговор в исполнение. А сам Исер-Бер, плетущийся позади них, не смеет поднять глаз. Отводит их в сторону, и моргает, и трепещет, как осенний лист на холодном ветру...

Я видела Зелту в то утро, когда она пришла получить развод.

Писец за казенным столом принялся протирать нож тряпичей, и она дернула шеей, словно вол, которого ведут на бойню и который учуял запах крови.

– Нет! Нет!.. – вскрикнула она.

Моя мама, остановившаяся в дверях своей комнаты, сделала шаг назад и поспешно отвернула лицо.

Уже была присмотрена для него девица, сестры которой славились плодовитостью и имели по множеству сыновей, и очень скоро встал он с ней под свадебный балдахин. Не прошло и года, как та уже сидела на лавочке возле дома с крупным здоровым младенцем на руках. Она была дочерью плотника Йоны из нашего переулка.

Надолго потом запомнилось всем смятение, поднявшееся в субботу в синагоге, когда та пришла в первый раз после родов к молитве. Одетая она была в новое платье собственного покроя, притягивавшее взоры всех женщин, поскольку портниха была известна своей осведомленностью в городских модах. И вдруг из угла, где сидела Зелта, донесся какой-то странный кашель, а за ним рыдания, громкие рыдания – тот тяжкий вой, что рвется из глубины сердца и перед которым бессильны слова утешения. Крик, который пробуждает в сердцах тех, кто его слышит, сомнение: действительно ли всё, происходящее тут, в этом мире, устроено правильно?

После еще пытались подходить к женщине с уговорами. Предложили ей место в центральной части рынка, и пекарь выразил желание взять ее к себе в дом постоянной помощницей, но поскольку она не дала никакого ответа, постепенно ее оставили в покое: так поступают с домом, объятым пламенем, если он не представляет опасности для соседних. Она слабела себе потихоньку и угасала, пока вовсе не истлела.

Случилось это летним днем. Из мастерской плотника доносилось визжание пилы, и стук топора, и обрывки песни, и вот поднялся туда один из жителей местечка, и весь шум вдруг стих. А потом прошла по переулку похоронная процессия. Те печальные похороны одиноких и неприкаянных, на которых не услышишь ни скорбных речей, ни рыданий.

Люди, побросав работу, вышли на порог своих жилищ и стояли безмолвно, некоторые даже двинулись следом и дошли до поворота улицы. А потом воцарилась вокруг тишина, в которой слова, рвущиеся из сердец, подобны вестям в проводах телеграфа, гудящих и изнывающих в неодолимой немоте.

Черту под этой историей подвела одна из соседок, торговка Эстер, которая, обращаясь не то к мастерской плотника, не то к зданию синагоги, спросила: зачем же вы не убили ее сразу? Для чего потребовались еще и эти страдания? Зачем было столь долгое мучительное угасание? И закончила гневно, не пытаясь сдержать текущих из глаз слез:

– Если уж хотите рубить человеку голову, то по крайней мере отсеките сразу, единым махом!..

1910

Ī ādāāā Nāāōēāī ū Ōāī ādāī

¹¹⁾ *Āāī dēī (24:1).*

¹²⁾ *Ūāāāāī ī Ōāēī āāā āāīōēēāōīyū āāāāōī īīōū ā ādāēā īēōāāōīyū āīīōāōī-ī ūī īīī āāī ēāī āēy āīī dāīōīdēāī ēy.*

¹³⁾ *Ādāēōēī (29:1-10).*

МОШЕ

Ēēāī à Àððē

«...Ōī āð Ēīñō ē āā āðāōūy,

ē āy ōī īīēīēāī ēā

À ñīī ū Ēçðāēēy... ñðāēē ī:āī ū

ī īīā:ēīēāī ū ē ñēūū ū...»

(Ōī īēñ 1:6,7)

«...Āīñðāē īīāīē ōāðūīāā Āāīōīī,

ēīōīðūē īāçīāē Ēīñōā».

(Ōī īēñ 1:8)

ŌÀÐÀĪĪ

Новый ли фараон, старый ли – мудрецы спорят. А вот то, что он был неблагодарный, так с этим все согласны.

Йосеф Египет от голодной смерти спас. Все о том помнят, а фараониска «забыл».

Чего стоят его речи на государственном совете:

– Евреи весь Египет заполонили! Если придут враги, они, чего доброго, сбегут из страны, вместе с другими рабами. Эй, первый министр!

– Чего изволите, Ваше Величество?

– Этих ленивцев загрузи тяжелой работой, поставь над ними надсмотрщиков. Пусть строят мне города – хранилища.

– Как же привлечь их к стройке? Они ведь скотоводы да счетоводы.

– Пустяки! Объяви всеобщий субботник под лозунгом «Стройка века!» Я сам приму участие. К концу дня пересчитать кирпичи у каждого и доложить мне.

Верноподданные евреи рады стараться. Где египтянин один кирпич кладет, там еврей – десять. А левиты на субботник не вышли: продолжают изучать святые тексты.

– Первого министра ко мне.

– Я весь внимание, Ваше Величество.

– Как евреи трудились сегодня?

– Превосходно, лучше всех.

– Закрепите за ними сегодняшнее количество кирпичей как ежедневную норму!

Рабский труд спины гнул, но Ашем – против воли фараона – помогал.

В те времена каждая еврейская женщина легко рожала шестерых за раз. Причем все дети были здоровые и жизнеспособные.

– Первый министр, доложи о численности евреев!

– Увеличивается, Ваше Величество.

– Позвать повитух!

Явились.

– Принимая роды, помните: младенцев мужского пола приказываю душиТЬ!

– Слушаем и повинемся.

– Первый министр, проследи.

Через год фараон опять вызывает первого министра:

– Как там евреи?

– Стонут, но численность их растет. Хитрые еврейки не ждут, пока их мужья домой придут и полумертвые на солому рухнут. Они наряжаются, умащиваются и в поле к ним прибегают. К тому же за это время ни одна из них ребенка не выкинула!

– Повитух ко мне!.. Так-то вы мой приказ исполняете?!

– Ваше Величество, не успеваем к ним прийти – они уже родили. Мы им совсем не нужны!

Повитухами были Йохевед и ее дочь Мирьям из колена Леви. Они убоялись Царя Небесного и ослушались фараона. За это Ашем их наградил – династии царей и первосвященников пошли именно от них.

Как-то фараон позвал колдунов и звездочетов:

– Мои верные слуги, увидел я во сне весы. На одной чаше – вся знать Египта, а на другой – один белый барашек, который перевесил...Что это значит?

Первым взял слово Билам:

– В этом году должен родиться мальчик. Он победит тебя и выведет всех евреев из Египта.

– Что же делать? – фараон задумчиво почесал скипетром нос.

– Ваше Величество, – поднялся Итро, – с потомками Якова лучше не связываться! Учитесь на чужих ошибках. Кто бы им ни вредил – все поплатились! Египтяне еще помнят Йосефа. Все ему благодарны за спасение от голодной смерти!

– Молчать! – фараон стал мрачнее тучи. – Выскажешься, когда спросят!

Итро проскользнул в боковую дверь и бежал из страны к ближайшим соседям, в Мидьян.

– Ваше Величество, – снова встрял Бидам, – я предлагаю всякого их младенца бросать в воды Нила. Это не навлечет на Египет беды.

– Почему?

– Ведь Ашем наказывает мера за меру. И Творец обещал не насыпать больше потоп! Наказание водой нам не грозит.

– Прекрасно. Орден «лягушачьей лапки» ему!

По всей стране понеслись глашатаи:

– Указ фараона! Указ фараона! «Повелеваем: новорожденного еврея бросать в Нил!»

דִּי אַאַיַע אִי יוֹא

В стане левитов услышали о новом указе и единогласно решили: развестись со своими женами.

Примеру Амрама – главы колена – последовали все остальные.

Прибежала к отцу Мирьям:

– Отец, ты хуже фараона!

– Почему?

– Он лишает жизни только мальчиков, а ты и девочкам не даешь на свет появиться!

– Ты права. Я всё исправлю.

Снова сыграли свадьбы.

Жена Амрама – Йохевед – родила шестимесячного младенца. Три месяца она его кормила. Потом взяла ларец из папируса, обмазала смолой и отнесла сына на берег Нила. Сгорбленная, побрела домой. А Мирьям спряталась в камышах. Хотелось узнать, что же будет с братом.

נִי אֲנֵי אִי יַע אִי יוֹא

Лунный свет играл на водной глади. Чьи-то босые ноги зашлепали по мокрому песку, вспенили воду и подняли тучи брызг. Это юная дочь фараона купалась со своими служанками.

– Ой, а это что? Ларец! Смотрите, младенец! Какой хорошенький! Я возьму его себе. Назову Моше – «из воды вытасченный». Позовите кормилицу!.. Что же ты не ешь? Это, наверное, еврейский ребенок, ему нужна и кормилица-еврейка.

– Позвольте, Ваше Высочество, – вызвалась Мирьям, – я позову его мать!

– Хорошо, милая, приведи ее.

Йохевед не могла прийти в себя от радости. Ей вернули сына. Он будет жить!

ВО ДВОРЦЕ

Фараону доложили:

– У принцессы есть приемыш.

– Принесите его в тронный зал. Положите перед ним два блюда. На одном пусть лежит моя корона, а на другом – угли. Если схватит уголек – пусть живет. Потянется к короне – уничтожить!

Появились няньки с Моше. Усадили ребенка, принесли корону и угли. Мальчик хотел дотронуться до блестящей на солнце золотой короны, но ангел толкнул его руку к блюду с угольками. Младенец схватил один, сунул в рот и... заплакал. Уголек обжег ему рот. С тех пор он стал косноязычен.

Вырос Моше, вытянулся. Красив, умен, статен. Чем не принц?

Однажды вышел он из дворца. Видит: еврей тащит тяжеленный мешок. Египтянин-надсмотрщик бьет беднягу плетью и кричит:

– Ленивец, ты за сегодня и треть нормы не сдал! Получай!

«Надо избавить несчастного, а то негодяй забьет его до смерти», – подумал Моше. Он произнес четырехбуквенное имя Ашема – и египтянин рухнул мертвым. Моше осторожно огляделся и зарыл труп в песок.

На следующий день под ноги Моше катится клубок из дерущихся тел. Буяны орут друг на друга на святом языке, знакомом Моше с детства.

– Эй, что вы делаете?

– Ты еще нас учить будешь? – начал один.

– Ишь начальник нашелся, – завопил другой, – или убить вздумал?..

«Меня же никто не видел. Как стало известно этим нечестивцам? Наверняка уже донесли фараону».

Так и есть.

Стражник вежливо коснулся плеча Моше:

– Ваше Высочество, следуйте за мной.

Моше привели в судебную палату. За убийство полагалась смертная казнь.

Сверкнул меч. Но шея на мгновение стала мраморной. Меч отлетел далеко в сторону. Моше вскочил – только его и видели.

À Ì ÈÄÜBÍ Á

Долго он скитался. Наконец попал в страну Мидьян. Опустился на траву у колодца и задремал.

Заблеяли овцы. Послышался плеск воды и звонкий девичий смех. Кто-то наполнял поилки для скота. Моше проснулся и с удовольствием стал наблюдать за изящными, гибкими чаровницами. Скоро он понял, что все семеро – сестры. Краше других – черноволосая и грациозная, как лань, Ципора.

Вдруг показались пастухи. Они с бранью налетели на девушек.

Моше поднялся, потянулся, засучил рукава, и... только клочья полетели в разные стороны! Побросали обидчики свои стада и побежали жаловаться хозяевам.

А Моше, как ни в чем ни бывало, принялся помогать поить овец.

– Чьи вы, красавицы? Чей это скот?

– Мы дочери Итро. Пасем овец нашего отца.

– А почему на вас налетели эти грубияны?

– Наш отец был в Мидьяне судьей. Он большой ученый: изучил всех идолов на свете, но пришел к выводу, что они ничего не стоят. Миром управляет Высшая сила. Он отказался от титула судьи, и нашей семье объявили бойкот. Теперь мы сами пасем свой скот, а соседские пастухи считают за честь заирать дочерей «врага народа».

Девушки поспешили домой, а Моше остался у колодца.

– Что-то вы раненько? – удивился Итро. – Разве сегодня соседские пастухи вам не мешали?

– Мы встретили человека, по виду – египтянин. Он защитил нас от соседских пастухов и помог нам, – ответила Ципора. – Просто удивительно: вода сама поднялась и стала переливаться через край, стоило ему наклониться над колодцем.

– Видно, он из потомков Якова, – пробормотал себе в бороду Итро. – Они приносят благословение. Позовите его к нам домой. Может, женится на одной из вас.

Так и вышло. Сыграли свадьбу Моше и Ципоры. Когда родился первенец, Моше назвал его Гершомом – «пришельцем был я там».

ÒÀDÍ ÎÁÍ ÈÈ

Однажды, когда Моше пас овец Итро, одна овечка сбежала. Моше кинулся ее искать и нашел у источника под горой Синай:

– А, вот ты где! Я и не знал, что ты хочешь пить. Наверное, очень устала, пока добралась сюда? Я отнесу тебя назад.

Взвалил ее себе на плечи, и, только собрался в обратный путь, как услышал громкий голос:

– Моше! Моше!

– Вот я! Кто меня зовет?

Голос доносился из куста терновника, который окружало пламя.

– Я Б-г отца твоего, Б-г Авраама, Б-г Ицхака и Б-г Якова. Сними сандалии. Земля, на которой ты стоишь, святая.

Моше уселся на камень, быстро развязал и снял обувь. Встал и закрылся полой плаща, чтоб не смотреть на огонь.

– Услышал Я вопль Моего народа, – начал Ашем, – иди и выведи его из Египта. Час настал!

– Я?! Помилуйте, я в лидеры не гожусь, да и с речью у меня с детства проблемы...

– Мне виднее, кого поставить вождем. Говорить тебе особо не придется. Дам тебе толмача – брата твоего Аарона. Он за тебя будет ораторствовать.

– Евреи мне не поверят, что Ты меня послал! Да и фараон не послушается! Он мне даже аудиенцию не предоставит!..

– Возьми свой посох.

– Ну?

– Брось на землю.

– А-а-а! – Моше со всех ног побежал от гигантского змея.

– Схвати за хвост гада!

Моше остановился и молниеносно схватил змея за хвост – тот снова превратился в посох.

– Положи руку за пазуху!

– ?

– Теперь вынь ее! Видишь, она покрылась белым налетом проказы?.. Положи назад! Гляди, кожа опять чистая... Это покажешь евреям, и они поверят тебе. Ты считаешь их маловеерами? Я буду с тобой, не бойся! Иди же!

– Ашем, смилуйся над рабом Твоим, пошли кого-нибудь другого!

– Моше, не испытывай Моего терпения, подчиняйся приказу! Видишь эту гору? Синай, самая низкая из всех... Тору на ней сможет получить только самый скромный человек на свете. Отправляйся в Египет! Выведи оттуда Мой народ и собери его вокруг этой горы. Ты получишь Тору! Ступай!

В ПУТИ

Вернулся Моше домой. Сказал тестю:

– Я ненадолго уйду: до Египта и обратно.

Взял жену и детей – старшего Гершому и грудничка Элиэзера.

На первом же привале стряслась беда. Увидел Ашем, что не спешит Моше делать младшему сыну «брис», и прислал ему Малах-Амовес – ангела смерти.

Сначала отнялись у Моше ноги, потом стало совсем плохо.

Слохvatилась Ципора:

– Что не так? Ведь по слову Ашема мы в путь отправились?

А! Младший сынок в союз с Ашемом еще не вступил... Так мы ж в дороге! Но мужу совсем худо... Надо действовать!

Схватила Ципора нож, в огне прокалила, чик – Элиэзер зашелся в плаче. Мать намочила в вине тряпочку и провела по губам ребенка. Младенец затих.

Ангел смерти ухмыльнулся, взмахнул крыльями и улетел.

– Ну, как ты, Моше? – спросила Ципора.

– Отпустило.

Наутро семья добралась до пограничных столбов Египта. Старший брат Моше – Аарон – встретил их первым. Поговорили по душам. Аарон спрашивает:

– А зачем ты с собой семью тащишь?

– Как это зачем?

– Разве мало евреев, которых нужно из Египта вызволять, – ты еще добавить хочешь?

– Пожалуй, ты прав. Ципора, я пишу на всякий случай «гет» – разводное письмо! Возвращайся
домой!

Моше помог Ципоре усадить сыновей в седло:

– Береги детей!

Серый ослик скоро превратился в точку. Скупая мужская слеза исчезла в бороде.

יְהִי-אֵל עֲשֵׂה

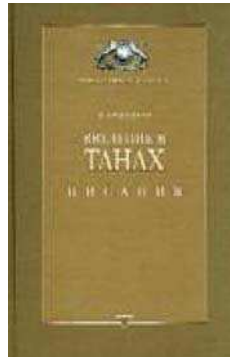
БАРЫШНЯ И ПРОФЕССОР

Ἰ εὐαεὲ Ἀἰδᾶεε

Ἀαὶ ἰδεοῖαεεῖνῆ πᾶεεἰδὸὺ ἁ ἰοῶεἰα δὲἰεῖεῖε? Ἀὺ ἰῖἰ ἰεοῶ, εἰε εὐαεεἰαεεῖνῆ πῶαἰ ὠ πῶαδῆε Δὸὺ ἰῖ ὠαῖεἰε εἰεεἰοῶε, εἰεἰα ἁὺ ἁ-εὸὺαεεῖνῆ ἁ εἰ-αδῆἰ οὸὺἁ πῶδῆε?.. Ἀ ἰεὸ-αεῖνῆ εἰε ἁὺ ἰῖἁ ἡἰ ἰε εὐοῶεε Ἀεεεἰοῶεε Ἀεεεἰ εἰε ἰεε, ἁ ἰοῶεἰα δὲἰεἰε εἰεε, εὐαεεἰοῶὺ ἰεἰοῖῶἁ εὐαεεἰα πῶαἰ εὐὸὺ οἰεεἰ ὠἁ XVIII πῶἰεεοεῖ? Ὑοἰἁ ἰεεῖε εἰεοἰ?

Ὀἰεἰα εἰδᾶεἰοῶεεὶ εὐαεεἰ

Ναῖαῖ ἰ ὠ ἰῖἁἰδῆἰ ἰ εἰεεἰ Ἐ. Ἀεεἰαεεἰ «Ἀεεεἰεἰ ἁ ὠαἰεε. ἰεἰεἰε», αἰἰοῶἰεἰε ἁ 2005 πᾶοἰ ἰῖεἰεἰε εἰεεεἰοῶεἰ «Ἀεεεἰε - ἰ ἰῖοὺ εὐεἰοῶεἰ».

Йозл Вейнберг: «Это случилось <...> весной 1993 года в Вильнюсе, когда после лекции о Танахе в Вильнюсском отделении Свободного еврейского университета я сообщил слушателям о своем предстоящем отъезде в Израиль. Одна из слушательниц поднялась и громко заявила: “Вы нас предаете!” Сначала я был просто ошеломлен и обижен, но потом я понял, что эти слова по сути (но не по чрезмерно эмоциональной форме!) были самой высокой оценкой моих усилий по ознакомлению бывших сограждан с Танахом. Конечно, не стоит делать вывод, что этот “крик души” меня преследовал или что он побудил меня (в качестве самооправдания) написать “Введение”, но каким-то импульсом (точнее раздражителем) те резкие слова всё же послужили».

Романтический купаж весны, прощания и девичьей укоризны. Правда, укоризны «чрезмерно эмоциональной», да чего там – просто скандальной! Сколько лет прошло, а переживание свежо, как новенькое, сохранил его в сердце своем. Мало того что сохранил в сердце своем, так даже в библейских штудиях помянул как нечто для себя важное. Отдадут ли юные девы отчет, какое впечатление производят их речи на убеленных сединами ученых мужей? К каким последствиям приводят? Впрочем, пусть особенно о себе не воображают: свой труд Вейнберг написал бы так или иначе. Но дополнительный стимул («импульс»), как мы видим, прибавился.

После репатриации Вейнберг преподавал в Университете Бен-Гуриона в Негеве, где «испытывались» многие тезисы, впоследствии воплотившиеся в обширное четырехчастное «Введение в Танах»: «Пространство и время в Танахе», «Пятикнижие – через испытание к свершению», «Пророки», «Писания». Последний том – «Писания» – вышел в этом году.

Структура «Введения» Вейнберга воспроизводит структуру еврейской Библии, отраженную уже в самом названии: Танах (ТНХ) – аббревиатура слов Тора (или Пятикнижие), Невим (Пророки), Ктувим (Писания).

Христианский канон не знает Писаний как некоего целостного собрания – структурной части Библии: в отличие от Танаха, он двучастен и состоит из Пятикнижия и всех прочих библейских книг (Пророки идут попеременно с Писаниями). Это несоответствие, естественно, обсуждается Вейнбергом.

Танаху как целому посвящена первая часть его «Введения» («Пространство и время в Танахе»), а также заключительный раздел последней части («Писания»), где речь идет о становлении еврейского библейского канона, о комментаторской традиции и ранних переводах.

Завершение вейнберговского проекта, без сомнения, можно назвать культурным событием. Русскоязычная библеистика, увы, небогата оригинальными сочинениями. Объясняется это просто: отсутствием школы. До 1905 года в России существовала духовная цензура, и свободные библейские исследования были невозможны. С 1917 года появилась цензура с другим вектором, и свободные библейские исследования стали опять невозможны. Соответствующих специалистов, естественно, нигде не готовили, им неоткуда было взяться. Исключения бывали, но именно «отдельные», пересчитать их можно по пальцам.

К таким исключениям относится и Вейнберг – в немалой мере благодаря времени и месту рождения: он родился в 1922-м в Риге, к моменту советской оккупации успел окончить еврейскую гимназию, получив таким образом немислимое в СССР базовое образование и, что не менее важно, личностно сформировался в условиях свободного общества (каким, по сравнению с СССР, была даже ульманисовская Латвия). После окончания Рижского университета (пройдя до этого гетто и концлагеря) он занимался научной и преподавательской деятельностью в Латвии, где, несмотря на идеологическое давление, дышать всё-таки было легче.

В советские времена Вейнбергу удалось опубликовать немало исторических и культурологических работ, где библейские тексты рассматриваются в общем контексте истории Ближнего Востока и еще шире – античности. Сравнительно-исторический подход он последовательно использует и во «Введении в Танах». По существу «Введение» аккумулирует прежние работы автора.

Методологически вейнберговское «Введение» – во многих отношениях образцовый научно-педагогический продукт, сочетающий высокие стандарты и максимально возможную для такого рода работ простоту изложения.

Названия библейских книг, содержание, структура, жанр, понятийный аппарат и его словесное оформление, особенности поэтики, время и место создания, исторический контекст, «место в жизни» (термин, означающий социальную и духовную среду, в которой возник текст), библейский текст и ближневосточная словесность, «картина мира», авторство, проблема вхождения в корпус Танаха – вот общая исследовательская матрица Вейнберга, набор направлений анализа каждой книги Писаний, где зачастую постановка вопроса не менее (а порой более) важна, чем ответ на него.

Формирование корпуса Писаний сопровождалось полемикой. В книгах Писаний была определенная проблематичность: мудрецы, выступавшие против включения некоторых из этих книг в канон, видели в них нечто слишком человеческое, не находили надлежащего уровня святости. «Подобные сомнения по поводу святости текста ни разу не прозвучали по отношению к Пятикнижию и Ранним пророкам, лишь изредка возникали они по отношению к некоторым сочинениям или частям сочинений в Поздних пророках, но были почти правилом по отношению ко многим сочинениям в Писаниях. Что так беспокоило древнееврейских мудрецов в большинстве сочинений о Писаниях <...>?»

Смотрите: сначала написал «по отношению ко многим» и тут же усилил – «в большинстве сочинений». Так что же именно беспокоило мудрецов? Вейнберг отвечает на этот вопрос в отношении каждой из «проблематичных» книг. Борьба за Писания была борьбой интерпретаций. Как знать, дошла бы до нас Песнь Песней, если бы не авторитет рабби Акивы (II в. н. э.), сохранившего ее в каноне? Рабби Акива увидел мистический смысл там, где его оппоненты видели лишь свадебные песни, – и Песнь Песней была спасена.

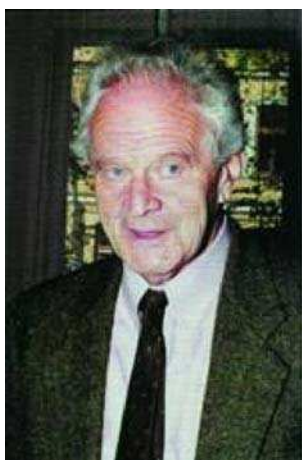
Многофакторный анализ Вейнберга не только расширяет рамки понимания студента (в эту категорию попадает любой непрофессионал, интересующийся Священным Писанием, все мы даже не студенты – ученики), но дает ему общее представление о современной библеистике, ее методах, подходах, проблемах, результатах.

Вейнберг пишет обо многом – но он не пишет о том, что представляет главный (а порой и единственный) интерес для религиозного сознания, рассматривающего библейский текст как Откровение Всевышнего, как адресованное человеку небесное послание, что, собственно говоря, и превращает Писание в Писание Священное. Точнее говоря, он об этом пишет, но это не находится в фокусе его внимания. Что ж, у науки один интерес – у религии другой. Было бы большой ошибкой сделать отсюда вывод, что эти

интересы непременно конфликтны. Текст Танаха неисчерпаем, к нему ведут разные пути, у него есть разные «этажи», разные измерения.

Напомню теперь, какие книги входят в корпус Писаний (перечисляю в порядке расположения в Танахе): Теилим (Псалтирь), Мишлей (Притчи), Иов, Шир а-ширим (Песнь Песней), Рут, Эйха (Плач Иеремии), Коэлес (Екклезиаст), Мегилас Эстер, Даниэль, Эзра, Нехемья, Хроники.

Вейнберг, естественно, не проходит мимо проблемы: что представляет собой корпус Писаний – не слишком связанный друг с другом набор разножанровых текстов (что общего у Песни Песней с Хрониками? как вообще эти книги могли оказаться в одном собрании?) или некую целостность. Вейнберг – сторонник целостности. Он видит в текстах Писаний общую картину мира, не совпадающую с Торой и Пророками. Если в первых частях Танаха преимущественным было отношение «Б-г – человек», то в Писаниях оно, по его мнению, инвертируется: преимущественным становится отношение «человек – Б-г»; акцент с теоцентрической картины мира переносится на антропоцентрическую. Для Писаний характерно интенсивное размышление о месте человека в мире, об отношениях с другими людьми, о человеке в историческом процессе.

Е. Аизиксон

Обращу ваше внимание (как Вейнберг обратил мое) на одно обстоятельство: число книг в Писаниях – двенадцать («выражение и воплощение цельности»), – оно, конечно, не может быть случайным.

Псалмы, Притчи, Иов, Песнь Песней, Коэлес – из самых популярных библейских книг, да что там – из самых популярных книг в мировой литературе: расхватаны на цитаты, написаны горы комментариев!

Кстати об Иове. Говоря о христианской интерпретации книги, Вейнберг ссылается на Иоанна Хризостома (IV в. н. э.). Иоанн Хризостом – в русской культурной традиции всё-таки Иоанн Златоуст – совсем не последнее лицо в православной табели о рангах и в христианско-еврейском сюжете тоже. «Хризостом» – транслитерация. Причина, по всей видимости, в том, что Вейнберг вообще не пользовался соответствующей литературой на русском языке. Интересный культурологический феномен. Редактору следовало бы вмешаться...

Юная вильнюсская леди, бросившая некогда упрек мэтру, была, конечно, неправа: он «нас» не предал. Что и доказал своим «Введением в Танах». Я уже сочиняю за него дарственную надпись пришедшей с повинной головой барышне. Вот она, прилетев из-за моря (из Литвы, Америки, Германии, Австралии), подходит к старому профессору – смущаясь и преодолевая неловкость. Как же, как же, очень хорошо помню!

И всё-таки... она была права! Если ошеломившие Вейнберга слова хоть на волос стимулировали его работу – то, конечно, права! А ведь он сам признал: стимулировали!

МИРЫ, ВОШЕДШИЕ В КНИГУ

Àèí à Ðúáèí à

«...Èõ àèí í àðàî ñ!»

Ì.: Ýèñ ì, 2005 – 256 с

Õíèíáí àÿ àáñ à â Ì õíááí ñá

Ì.: Ýèñ ì, 2005 – 336 с

Помните историю о том, как после смерти родственника наследники обнаружили в его комодке сверток с надписью «обрезки бечевки, которые ни на что не годятся»? Из таких вот «обрезков», по признанию самого автора, и состоит новая книга Дины Рубиной «...Их бин нервосо», вышедшая в издательстве «Эксмо». У каждого уважающего себя писателя однажды обнаруживается невероятное количество подобного «литературного мусора», который и выбросить жалко, и в столе держать надоело. Рубиной удалось прекрасно его пристроить, собрав вместе и немного переработав. В результате получился неплохой сборник очерков – не очерков, зарисовок, – не зарисовок даже, а скорее практически бессюжетных путевых заметок, этакий «дневник натуралиста», где в качестве объекта наблюдения выступает человек.

Лирическая героиня, она же автор сборника, родилась в Ташкенте, долгое время жила в Москве и в конце концов переехала в Израиль – это преамбула. «Амбула» состоит прежде всего в столкновении менталитетов людей, этнически принадлежащих к одному народу, но воспитывавшихся в разных культурах. На страницах книги встречаются вместе евреи, арабы, русские, итальянцы, американцы и многие другие народности, а поскольку автор считает себя «человеком, обремененным некоторым грузом русской культуры» – Рубина репатрировалась в Израиль, когда ей было уже за тридцать, – то судит она обо всех, естественно, со своей колокольни. И достается при этом всем: и русским, и евреям, и арабам, и американцам, причем в выражениях автор не стесняется.

В книге, к счастью, не нашлось места несколько приевшейся ностальгической грусти по утраченной российской родине. Зато она полна искрометного юмора и едва заметной иронии – идет ли речь

о том, насколько гладко ложатся некоторые слова иврита на русское ухо, или о воспитании израильских детей, о депутатах кнессета или дворниках-бедуинах, о солдатах или иерусалимских таксистах. Впрочем, солдаты – особая статья для Рубиной. Это ее «личный сантимент», как она выражается. На самом же деле – они для нее просто мальчишки и девчонки, такие же дети, как ее собственные. Просто в военной форме и с автоматом в руках. Внимательный читатель обязательно заметит, с какой тревогой и нежностью автор наблюдает за ними.

Бесконечные анекдотические ситуации, в которые попадает писательница, выглядят вполне естественными, ненадуманскими, а жизнь ее, кажется, хорошо вписывается в жанр ее прозы. Она непринужденно и с юмором рассказывает о трудностях, ожидающих в Израиле новичка-репатрианта, о жизни страны и о людях, которые, каждый в силу своих причин, живут там – в непростом, но интересном мире, который, согласно Малларме, достоин того, чтобы войти в книгу.

«Холодная весна в Провансе» – еще один сборник рассказов Дины Рубиной того же издательства, и снова выполненный в жанре путевых заметок. Только на сей раз от него остается совсем иное впечатление, – похожее на то, которое производят некоторые произведения Франсуазы Саган. Может быть, этому в немалой степени способствуют картины Бориса Карафелова, которыми проиллюстрирована книга и которые стоят того, чтобы посвятить им отдельную рецензию.

Каждый раз, возвращаясь из путешествия, мы везем с собой ворох воспоминаний о настроении, красках, звуках, человеческих лицах и голосах, уличных сценках, которые потом заботливо рассортировываем, подобно фотоснимкам: здесь – Рим, здесь – Париж, Неаполь – сюда... Но писатели устроены несколько по-иному: они умеют замечать мельчайшие детали, которые услужливая профессиональная память подсовывает им всякий раз, когда это необходимо.

Несмотря на то что истории Рубиной, словно полотна Сёра, состоят из отдельных цветковых пятен, стоит отойти на пару шагов – и перед тобой возникают заброшенная синагога в Дельфте или уютная трактир в Равелло, трансвестит из маленького немецкого городка или французский рабочий, появший пивом свою собаку. Герои книги похожи на полужнакомые-полузабытые лица на старых выцветших фотографиях: они – не совсем люди, скорее – воспоминания о них.

На страницах заглавного рассказа читателя ожидает встреча с призраками великих художников и впечатления автора от поездки по Провансу, но впечатления эти связаны скорее с историей, чем с географией. Узкие улочки Антиба предстают перед нами почти вживую, словно это мы бродим по ним, проходя мимо дома, где жил и писал Ван Гог, словно это мы сидим в кафе с видом на поля, где он пустил себе в грудь пулю...

Интересно, что проза Дины Рубиной, такая лиричная и такая пронзительная, никоим образом не подходит под определение «женская литература». Нет в ней ни восторженности, которая присуща этому жанру, ни ограниченного полами взгляда на мир. Ее проза бесполо и внациональна. Она строится на переживаниях и ощущениях, которые могут принадлежать любому чувствующему человеку независимо от его пола, возраста или вероисповедания. Не нужно искать здесь какой-то подтекст: книга Рубиной – просто вдумчивый взгляд на мир, который нас окружает.

Анна Ивнича

ВОЙНА И МИР АМНОНА ЙОНЫ

Ài ííí Éííà

Í á îñò ààéüü ñéáíá: Áîñîî èíáíéü áîò áðáí à èçðàèéüñéè ïí áóñéóáéá

Ì .: Óáéñò, 2005 – 253 с

«Скучно, государи мои, скучно, – говаривал Людовик XIII. – Давайте скучать вместе».

Русское издание мемуаров генерала Амнона Йоны обязательно найдет своего читателя. Это следует уже хотя бы из того, что книга выходит в четырнадцатый раз, – правда, до сегодняшнего дня – только на иврите. Лично на меня она впечатления не произвела, несмотря на теплые слова Ицхака Рабина и Шимона Переса в предисловиях к предыдущим изданиям. Книга читается так же легко, как докторская диссертация по квантовой оптике, и уже на двадцатой странице ловишь себя на том, что окончательно запугался в именах и географических названиях, рассыпанных по тексту, словно зерно по дну птичьей клетки.

«Не оставляя следов» – воспоминания профессионального военного, боевика, прошедшего огонь, воду и медные трубы. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако на любую тему можно говорить по-разному – был у меня один знакомый, который тоже не понаслышке знал работу схожих структур. У него имелся целый арсенал историй: если их напечатать, они потянули бы не на один увесистый том. Только рассказывал он их так, что не слушать было невозможно. А здесь получилось нечто среднее между папкой с отчетами о выполненных заданиях и советским газетным репортажем в духе 70-х годов прошлого века. Да и угол зрения на историю, предлагаемый читателю, не всегда вызывает понимание.

В аннотации к изданию редакторы не поскупились на красивые слова о «секретных миссиях», забыли только написать о том, что война красивой не бывает, война – это всегда грязь, кровь и смерть. Автор в этом отношении гораздо более честен, но и он сбивается иногда на жанр героического эпоса, рассказывая о своих боевых товарищах и командирах.

Справедливости ради стоит заметить, что труд генерала Йоны представляет собой безусловную историческую ценность. Двести пятьдесят страниц текста, на которых автор тренируется, борется, стреляет и взрывает, – это рассказ об истории становления государства и о событиях, сведения о которых историки до сих пор собирают по крупицам. Усидчивый читатель, интересующийся документалистикой, обязательно найдет в этих мемуарах множество сведений о тайных и явных механизмах событий тех лет, о которых автор знает отнюдь не из книг по истории.

Ááñééé Í áéñéí íá

«...И ОДИНОЧЕСТВО – НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ»

Àðèãðèé Èàì îàè:

Ï ðíääääö ñí îá

Ï.: ÀÀÀÒÇíàí èà, 2005 – 354 с.

Было время, я долго не мог до конца понять смысл этой фразы. Кажется, теперь понял, но для этого потребовалось окунуться в то настроение, которое царит в повестях и рассказах, собранных в «Продавце снов» Григория Кановича. Настроение, в буквальном смысле, на грани жизни и смерти.

Книга читается на одном дыхании, и дело тут не в увлекательном сюжете, которого в ней нет. Дело в людях – живых, почти рембрандтовских фигурах героев, выписанных с величайшей тщательностью, в то время как фон размыт и оставлен на откуп тому, кто может и хочет дописать его самостоятельно, в своем воображении.

Есть в нашем мире одна вещь, понять которую почти невозможно, пока не столкнешься с ней лицом к лицу – старость. Говорят, старики живы, пока остается что-то, ради чего они живут. Однако повести, собранные в этой книге, демонстрируют обратное: страх и одиночество – вот те движущие силы, которые заставляют нас жить. Страх и одиночество подталкивают нас к попыткам от них избавиться и открывают новые источники энергии в дряхлеющем теле.

Персонажи Кановича – старые люди, до краев наполненные страхом и одиночеством. Они переезжают с места на место, пытаясь найти «своих» на другом конце земли, в другом измерении... Но лишь обнаруживают, что везде они чужие. Всё, что осталось у этих людей, – ворох старых воспоминаний о не всегда беззаботном прошлом, которое тем не менее для них гораздо ближе и роднее, чем одинокое и безрадостное «сегодня». Для того чтобы понять это, Вера Ильинична из одноименной повести едет с детьми из Литвы в Израиль. А Жак Меламед, герой другой повести, возвращается из Израиля на свою малую родину, в Литву – «на свидание с самим собой».

Годы и годы движутся эти люди по своим орбитам, тщетно пытаясь что-либо изменить. А потом в мире что-то происходит – сдвигаются стрелки невидимых часов, – и сто лет одиночества заканчиваются. А на смену им, совершенно по-маркесовски ожидаемо, приходит смерть.

Произведения, собранные в «Продавце снов», производят сильное впечатление. Правда, есть одна деталь, которая это впечатление портит: совершенно невнятная вступительная статья Юрия Каминского на шесть страниц. Тяжело, когда до смысла приходится докапываться, буквально продираясь сквозь сложность словоформ и грамматических конструкций. Тем более когда особой необходимости что-то объяснять нет. А творчество Кановича как раз отличается тем, что не нуждается в объяснении.

Ààñèéé Ï àéñèì îá

СТАРАЯ, СТАРАЯ СКАЗКА

Àæîÿüü Ááí-Èççè

Òàðí-íáíðááí áò è ñéðáò ñ-àíòüü

Ì.: Áàÿòðè, 2005. – 208 с.

Видимо, есть в Америке такая профессия – рассказывать истории. И, видимо, платят за такую работу не мало. Во всяком случае, Джоэль Бен-Итзи преуспевал, разъезжая по городам и весям и рассказывая свои притчи. Однако пришло время, и рассказчик сам попал в историю – в буквальном смысле, – а началось всё с того, что у него пропал голос... Через год, благодаря сложнейшей операции, голос вернулся, но за это время произошло множество событий, повествованием о которых является эта книга.

Жизнь человеческая – та же история: конец одного эпизода неизменно означает начало следующего, а сам человек выступает в качестве главного героя, зрителя и даже рассказчика. Автору «Царя-оборванца» удастся замечательно сочетать все три роли благодаря хорошему чувству юмора и здоровой самоиронии, которая удачно спаяна в тексте с некоторой долей жалости к себе, любимому.

Здесь есть над чем подумать: герои Бен-Итзи постоянно говорят загадками и иносказаниями, которые не всегда с первого раза расшифруешь. Аллюзии отсылают нас то к Торе, то к Корану, а то, чего доброго, заставляют вспоминать ирландские народные сказания. Бывает, остро ощущается некоторая нехватка базы для подобных умственных упражнений.

Гроза и ужас любой иноязычной литературы – перевод. Хороший перевод может «вытянуть» даже самое слабое произведение эпистолярного жанра, тогда как плохой – уничтожить самое прекрасное. Эта гроза не обошла стороной и «Царя-оборванца», – правда, лишь слегка затронув. В целом перевод неплох, но, наталкиваясь на фразы вроде «шагая по жизни и сталкиваясь с новыми потерями, нам вспоминаются и все те, которые случились у нас раньше», застываешь в недоумении – на ум приходит знаменитое чеховское «подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа». Если бы не подобные мелочи – с которыми, за неимением альтернативы, приходится мириться, – клеймо «выбор редакции “Книжное обозрение”» на обложке смотрелся бы куда более значительно.

Кстати, по поводу обложки... Отдельно можно говорить об иллюстрациях, выполненных Резо Габриадзе: они не только хороши сами по себе – художнику замечательно удалось уловить дух рассказа, что нашло отображение в рисунках.

По большому счету, в истории, рассказанной Джоэлем Бен-Итзи, нет ничего нового, он лишь обыгрывает вечные темы на примерах из собственной жизни, но делает это мастерски. Тут всё как в музыке: нот всего семь, но есть гениальные композиторы, владеющие великой тайной их сочетания. Каждая глава в книге предваряется притчей, как это было принято в европейской средневековой литературе. А прологом и эпилогом служит история о царе Шломо – старая, старая сказка, давно ставшая универсальной иллюстрацией к любой книге жизни. *Ááíèèèè Ì áèíèí íá*

Режиссер, он же сценарист, Шеми Зархин продемонстрировал высший пилотаж: без ложного пафоса и экзальтации, с мягким юмором говорить о серьезном.

Наиболее же значительным фильмом мне представляется показанная в середине фестивальной программы «Сирийская невеста» – один день из жизни друзской семьи в приграничном селении рядом с Кунейтрой. Жених героини, популярный телевизионный актер, находится на сирийской территории, невеста Мона – на израильской. Помимо линии размежевания и нейтральной полосы, еще множество политических, этнических, религиозных барьеров разделяет израильтян, сирийцев, европейцев из миротворческого контингента и самих друзов, разъехавшихся по разным странам, но пытающихся сохранить свою идентичность и встретиться на свадьбе, которой вряд ли суждено состояться. Пересечь границу невозможно, каждый из чиновников отстаивает свою правду, этот клубок противоречий распутать можно только чудом. Таким чудом, по мысли режиссера и сценариста Эрана Риклиса (начинал он, кстати, в рекламе, является автором пяти полнометражных картин), может стать нормальное человеческое сочувствие, оказавшееся выше навязанных политических, сословных и иных стереотипов. Картина удостоена нескольких международных призов и подлинного триумфа на Международном кинофестивале в Монреале в 2004 году: Гран-при, приз зрительских симпатий, приз ФИПРЕССИ и приз Экуменического жюри.

Судя по всему нами увиденному, выбор привезенных фильмов не случаен, он отражает современное состояние израильского кино.

Во-первых, мы увидели кинематограф, занятый прежде всего делами своей страны, – внятно, без умолчаний говорящий о собственных национальных проблемах.

Во-вторых, израильские режиссеры не озабочены мнением, которое можно составить о евреях, посмотрев их фильмы; такого голусного комплекса у них нет. Этим они отличаются от режиссеров, снимающих на еврейские темы в диаспоре.

В-третьих, несмотря на американскую или европейскую выучку, хорошее знакомство с современным кинопроцессом, это, несомненно, восточный, левантский кинематограф. Почему? Да по всему, прежде всего по темпераменту и колориту.

В-четвертых, очевиден интерес к частному – к себе и к своему, – смелость в трактовке глубоко личных тем, но при этом некоторая замкнутость, даже заикленность на внутренних вопросах, что может сдерживать популярность такого кино за пределами Израиля.

Наконец, в-последних, нет ощущения, что ленты «техничны», как средняя голливудская продукция, что они с одного конвейера, а их создатели пользуются давно наработанными приемами. Несмотря на общие видовые признаки, фильмы разные.

Это молодой кинематограф, он развивается и ему есть куда расти.

В прежние времена блюдо было субботним. На стол, за которым собралась семья, оно доставлялось прямо из печи, в чугушке, а затем раскладывалось по тарелкам. Этот стиль подачи кисло-сладкого мяса шеф-повар ресторана «Йона» сохраняет.

Пока блюдо готовится, мы беседуем с Петром Слабодником об этапах его кулинарной карьеры.

– Я родился в Белоруссии в 1965 году в городке Калинковичи Гомельской области. Моя мама была шеф-поваром одновременно двух ресторанов, в Калинковичах и в Мозыре. В те годы в наших местах жило много евреев, сохранялся идиш. Мама часто получала заказы на устройство свадеб, бар-мицв, других праздников. Она заметила мой рано проявившийся интерес к кулинарии, от нее я узнал много тонкостей народной кухни, и если чего-то достиг в профессии, то это прежде всего ее заслуга.

– Где еще вы обучались кулинарному искусству?

– Окончив школу, я поехал в Ленинград и поступил в техникум при интуристовской гостинице «Ольгино» на Финляндском вокзале: там готовили технологов и шеф-поваров. Окончив его, я сразу пошел в армию, где служил в пехоте и кулинарией не занимался. Отслужив и вернувшись домой, я получил работу завпроизводством в рабочей столовой. Конечно, меня это не удовлетворяло: маленькие объемы, ограниченный набор блюд, неинтересно... Я сделал решительный шаг – уехал в Ханты-Мансийский округ, где начал работать в ресторане города Советск. Увидев, что заработок мой минимален, я, чтобы заработать на квартиру, временно ушел на валку леса, а затем вернулся к своей специальности. В Сибири я проработал более трех лет. В конце этого непростого периода мне повезло, я получил направление в Мюнхен, в гостиницу «Голд», где работал уже суб-шефом. Мы обслуживали четыре ресторана и гостиничный комплекс в полторы тысячи посадочных мест. Три с половиной года я работал в Германии, это была хорошая школа европейской кухни. В 1993 году я переехал в Израиль, так как жена с детьми уже были там.

– В какой город вы приехали?

– Я приехал в Акко и начал работать в гостинице. Там проживало много румынских евреев. Мне очень пригодилось знание идиша. А сегодня я могу разговаривать и на иврите. Из Акко я перебрался в Тель-Авив, где работал в отелях компании «Шератон». После нескольких лет работы получил повышение, стал шеф-поваром в комплексе, предназначенном для свадебных банкетов на полторы тысячи посадочных мест. Через два с половиной года вернулся в гостиничную сеть «Шератон» и для повышения квалификации работал суб-шефом в отелях Иерусалима, на Мертвом море, в Эйлате, занимался горячей, холодной кухней, сервировкой фруктов с применением льда и цветов, карвингом (украшением блюд и столов).

– Каким образом из компании «Шератон» вы попали в религиозный кибуц?

– Из кибуца «Хафец Хаим» мне пришло предложение создать гостевой пансионат, предназначенный для отдыха в уик-энд и на праздники. В Израиле ведь принято выходные проводить в пансионатах на природе, и многие кибуцы предоставляют эту услугу. Из отеля «Шератон-Мория», где работают на высоком уровне, непросто было уйти в кибуц, но я решился. Да и условия – заработок, социальный пакет – они предложили приличные. При мне был построен дворец для бракосочетаний с банкетным залом на 1200 посадочных мест, я сам выбирал оборудование, занимался планировкой и дизайном помещений, обучением ресторанного персонала. Ввел новые для кибуца кухни: китайскую, итальянскую, французскую. Каждый год кибуц направлял меня вместе с семьей в Европу – не только на отдых, но и за ноу-хау в кулинарном сервисе. В «Хафец Хаим» я проработал восемь с половиной лет. Сегодня этот пансионат – четырехзвездочная гостиница.

– Как же вы оказались в Москве?

– Три с половиной года назад во время Хануки в кибуце отдыхал раввин Берл Лазар с семьей. Он увидел необычное оформление зала, услышал живую музыку, оценил мою кухню и пригласил посмотреть ресторан при МЕОЦе. Я съездил, посмотрел... и от предложения отказался. Тогда у меня и в мыслях такого не было: работать шеф-поваром в Москве. Где Россия и где Израиль?.. Но полгода назад раввин повторил свое приглашение. И я подумал: третьего приглашения может и не быть, а в кибуце я уже сделал всё, что мог. И вот уже пять месяцев, как я здесь. Ресторан расширяется, мы движемся хорошими темпами. Возможность приема клиентов увеличилась вдвое. Рядом с банкетным залом недавно открылся обновленный зал для обслуживания небольших групп. В планах обновление интерьеров и замена всего оборудования на более современное.

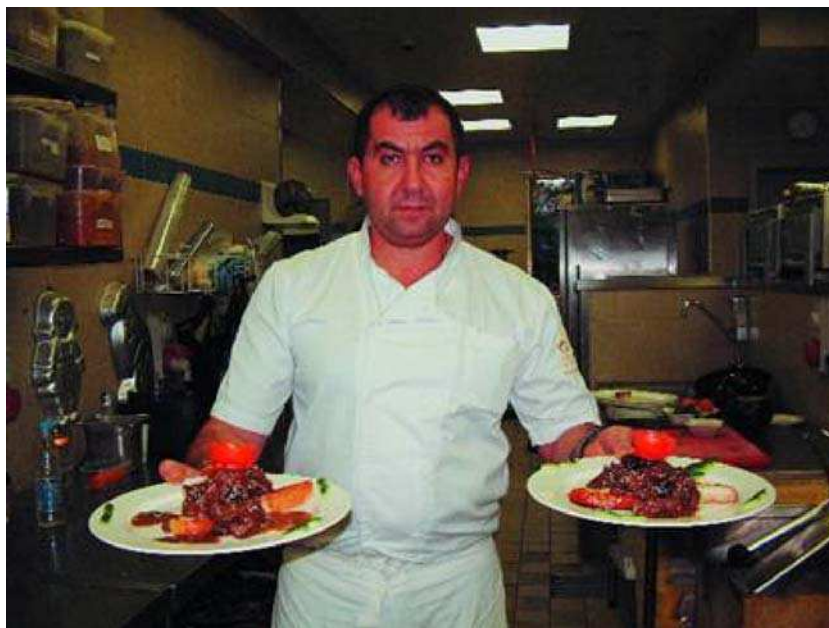
Петр подходит к чугунку, снимает пробу и сообщает, что кисло-сладкое готово. На дно тарелок он кладет звездочкой три длинные гренки, на них, не перемешивая, выкладывает мясо с черносливом и поливает соусом из чугунка. Края тарелки украшает затейливо нарезанными ломтиками огурца. Срезает кожуру помидора, делает из нее «розу» и помещает в центр «композиции».

– Приятного аппетита!

Фотограф Яна наводит объектив.

– Должен предупредить, я не фотогеничен, – сообщает Петр.

– Сейчас мы это проверим.

Наконец беремся за вилки. Мне вспоминаются строки Мандельштама: «Чтоб вертелась каруселью / Кисло-сладкая земля...» Ни с чем другим эсик-флейш не перепутаешь: привкус корицы и чернослива, запах гвоздики, но при этом мясо, к тому же кисло-сладкое... Да, действительно, блюдо для субботы!

ВРЕМЯ ДЗЮДО

Марк Либовин

Израильские бойцы добились огромного успеха на командном чемпионате Европы по дзюдо.

В последнее время дзюдо стало занимать в Израиле одно из первых мест и по популярности, и по уровню спортивных достижений. Напомним: футбол и баскетбол всегда были в Израиле на первых местах. Представители других видов спорта постоянно жаловались, что все средства из госбюджета и частных капиталов уходят на эти игровые виды, на остальные же не остается ничего или явные крохи.

Доля истины во всем этом была. Где-то возле футбола и баскетбола прижился парусный спорт, который смог, благодаря бесплатному морю и разовым вложениям, оставаться на определенном международном уровне. И вот теперь дзюдо. Как это произошло?

Прежде всего этот вид спорта «попал в точку»: он соответствует темпераменту и духу еврейских юношей и девушек. Относительно небольшие затраты, непритязательность, отсутствие дорогостоящего оборудования, приезд большого числа хороших специалистов из разных стран (Франция, Россия) позволил за относительно небольшой срок создать развитую структуру дзюдо, которая охватила огромное количество детей из различных слоев общества. С четырех- и пятилетнего возраста израильские мальчики и девочки ходят на занятия дзюдо два-три раза в неделю. По мнению родителей, этот спорт развивает детей физически, готовит их к жизненным ситуациям, в которых дзюдо может не только помочь, но даже спасти.

Естественно, появляются перспективные борцы, которые при последовательной и серьезной подготовке могут добиться успеха на мировых и европейских первенствах и даже олимпиадах.

Первой была Яэль Арад (1992), которая завоевала серебряную медаль на Олимпиаде в Барселоне. Затем Шауль Смаджа выиграл бронзу в Атланте (1996). Параллельно хороших результатов на международной арене добивались юношеские и женские команды страны.

Новый репатриант из России Йозель Развозов (73 кг) выиграл чемпионат Европы.

Борец тяжелой весовой категории Арик Зееви (91 кг) стал чемпионом Европы, а затем выиграл бронзовую медаль на Олимпиаде в Афинах. Его тренер – репатриант из России Алекс Ашкенази.

Шестнадцатилетний дзюдоист-тяжеловес Давид Мамиствелов, новый репатриант из Грузии, безоговорочно выиграл все мировые турниры для спортсменов своего возраста и является большой еврейской надеждой на успех на Олимпиаде в Пекине в 2008 году.

Две семнадцатилетние девушки Алис Шлезингер и Таня Симантова стали чемпионками юношеского чемпионата Европы. Таня приехала из Узбекистана в шестилетнем возрасте.

Иерусалимский тяжеловес девятнадцатилетний Алон Сасон, который многие годы был противником Зееви в тренировочных спаррингах, также выиграл несколько важных международных турниров.

Наконец, «супертяж» Адриан Кардон стал третьим на чемпионате Европы – очень большое достижение для двадцатилетнего бойца.

Бүеи Адаа

На командный чемпионат Европы, который состоялся в Будапеште, израильская команда приехала без своего лидера Арика Зеви, который получил тяжелейшую травму плеча. Израильцы считались заведомыми аутсайдерами, так как и Франция, и Венгрия, и Россия выставили сильнейшие составы и выглядели мощно и несокрушимо.

Израильцы смогли победить в полуфинальной схватке сборную Франции со счетом 4:3. В команде участвуют семь спортсменов.

В финальном матче израильская команда встретилась с венграми, победившими сборную России. Благодаря героическим и бесстрашным усилиям ребят они смогли вырвать победу со счетом 4:3 и стать чемпионами континента: достижение беспрецедентное. Капитан сборной Йозель Развозов по возвращении сказал:

– Мы стояли на пьедестале почета, пели «Аतिकву» и были самыми счастливыми людьми в Будапеште и не только...

По возвращении героев татами принимали президент страны, премьер-министр и другие официальные лица.

Аде Сизае

Все обещали помочь Федерации дзюдо, находящейся в сложной финансовой ситуации. Пока что ситуация с деньгами не улучшилась, но ребята по-прежнему тренируются самозабвенно и с полной самоотдачей. Победы и международная известность не изменили их.

Как говорят специалисты, такого количества талантливых спортсменов, как сегодня в Израиле, в мировом дзюдо не наблюдалось уже много лет.

Только бы никто не сглазил этих молодых людей и девушек. Всё остальное в их силах.

ЯНВАРСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 ЯНВАРЯ

85 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ химика, члена Национальной АН США, Парижской АН, профессора Колумбийского университета, автора работ в области синтетической органической химии, обладателя Национальной научной медали США Гилберта Сторка (Stork; р. 1921, Брюссель).

2 ЯНВАРЯ

50 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ исполнительницы собственных песен Вероники Аркадьевны Долиной (р. 1956, Москва).

3 ЯНВАРЯ

95 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ языковеда, члена Болгарской АН и Македонской академии наук и искусств, профессора Московского университета, автора работ в области сравнительной грамматики славянских языков, балканистики, истории славянской филологии, руководившего составлением Атласов говоров болгарского языка на территории СССР и Общекарпатского диалектологического атласа, Самуила Борисовича Бернштейна (1911, Баргузин Забайкальской обл. – 1997, Москва).

5 ЯНВАРЯ

75 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ режиссера, народного артиста Латвийской ССР, главного режиссера Рижского театра русской драмы Аркадия Фридриховича Каца (р. 1931, Николаев).

7 ЯНВАРЯ

100 лет со дня рождения физика, члена Лондонского королевского общества, автора работ в области физики низких температур **Курта Альфреда Георга Мендельсона** (Mendelssohn; 1906, Берлин – 1980).

12 ЯНВАРЯ

110 *éàò ì ãÿ ðæääéÿ* психолога, психодиагноста и психиатра, профессора Медицинского колледжа Нью-Йорк-Сити, создателя тестов интеллекта для взрослых и детей **Давида Вехслера** (Wechsler; 1896, Леспеди, Румыния – 1981, Нью-Йорк).

13 ЯНВАРЯ

75 *éàò ì ãÿ ðæääéÿ* математика, члена Национальной АН США, профессора Чикагского и Принстонского университетов, автора работ в области гармонического анализа, обладателя Национальной научной медали США **Элиаса Стайна** (Stein; р. 1931, Бельгия).

20 ЯНВАРЯ

75 *éàò ì ãÿ ðæääéÿ* физика, члена Национальной АН США и РАН, профессора Корнеллского университета, открывшего и исследовавшего (совм. с Д. Ошероффом и Р. Ричардсоном) явление сверхтекучести изотопа гелия, лауреата (совм. с Д. Ошероффом и Р. Ричардсоном) Нобелевской премии по физике 1996 года **Дэвида Ли** (Lee; р. 1931, Рай, США).

70 *éàò ì ãÿ ðæääéÿ* математика, члена Национальной АН США, профессора Гарвардского университета, автора работ в области дифференциальной геометрии, раввина **Шломо Штернберга** (Sternberg; р. 1936, Нью-Йорк).

22 ЯНВАРЯ

70 ёаò ìì äíÿ ðæäáíéÿ химика, члена Национальной АН США, Корейской АН, президента Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, профессора Пенсильванского и Женевского университетов, открывшего (совм. с А. Мак-Диармидом и Х. Ширакавой) полимеры-проводники, лауреата (совм. с А. Мак-Диармидом и Х. Ширакавой) Нобелевской премии по химии 2000 года **Алана Хигера** (Heeger; р. 1936, Су-Сити, США).

24 ЯНВАРЯ

70 ёаò ìì äíÿ ðæäáíéÿ оператора, народного артиста РФ, снявшего фильмы «Подранки», «Сталкер», «Из жизни отдыхающих», «Женщина и море» и др., **Александра Леонидовича Княжинского** (1936–1996, Москва).

27 ЯНВАРЯ

150 ёаò ìì äíÿ ðæäáíéÿ математика, профессора Дерптского университета, Политехникума в Карлсруэ, Страсбургского университета, Университета в Бреслау, автора работ в области римановых пространств постоянной кривизны **Фридриха Шура** (Schur; 1856, Познань – 1932, Бреслау).

9.1 125 ПОЭТ ВИОЛОНЧЕЛИ

*Ètneó Ídani aúe íá íðñòí í óçueáíòíí - íí aúe ííyòíí æeíeíí-æe. Æeíeíí-æeíí
íeáçæeáííí í ðeçáíí eáí aúe áá æeçí e. Á íá-æeá í ðíeéíá æeá áá ñeíí úá eííòaðòú ñæðæe ííeí úá
çæú á Ááðí áíeè, Óðáíöeè, Óðáíöeè è Áí áðeá Íáíæéí íðíeéí ñòí eáò, è eíy ýòíá -æéíæeá
íeáçæeíííí í áí ðí-ú çáúúòúí.*

Он родился 9 (21) января 1881 года в Вильно, в семье свадебного музыканта-трубача. Отец его к тому времени полностью утратил работоспособность, и семья жила на заработки старшего сына, десятилетнего Михаила, ставшего впоследствии знаменитым скрипачом.

С раннего детства маленького Иосифа учили игре на виолончели. Правда, занимался он без большого энтузиазма, потому что никак не мог поверить в то, что мальчишка из бедной еврейской семьи может чего-то добиться на этом поприще. Однако успехи старшего брата, который был его кумиром, заставили мальчика серьезно задуматься над своей профессией.

Пройдя хорошую школу в Харьковском музыкальном училище, он в 16 лет поступил в Московскую консерваторию в класс знаменитого Альфреда фон Глена. Молодой человек уже тогда обращал на себя внимание: его аттестовали как «прекрасного виолончелиста с удивительной техникой». В 1902 году Пресс окончил консерваторию с золотой медалью, и его имя было занесено на мраморную доску отличия рядом с именами других лауреатов этого выпуска – певицы Антонины Неждановой и пианиста Леонида Николаева. За годы, проведенные молодым виолончелистом в консерватории, он много выступал с концертами, причем вместе с такими блестящими музыкантами, как Рахманинов, Гольденвейзер и Гнесина. А в январе 1902 года его пригласил участвовать в своем концерте Федор Иванович Шаляпин. Столь же благосклонно относилась к Иосифу и критика – о нем писали только хорошее, а он, кстати, до конца своей недолгой жизни так и не смог к этому привыкнуть.

Поворотным событием в жизни музыканта стал отъезд за границу его брата. По вызову Михаила Иосиф также отправился в Германию, где сразу же успешно прошел конкурс на место второго солиста оркестра Берлинской филармонии.

Впрочем, он недолго там играл: Михаил увлек его идеей создания собственного камерного ансамбля, получившего название «Русское трио». С ним на многие годы оказалась связана артистическая жизнь братьев Пресс. Третьим музыкантом стала известная пианистка Вера Маурина, жена Михаила.

Несмотря на напряженный график турне и гастролей с «Русским трио», Иосиф настойчиво работал над совершенствованием своей техники, занимаясь у профессора Юлиуса Кленгеля в Лейпциге, а затем у Пабло Казальса. Иногда он выступал с сольными концертами.

Выступление в конкурсе выпускников Московской и Петербургской консерваторий, где он разделил второе место с одним из своих коллег, сразу принесло музыканту славу одного из лучших русских виолончелистов, а последовавшие за тем многочисленные концерты упрочили эту репутацию.

Начиная с 1914 года Иосиф Пресс ежегодно и помногу концертирует в России и постепенно становится очень популярным в Москве и Петрограде, где остается жить, став профессором Петроградской консерватории.

В 1920 году Иосиф Пресс отправляется в заграничное турне во Францию, Швейцарию и Голландию. А в конце этого года, вместе с пианистом Леонидом Крейцером и скрипачом Александром Шмулером, организует «Новое русское трио», первые выступления которого в Амстердаме, Роттердаме и Гааге имели оглушительный успех.

Спустя год виолончелист переезжает в Соединенные Штаты, где – он прекрасно понимает – ему мало на что приходится рассчитывать. Однако, несмотря на безвестность и уже расписанные на весь сезон ангажементы, нашелся импресарио, рискнувший вложить в него деньги. Концерт, прошедший 1 декабря 1921 года в Нью-Йорке, стал настоящим триумфом Пресса. Публика безумствовала, а критика вновь расточала музыканту похвалы – и это в стране, где так рьяно ругали Рахманинова и Хейфеца!

Он прожил в Америке всего три года, но получил признание не только как музыкант, но и как педагог, хотя преподавать успел очень недолго. В сентябре 1922 года Иосифа Пресса пригласили на должность профессора консерватории в Рочестере. Одновременно он вошел в состав струнного ансамбля The Kilbourn Quartet, с которым многократно выступал вплоть до 1924 года – года своей смерти.

Он умер 4 октября от острой формы пневмонии. Пресса, в том числе советская, откликнулась на его смерть потоком некрологов: «В лице покойного, – писала ленинградская “Красная газета”, – музыкальный мир потерял большого виртуоза-музыканта и энергичнейшего пропагандиста русской музыки за рубежом...»

Аанѳѳѳѳ І аѳѳѳѳ ѳѳ

ИЗ НАШЕЙ ЯНВАРСКОЙ ПОЧТЫ

בְּזֵמַת עֵס בֶּ-אִי «א»

У каждого свои причуды. За мной тоже числится такой грешок. Иногда не к месту начинаю загадочно улыбаться. Когда впору завить, на моей физиономии появляется глупая улыбка. Не подумайте, что это врожденное. Это, как говорят медики, благоприобретенное. Помог мне приобрести эту блаженную улыбку рыжий мальчишка из нашего 6-го «Б».

Вспоминаю старое обшарпанное здание. Третья Даугавпилсская еврейская основная школа. Совершенно нелепая планировка: на первом этаже актовый зал; на втором – кабинеты, тесные классы; а на третьем – почему-то раздевалка!

В тот день я успел раздеться, спустился этажом ниже и направился в свой класс. Вдруг кто-то положил руку на мое плечо. Оборачиваюсь – Абрашка Кадышевич, высокий рыжий парнишка с чуть плутоватой усмешкой на добродушном розовощеком лице.

– Мишка, посмотри, какая погода! Неужели тебе охота в такой день торчать на уроках?

Я задумался. День был прекрасный. Весна, солнышко, тротуары уже сухие.

– Думай скорее, сейчас Добрин придет. Топай наверх. Пока оденешься, начнется урок, и ты сможешь спуститься вниз. Жду за углом.

И такое невезение! Спускаясь вниз в пальто и с книжками под мышкой, я нос к носу столкнулся с директором.

– А ты что тут делаешь? – строго спросил он.

Я остолбенел. Что ответить?

– Ну, подумай, подумай, – с иронией говорит Добрин и заходит в класс.

Стою как вкопанный. Пойти на урок?.. А как же рыжий, который ждет меня на улице? Надо хотя бы рассказать ему, что случилось.

Кадышевич по моему лицу всё понял.

– Напоролся? На Добрину? Ну и?..

Пожимаю плечами. Мне кажется, что теперь, после того, как меня застучали, не пойти на урок – просто идиотизм. Молчу.

– Пойми: в том-то вся хохма, чтобы удрать именно сейчас! – не унимается Абрашка. – Если никто не застукал, то и дурак убежит с уроков! Ну ладно, ты подумай, а я пошел.

И он действительно направился в сторону железнодорожного переезда.

– Стой! – кричу ему вдогонку. – Эх, была не была!

План дальнейших действий мы обдумываем, сидя на скамейке в сквере Брехаловка. Это неофициальное название, но другого мы не знаем. Абрашка предлагает отправиться за город, в Стропы. Там красивое лесное озеро с песчаным дном, лучшее место для купания.

Но какой сумасшедший купается в начале апреля? В том-то и заключается вся прелесть, считает Кадышевич. Если долго не думать, а сразу бежать в воду и окунуться с головой, можно не простудиться. А как удивятся ребята, когда узнают, что мы уже открыли купальный сезон!

– Тогда вперед! – говорю я не слишком уверенно и хочу подняться со скамейки, но он жестом останавливает меня.

– Всё еще переживаешь?

– Есть малость, – признаюсь я.

– Мишка, – говорит он, – попомни мое слово: пройдет лет десять, ты вспомнишь, как мы с тобой сидели на этой скамейке, и посмеешься над своими сегодняшними страхами. То ли нам с тобой предстоит испытать, когда мы станем взрослыми! Это я тебе говорю, Абрашка Кадышевич!

Это было сказано с такой убежденностью, что нельзя было не поверить.

Отмахав километров пять, мы очутились у озера. На нем еще лежал лед, но между льдом и берегом сверкала полоса воды.

У меня мурашки по спине побежали, когда Абрашка стал раздеваться. Но куда денешься – не мог же я выглядеть трусом.

В ореоле ледяных брызг мы вбежали в воду, окунулись с головой и как ошпаренные выскочили на берег.

Самое удивительное: ни я, ни он даже насморка не подхватили. Дурное настроение как рукой сняло. О завтрашнем дне я теперь думал без тревоги, но всё же думал. Мой товарищ это почувствовал. Он вдруг сказал, что Добрин завтра обо мне даже не вспомнит: у директора таких гавриков, как мы, целых шесть сотен и еще неизвестно, что они там вытворяют, пока мы наслаждаемся природой.

Кадышевич оказался прав. На следующий день меня никто ни о чем не спрашивал.

Прошло лет десять. В чужой землянке мы с товарищем пытались согреться. Ватные штаны промокли насквозь и противно липли к телу. В моих трофейных сапогах хлопала вода. Беляков был зол как черт. Вдруг спрашивает:

– Чего лыбишься?

Оказывается, я блаженно улыбаюсь. Как ему объяснить, что передо мною – голубая даль, и я вижу залитую солнцем Брехаловку... Я делаю умное лицо и изрекаю:

– Понимаешь, Федя, пройдет годик-два, и войны не будет. А мы с тобой, сидя где-нибудь в пивной, будем пить пиво. И нам будет тепло и уютно. И мы посмеемся, вспоминая эту дурацкую землянку и мокрые штаны. Если, конечно, уцелеем. Это я тебе говорю...

Тут я осекся. Хотел произнести свое имя, да вдруг вспомнил, что это слова не мои, а рыжего Абрашки. Беляков не без удивления посмотрел на меня и сказал:

– Может, так и будет через пару лет. А сейчас – знаешь, как жрать охота! И холодрыга такая!

Годы шли. И еще не раз, когда становилось очень туго, я вспоминал Абрашку и ту скамейку в саду с неофициальным названием Брехаловка. Это Абрашка научил меня улыбаться, когда трудно. Это он передал мне свой особый оптимизм. Внушил: как бы ни было плохо, нужно помнить, что могло быть еще хуже.

...Кадышевич с войны не вернулся. И, между прочим, даже этим доказал правильность своей философии. Потому что лучше встретить смерть в бою, чем в крематории Дахау или Освенцима. А был ведь и такой вариант.

י. אֹדְשֵׁבִיץ מֵהַמִּלְחָמָה, הָיָה וְהָיָה אֶתְּנוּנוּ,

דַּעַן

יָאֵל אֱלֹהֵינוּ אֲנִי מְבַרְכֶיךָ

Хочу через ваш журнал выразить благодарность Федерации еврейских общин России.

В моей семье горе. У моего сына большое сердце. Врачи настаивали на проведении операции на сердце. Оплатить ее стоимость мы были не в состоянии. Обратились с просьбой об оказании материальной помощи в ФЕОР. Там нашу просьбу восприняли с сочувствием, и помощь была оказана. Операция проведена.

Огромная благодарность сотрудникам этой организации!

ВОЗРОЖДЕНИЕ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יִשְׁמַח בְּעַמּוּנוֹ וְיִשְׁמַח בְּיִשְׂרָאֵל

С 23 ил 28 Ийады а Ицр-Етдеа йотсаэ й-адвайтэ нуга йи етнотта ааеаатей Оаааа. А ааааоаду аотитэ дае ааат ай нелатта ерааае-нео даеатта йа Етотит Йадеае, 770 а аооооелител даелта Етотит Оаеон йдеел ааа йтнелителта Дааа. А йоттат й о нугаа ауте аееп-ат у нел елату е одаелта й йотелит о едтаа аититта еатрпелотт ааоаеиттде «сеооел», даеаоей аааелитэ аеелте е ттотитатей йаоелителте еоооотт. Ттатта аелителта ауте аааат даеаоеп йоттат й йадаататей аааелителте й йелитте.

Фотографироваться перед зданием штаб-квартиры Хабада – старая традиция участников конференций. И если на фотографиях двадцатилетней давности можно видеть лишь несколько десятков человек, то сегодня полна вся площадь перед синагогой на Истерн Парквей: в этом году там собралось более трех тысяч раввинов из семидесяти стран мира и четыреста представителей светских еврейских организаций, посетивших конференцию в качестве гостей. «Жаль, что сегодня здесь не могут присутствовать люди, рассуждающие об упадке иудаизма», – сказал в своем выступлении профессор Гарвардской высшей юридической школы, один из самых известных в США защитников гражданских свобод и активный участник программ Любавичского движения Алан Дершовиц.

Знаменитый адвокат рассказал о работе, ведущейся им и его сподвижниками в различных университетах страны. Большинство представителей нового поколения страдает от разобщенности и постоянной конфронтации между собой. Когда впервые было предложено открыть отделение Хабада в Гарварде, это казалось чем-то немыслимым: Сибирь – да, Африка – да, но не Гарвард. Однако идея оказалась не только революционной, но и очень результативной.

Почему-то сегодня принято говорить о различиях, а не о сходстве между течениями и отдельными людьми, хотя общего у них в десятки раз больше. Хабад стремится к объединению и опирается не на различия, а на общие ценности – ведь совсем не обязательно, чтобы нацию сплачивала общая внешняя угроза. «В Хабаде я научился делать ударение на том общем, что неизменно приводит к согласию, а не на тех вопросах, в которых мнения могут расходиться. Хабад не принуждает к безоговорочному согласию; Хабад просто открывает себя для всех евреев, безотносительно их религиозных предпочтений и отношения к жизни», – сказал Алан Дершовиц.

Кульминацией мероприятия, тоже по традиции, стал праздничный вечер в честь самих «шлухим», проходивший в одном из банкетных залов отеля «Хилтон». В этом году право произнести речь на банкете от имени всех посланников было предоставлено главному раввину России Берлу Лазару. В 1990 году он был направлен в Москву главой Хабада Менахемом-Мендлом Шнеерсоном для помощи в восстановлении еврейской религиозной жизни в Советском Союзе. Сегодня под его духовным попечительством – возрожденные еврейские общины более чем в трехстах пятидесяти городах России и стран СНГ. Оказанная раввину Лазару честь – еще одно свидетельство того, что лидеры движения с большим уважением относятся к деятельности посланников в России и на всем постсоветском пространстве и высоко оценивают результаты их работы.

Главный раввин России говорил о том, что было сделано «шлухим» за последние несколько десятилетий, о перспективах и о людях, скромно, но самоотверженно работающих на благо общего дела. Аудиторию очень тронула история еврейского юноши Ильи: его родители не хотели отдавать сына в еврейскую школу, однако, благодаря стараниям представителей Хабада, мальчик всё-таки получил подобающее образование. Скоро он женится на девушке, соблюдающей еврейские традиции, и эта семья уже в качестве «шлухим» будет претворять в жизнь учение Ребе. «Россия знала немало революций, но самая мирная, самая тихая и самая эффективная – это революция, которую свершили посланники Хабада. Невзирая на тяжелые условия, на зачастую враждебное отношение окружающих, “шлухим” своей безграничной самоотверженностью и преданностью учению Ребе зажгли искорку еврейской жизни в десятках тысяч сердец», – сказал раввин Лазар.

Он обратил внимание собравшихся на некоторые приоритетные направления деятельности посланников и напомнил аудитории, что Ребе никогда не отступался от начатого, невзирая на трудности.

Главный раввин России рассказал, что в августе 1991 года – он тогда находился с семьей в Нью-Йорке, – когда другие еврейские организации сворачивали свои представительства в нашей стране, он получил от Ребе прямое указание возвращаться в Москву и продолжать дело Хабада. С того времени прошло пятнадцать лет, обстановка в России, да и во всем мире, сильно изменилась, но до сегодняшнего дня есть люди, нуждающиеся в помощи «шлухим»: «До тех пор, пока в мире есть хотя бы один еврейский ребенок, нуждающийся в нашей помощи, мы не можем расслабляться. Мы должны постоянно быть готовыми прийти на помощь человеку в беде».

Под бурные овации от лица всех «шлухим» по всему миру раввин Лазар выразил благодарность светским лидерам, сочувствующим движению и оказывающим ему весьма ощутимую материальную поддержку. «Вы достойны этих аплодисментов», – подчеркнул он.

Съезд завершился, но осталось еще много неразрешенных проблем. И новые «шлухим» отправятся во все уголки света, чтобы помочь, поддержать, направить...

В следующем же году, в канун месяца кислев, в Нью-Йорке вновь соберутся тысячи раввинов – посланников Любавичского Ребе. И вновь площадь перед синагогой на Истерн Парквей, 770 будет полна народа.

ĀĒĀĀĪ ŪĒ DĀĀĀĒĪ DĪŅŅĒĒ ĀĀĒĒ ĒĀĀĀD.

CĀBĀĒĀĪ ĒĀ

Отвечая на вопросы корреспондента парламентского еженедельника «Кворум» Александры Венчиковой, главный раввин России сказал, что в связи со случаями нападений на религиозных евреев, осквернением синагог и еврейских кладбищ за последние годы «если что и изменилось в лучшую сторону, так это отношение властей. Сейчас власти стараются найти и наказать виновных. Думаю, ситуация изменилась к лучшему, когда президент понял, что проблему надо решать».

Недостаточно простых заявлений, что у нас нет антисемитизма: любые антисемитские эксцессы преступны, и на них должна распространяться норма о неотвратимости наказания. Это относится ко всем преступлениям на национальной почве, в том числе, разумеется, и против русских».

В ответ на вопрос о взаимоотношениях представителей разных ветвей иудаизма и о том, может ли хасид представлять всех иудеев страны, раввин Лазар пояснил: «Дело в том, что “направления” в иудаизме совсем не то, что “направления” в христианстве. Если я не ошибаюсь, православный христианин не пойдет молиться в костел, а католик не станет молиться в православной церкви. Еврей-хасиды прекрасно могут молиться в Хоральной синагоге в Спасо-Глинищевском переулке, а в синагогу МЕОЦа приходят, уверяю вас, не одни только хасиды. Когда в российскую столицу приезжают туристы-евреи, они идут молиться в ту синагогу, которая ближе к гостинице. В Москве есть синагоги горских, грузинских или бухарских евреев, но они с радостью принимают любого верующего, пришедшего помолиться. У нас одна вера, она требует от каждого из нас относиться друг к другу так, как если бы мы были братьями одной семьи. Братья могут спорить, подчас до крика, но это одна семья. В праздники и по субботам наши синагоги полны народом, это радует».

Сколько тысяч евреев соблюдают заповеди Б-гии? Честно сказать, никогда не считал, да это и невозможно, потому что большинство заповедей соблюдается человеком индивидуально, не на людях. А уж кто искренне верит, кто неискренне – про то только Б-г может знать».

Работает ли Федерация еврейских общин России с депутатами Госдумы? Лоббируются ли интересы еврейской общины в парламенте? Эти вопросы особо интересовали корреспондента парламентского издания. «В той мере, в какой РПЦ или мусульманские общины продвигают свои интересы в парламенте, продвигаем и мы. Работа идет, постоянно происходят встречи руководства ФЕОР с парламентариями, особенно по вопросам, касающимся образования, духовности, защиты общественной нравственности. Иногда мы приходим в Думу или Совет Федерации, иногда законодатели приходят к нам...

ФЕОР – это более 90% еврейских общин, реально работающих в России, уж политики-то прекрасно знают, что именно ФЕОР представляет российское еврейство», – ответил главный раввин России.

На вопрос корреспондента, считает ли раввин Лазар Россию «своей страной», приехал ли он сюда по своей воле или «по комсомольскому призыву» и останется ли здесь навсегда, он ответил: «Впервые я приехал в Россию в 1987 году, с 1990 года живу здесь постоянно. В те годы десятки верующих евреев-добровольцев со всего мира отправлялись в СССР, поскольку власти наконец перестали преследовать религию и надо было помогать нашим братьям, учить их Торе, заповедям, порядку молитв и всему остальному, чего они были долгое время лишены. Меня пригласила московская община в Марьиной роще стать ее раввином. Конечно, я отправился к духовному лидеру Хабада, Любавичскому Ребе, и получил от него благословение. Приехал я сюда на всю жизнь, об этом речь шла с самого начала».

Сейчас это во всех смыслах моя страна: здесь родились мои дети, здесь они будут жить, и от того, как я поработаю на своем месте, во многом будет зависеть, какое качество жизни я обеспечу детям».

Я российский патриот – может быть, даже больший, чем многие из тех, кто здесь родился, ведь эту Родину я выбрал сам. Надеюсь дожить здесь до прихода Мошиаха».

יְיָ יֵשׁוּעָא אֲדֹמֵרָאָּ פִּי אֲדֹמֵרָאָּ 67-בּ אֲרִיזֵינִי וְדֹמֵרָאָּ אֲדֹמֵרָאָּ

И Иѣсѹа Аѡдѡмерѡа Пѡи Аѡдѡмерѡа 67-б Аризиѡи ѡдѡмерѡа, аѡдѡмерѡа а ѡдѡмерѡа «ѡдѡмерѡа ѡдѡмерѡа».

Ночью с 9 на 10 ноября 1938 года погибли 92 еврея, по всей Германии были подожжены синагоги, свыше 7 тыс. магазинов разрушены и разграблены. Около 30 тыс. евреев были арестованы и высланы в концентрационные лагеря, а на еврейство в целом был наложен штраф в миллиард марок. После «Хрустальной ночи» большинство еврейских организаций и учреждений были закрыты, а наблюдение за евреями было передано в руки гестапо.

Митинг проходил на месте сожженной в те дни Кенигсбергской синагоги. Среди собравшихся почтить память жертв трагедии были ветераны войны, узники гетто, представители администрации Калининградской области и консульства Германии, многочисленных СМИ.

Рядом с разрушенной синагогой сохранился бывший еврейский сиротский дом, из которого нацисты во время бесчинств «Хрустальной ночи» выбрасывали из окон детей. Около здания сиротского дома участники митинга зажгли поминальные свечи. С болью люди вспоминали ужасы Холокоста, расстрелянных родных и близких, призывали вечно хранить память об этой трагедии. На митинге выступил консул Германии г-н Траховский, писатель Олег Глушкин, завуч еврейской школы «Ор Авнер» Лариса Розина.

Главный раввин Калининграда Довид Шведик прочитал поминальную молитву.

יְ. ѡдѡмерѡа

Иркутский губернатор Александр Тишанин принял главного раввина Иркутской области Аарона Вагнера. На встрече обсуждались вопросы, связанные с жизнью еврейской общины, прежде всего – помощь областных властей в реконструкции синагоги по улице Карла Либкнехта, построенной в 1881 году и пострадавшей от сильного пожара прошлым летом. Поскольку здание является памятником истории и культуры, администрация области из внебюджетных источников уже выделила 7 млн рублей на его ремонт. Общая же стоимость восстановительных работ составляет около 60 млн рублей.

Другая важная проблема, обсуждавшаяся на встрече губернатора и раввина, – восстановление в Иркутске еврейской общеобразовательной школы: такая школа, построенная на деньги еврейской общины, работала в городе до революции. Раввин Вагнер поднял также вопрос о необходимости благоустройства еврейского кладбища, расположенного между микрорайонами Лисиха и Байкальский.

Глава Приангарья пообещал детально изучить все обсуждавшиеся проблемы и оказать необходимую поддержку еврейской общине.

ѡдѡмерѡа ѡдѡмерѡа 138ru

ἈΕΛΛΑΪ ὙΕ ΔΙΝῆΕΕ ἈΔΕ ἘΑῶΔ:

ПРОТОКОЛ

13 ἡμέρῃ ἃ Ἰ Ἀΐῶα ὁ-ἀνὸεἶ ἃ οἰδεαῖνὸἀαίτῃ ἰοεδῶοεἶ III ἡῖ ἐλάδῃ Ἰαταεῖταῖεῦ ἀαεῖτα Ἀαῖτῖ ἰῖ ἀῖῖδῖταῖ Ὀῖδῖ ἔ Ἀεῖτῶε, ἃ εἰὸῖδῖ ἰδεῖτῖεε ὁ-ἀνὸεἶ ἀῖεἶἃ 200 ἀαεῖταῖ ἐς ἡὸ δῖῖ Ἀαῖτῖ, Δῖνῖε ἔ Νῖ Ἀ.

Открыл семинар главный раввин Парижа Ирмия-Менахем Коэн. В своей речи он подчеркнул особую значимость форума и выразил восхищение беспрецедентными результатами развития еврейской жизни в России в последние годы.

После церемонии открытия главный раввин России встретился с тележурналистами. На пресс-конференции присутствовали представители каналов «Россия», «НТВ», «ТВЦ», «Russia Today». Большинство вопросов касались целей и задач предстоящего семинара.

Отвечая на вопрос о причинах событий во Франции, главный раввин Парижа выразил убежденность в том, что беспорядки во французской столице и других городах не имеют религиозных причин. «Я не вижу никаких межконфессиональных и межнациональных проблем во Франции. Причина беспорядков – проблема бедности, в которой находится мусульманская община. Это никак не связано с мусульманской религией», – отметил раввин Коэн. По его словам, то, что происходит сегодня во Франции, является следствием пути, «который выбрала Франция, когда начались погромы в отношении еврейской общины». «Тогда французские власти попросили не реагировать на это», – пояснил он.

Потом все участники торжества отправились в недавно открытый Учебный центр «Бейт-Швидлер», где состоялась церемония дарения Торы синагоге в Марьиной роще. Раввин Лазар в своей речи высоко оценил благодеяние членов еврейской общины Григория и Владимира Хайкиных, подаривших свиток.

После того как почетные гости дописали Тору, состоялось шествие, в котором приняли участие около 500 человек: по улице Образцова от Учебного центра к МЕОЦу двигалась процессия, возглавляемая факельщиками. Под хупой торжественно несли новый свиток Торы.

После открытия участники форума отправились в подмосковный пансионат «Ган Исроэл», где в течение трех дней в оживленных дискуссиях обсуждали актуальные проблемы, связанные с применением еврейского религиозного закона в условиях современного мира.

18 ἡμέρῃ ἀνὸδῃ-ἃ ἡ ἀεὸἃ-ἡεεἶδῖ Ἀῖπῶῖ ὕ, εεἶδῖ ἰαδῶεἶ ἘἈΪῖ Ἀεἶεῖ εδῖ Ἀεδῖῖτῖεῖ.

Во встрече также участвовал председатель правления Федерации еврейских общин России Александр Борода.

В. Жириновский отметил, что ЛДПР всегда выступала против любых националистических и экстремистских акций.

Стороны договорились о сотрудничестве по широкому кругу вопросов, прежде всего по развитию межнационального и межконфессионального диалога.

«Нам не нужен французско-воронежский вариант развития событий, – сказал Владимир Жириновский. – Поэтому мы должны быть друзьями, единомышленниками, контактировать и поддерживать начинания друг друга, направленные на достижение благополучия и процветания России».

Раввин Лазар со своей стороны подчеркнул, что необходимо использовать такие контакты для разъяснения неприемлемости экстремизма, демонстрации его разрушительного влияния на общество. «Лозунги “Россия для русских” направлены прежде всего против самих русских и России, потому что они подрывают единство многонационального российского народа», – сказал раввин Лазар.

Раввин Гуревич с вниманием отнесся к письму австрийского адвоката и поручил лидеру ашкеназской общины Самарканда Иосифу Фурману взять это важное дело в свои руки и отыскать следы единоверцев, волей судьбы заброшенных в дальние края.

«Задача казалась невыполнимой, – рассказал Иосиф Михайлович. – Сколько воды утекло с тех пор, сколько властей сменилось! Мы даже не знали, на каком кладбище искать могилы – никаких документов не сохранилось».

Самаркандский исследователь Ринат Абдульманов установил, что в целом Россия гуманно относилась к пленным: «Их привлекали к работе в сельском хозяйстве, для помощи в тылу, в частных мастерских, на железных дорогах. Для пленных строили бараки, лагеря. Они могли заработать себе на жизнь, получали переводы от родственников и помощь от Красного Креста. Тем не менее пленные умирали от холода, голода и инфекций, свирепствовавших тогда в Средней Азии».

Полтора месяца понадобилось Иосифу Фурману и его товарищам, исследовавшим буквально каждый клочок еврейского кладбища, чтобы сделать поистине сенсационное открытие. Под толстым пластом земли был обнаружен край надгробной плиты. Плиту очистили от грязи, и на ней проявились звезда Давида и фамилия солдата на иврите и на немецком языке. Эта фамилия была из списка австрийского адвоката.

Иосиф Фурман и волонтеры продолжили поиски. Вскоре были откопаны остальные семь надгробий с фамилиями, указанными Моше Эшетом. Время смерти на найденных могильных камнях – 1915, 1916 и 1917 годы. Даты рождения не указаны, очевидно, ввиду отсутствия у военнопленных документов.

Раввин Гуревич выделил необходимые средства, и самаркандские евреи привели в порядок могилы своих единоверцев.

На этом, однако, история не закончилась. Самаркандцы нашли еще семь могил еврейских солдат Австро-Венгрии. Они также будут восстановлены с помощью рава Гуревича и фонда «Ор Авнер».

Ринат Абдульманов считает, что немало еврейских могил можно найти и на Братском (христианском) кладбище Самарканда. Ведь царская Россия вела перепись населения не по национальности подданных, а по их вероисповеданию.

Â. Âadi ai

ÀÀD-Ì ÈÖÄÄ ØÏËÄÌ À Ì ÁÂÇÌ ÁDÄ

Ì áââââÿ á Áíëïóíé òíðáëííé ñëíáññ Ì áððáððáá ìðíëéí ìðáçííááíéá ááð-ì èöâí Øíëäì à Ì áâçíáðä, ìðáððááñ ñííá áñááíá ðááñéíá áðíáá Ì áíáðáí à-Ì áíáëá Ì áâçíáðä. Ñáí áëííá òíðáëíðáí ìðáððáðééííí á ìðáçííéé áñé íáñéíí. Áííðáé ìðéáñééé á ìðáçííé-íí óððáçáííéé áíëïóíé çäé ñëíáññ.

Раввин Певзнер рассказал, что накануне его собственной бар-мицвы ему посчастливилось получить поздравление и благословение от Любавичского Ребе. Это особенно дорогое ему письмо отец ныне передал в дар сыну. Обращаясь к гостям, юный Шолом сказал, что давно ждал минуты, когда сможет, как взрослый, молиться, выходить к Торе, накладывать тфилин.

Присутствовавший на торжестве главный раввин России Берл Лазар в своем поздравлении отметил, что он счастлив видеть, как изменилась ситуация в России за последние годы: сегодня стало обычным делом праздновать семейные торжества по еврейскому обычаю.

Дедушка Шолема раввин Ицхок Мишуловин поздравил любимого внука и поблагодарил всех, кто помог в подготовке праздника, особенно же отметил старания и труды Сары Певзнер, взявшей на себя большую часть забот. На празднике был показан небольшой фильм, посвященный семье Певзнер, снятый известным петербургским оператором, членом еврейской религиозной общины Яковом Якобсоном.

В заключение торжества известный израильский артист Менди Джеруфи развлекал гостей веселыми хасидскими песнями. Как только зазвучала музыка, раввины Берл Лазар и Менахем-Мендл Певзнер пустились в пляс в общем кругу.

Jewishpetersburg.ru

עֵיטֵי עֹאֲשֵׁוּ עֹאֵי נִי אֵי אַ נְאָאָבִיאִי אַבְעֵעֵאִי נֵעִי עֵיטֵי עֹאֲשֵׁוּ

3 תּוֹרָה אֶתְּחִיל לְעֹמֶתְךָ אֶעֱשֶׂה לְךָ מִצְוָה לְמַעַן תִּשְׁמַע אֶתְּעַמְּךָ לְעֵינֵי נְאֻמֹתַי אֶבְעֵעֵי עֹאֲשֵׁוּ עֹאֵי נִי אֵי אַ מִצְוָה לְמַעַן תִּשְׁמַע עֵיטֵי עֹאֲשֵׁוּ אֶבְעֵעֵי אֶבְעֵעֵי אֶבְעֵעֵי.

«Съезд – это уникальная возможность рассказать нашим коллегам в Северной Америке о нуждах еврейских общин бывших советских республик, – сказал Авраам Беркович. – На таких съездах достигается много различных договоренностей, наша задача – укрепить завязанные прежде отношения. В то же время есть возможность позаимствовать успешные идеи и модели, которые были применены в Северной Америке».

Сегодня в рамках сотрудничества с Объединенными еврейскими общинами (ОЕО) Североамериканской федерации под эгидой ФЕО СНГ действуют еврейские школы и летние лагеря, в организации которых участвует также Еврейское агентство в России. Кроме того, при помощи Объединенных еврейских общин Северной Америки и распределительного комитета «Джойнт» ФЕО СНГ поддерживает благотворительные столовые и другие услуги социальной сферы.

Исполнительный директор ФЕО СНГ Авраам Беркович провел беседы с председателем ОЕО Робертом Голдбергом, президентом и главным администратором ОЕО Говардом Рейгером, председателем попечительского совета Еврейского агентства Кэрол Соломон и новым председателем Еврейского агентства Зеевом Бельски.

Он также встретился с президентом распределительного комитета «Джойнт» судьей

Элен Хеллер, исполнительным вице-президентом Стивом Швагером, десятками лидеров других организаций, с которыми у Федерации завязаны партнерские отношения: Барри Шраге, президентом бостонского Объединения еврейских филантропов, которое сотрудничает с еврейской общиной в Днепропетровске, Мишей Гальпериным, главой Еврейской федерации Большого Вашингтона, и другими.

Еврейская община Нальчика обратилась в Федерацию еврейских общин России с просьбой о взаимодействии для преодоления последствий теракта, произошедшего в октябре минувшего года в столице Кабардино-Балкарии.

Среди членов общины не было тех, кто пострадал в ходе нападения экстремистов. Некоторые евреи оказывали помощь раненым уже в день нападения, поскольку находились в здании синагоги неподалеку от места событий, отмечая Йом Кипур.

Федерация изыскала возможность для помощи. ФЕОР выделила Республиканской клинической больнице Кабардино-Балкарии 100 000 рублей для приобретения оборудования, необходимого для лечения больных и раненых. По информации больницы, 66 человек, пострадавших в теракте, смогут получить необходимую медицинскую помощь благодаря средствам, выделенным ФЕОР.

Главный раввин Украины Азриэл Хайкин приветствовал отмену поправки Джексона – Вэника для Украины и назвал решение сенаторов США большим внешнеполитическим успехом. «Это решение, которого украинские граждане ждали уже давно, безусловно, является важным и значимым не только для отношений между США и Украиной, но и в целом для интеграции независимого украинского государства в мировое сообщество», – заявил раввин 22 ноября.

Раввин Хайкин отметил, что результаты голосования в США – общее достижение всего украинского государства, всего народа Украины. При этом он добавил, что теперь все евреи страны ожидают от властей «столь же заметных успехов в деле борьбы с проявлениями в обществе антисемитизма, ксенофобии, национальной и религиозной нетерпимости».

Á ÁÍËÁÍÁÐÁÁÑËÍÉ ÁÁÐÁÉÑËÍÉ ØËÍËÁ ÍÒËÐÛËÑÛÑËÍÁÁÍÁ

22 ííýáðý á øëíéá «Í ð Ááí áá» Áíëááðááá íí èíëëèàðëáá áááí íá ðááéíá á áðíáá Çàëí áí á Ëíóóá è áá ñí ðááá Ðýüí íòëððÛëÑÛÑËÍÁÁÍÁ

Директор школы Елена Никитина помогла найти помещение и провести ремонт, но основные хлопоты легли на плечи школьного раввина Шимона Животовского и его супруги Леи.

На церемонию открытия собрались члены общины – от старейшины Ефима Григорьевича Вайнгольца до малышей из детского сада «Ган Геула». Под хупу вместе с Торой встал раввин Иоффе. Процессия с факелами и песнями обошла вокруг школы.

Синагога получилась очень уютная, оригинального дизайна: зелено-бежевая цветовая гамма, изящные светильники, украшенные художественной ковкой. Но главное, в ней удалось создать особую атмосферу, которая, без сомнения, произведет благотворное действие на учащихся.

Пока мужчины танцевали с Торой и молились, для женщин провели экскурсию по школе. Через час ученики и гости собрались в актовом зале. Школьный хор исполнил песни на иврите и идише. Закончился праздник угощением.

Ë. ×ëæëéíáá

À ÁÈÒÌÌ ÈÐÀ ÁÓÁÓÒÀÛÌÌ ÁÈÀÒÛ ÈÌ ØÀÐÌ ÛÉ ÕËÁÁ

20 íÿáäÿ äáááí ùé äáááéí Øéðáéí ù Àððéÿ Õáéééí í ïïòéé ááðáéíéø íáìéíó. Èèòìì èðà

В ходе визита раввин Хайкин побывал на одном из хлебозаводов города, где осмотрел производство и обсудил с представителями еврейской общины и руководством предприятия необходимые условия для начала производства кошерного хлеба.

В сопровождении главного раввина Центральной и Западной Украины Шломо Вильгельма главный раввин Украины посетил комплекс еврейских учреждений в Заречанах, где рассказал работникам общины о кошерном питании. Раввин Хайкин побывал также на строительстве миквы и обсудил особенности алохических правил, связанных с таким строительством.

По итогам визита главный раввин Украины отметил, что «еврейская жизнь в Житомире успешно развивается. Проекты, которые реализуются в общине под руководством раввина Вильгельма, дают уверенность в том, что это развитие не остановится и еврейская община получит еще большие возможности для полноценной еврейской жизни».

ÁÁí

В крупный промышленный город Донбасса Макеевку с третьей по численности еврейской общиной в Донецкой области был назначен новый раввин.

Американский раввин Элияу Кремер с супругой Адассой, уроженкой Израиля, в течение трех лет работали в Мелитополе. Перевод в Макеевку – конечно же, повышение. Здесь значительно больше евреев, а значит, и поле деятельности шире.

Решение о новом назначении было принято в ходе консультаций главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого с главным раввином Украины Азриэлом Хайкиным при одобрении Федерация еврейских общин Украины.

В ближайшее время в Макеевке будет приобретено помещение для устройства синагоги. Здесь планируется несколько крупных культурных, образовательных и благотворительных проектов под руководством нового раввина.

È. Áíéñéí íá

ΟΔΗΓΙΕΣ ΕΠΙ ΤΗΣ ΕΠΙΣΤΡΑΤΗΓΙΚΗΣ ΤΗΣ ΕΠΙΧΕΙΡΗΣΗΣ «ΑΙΤΙΑΣ ΤΗΣ ΑΝΕΞΑΡΤΗΣΙΑΣ»?

Α επίσημη έκθεση της Επιτροπής Κοινωνικών Θεμάτων της Βουλής των Ελλήνων «Για την αντιμετώπιση των ανισοτήτων» είναι «Για την αντιμετώπιση των ανισοτήτων». Για την αντιμετώπιση της ανισότητας στην κοινωνία (Γ.Ε.Τ.).

Согласно предлагаемым поправкам, НКО должны будут встать на учет в государственных регистрирующих учреждениях и регулярно отчитываться перед ними в своей деятельности. Иностранные и международные НКО, чтобы продолжить деятельность в России, должны будут преобразоваться в общественные объединения и заново зарегистрироваться.

1 декабря ситуацию, которая может сложиться в общественной жизни страны в случае, если новые законопроекты будут приняты, прокомментировал глава Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин.

«Залогом развития гражданского общества является возможность независимого, в первую очередь финансового, существования НКО, – сказал он. – Независимость эта обеспечивается частным спонсорством, грандами международных фондов. С этой точки зрения введение поправок к закону вызывает большие опасения: как бы это не явилось преградой для построения гражданского общества».

В то же время, по словам Боруха Горина, независимость общественных организаций от государственных структур является их особенностью. «Такая независимость может стоить этим организациям зависимости от тех, кто платит и заказывает музыку, – отметил глава Департамента общественных связей ФЕОР. – Спонсорами могут оказаться разные заинтересованные лица, организации и страны, не всегда действующие с благородной целью создания гражданского общества в России. Опасения действий со стороны подобных организаций и фондов являются основными в инициативе принятия закона».

Принимая во внимание эти две противоположные тенденции, закон, по мнению Боруха Горина, должен быть серьезно сбалансирован; при этом следует учитывать и международную практику. «Деятельность против страны регулируется законодательством и наказывается Уголовным кодексом», – подчеркнул он.

Глава Департамента общественных связей ФЕОР считает: чтобы наблюдать за деятельностью общественных организаций и быть уверенным, что они не представляют угрозы для страны, для общества в целом (именно для страны, для общества, а не для государства и власти!) необязательно принимать новый закон. Этими проблемами, по его мнению, должна заниматься судебная власть. «Однако и судебная власть у нас неполноценна, и гражданское общество далеко за горизонтом, – поэтому перед законодателями стоит очень много тяжелых и трудно исполнимых задач, – полагает Борух Горин. – Регулирование деятельности международных фондов, юридических и частных лиц в России – лишь одна из этих задач. Необходимо добиться сбалансирования закона, чтобы он не стал преградой на пути развития общества и не расшатывал страну, а наоборот укреплял. Законодатели должны подойти к этому крайне осторожно, тщательно исследовав все заложенные в нем бомбы замедленного действия, а они там, конечно, есть», – сказал в заключение Борух Горин.

Ε. Βούλι ούου

почему-то не замечают, что этого некогда засекреченного офицера разведки недавний канцлер Германии называет своим другом. Да и американский президент тоже.

Какой на дворе год, господа критики? Впрочем, годы идут, а лидеры, действующие в «еврейской сфере», также агрессивно реагируют на появление «нового игрока». Парвеню! Конкурент! Ату его! От наиболее откровенных прямо можно услышать: «Здесь я уже есть! Другие – лишние».

Однако те, к кому обращаются вновь созданные организации, реагируют иначе. Например, в Дрездене, городе с относительно небольшим количеством русских евреев (около тысячи), де факто существуют две общины: официальная и неофициальная. Многие посещают различные религиозные и культурные мероприятия как в одной, так и в другой и не видят в этом ничего плохого. А что здесь, действительно, плохого, если Конгресс проводит интересные встречи и концерты и открыл пусть немногочисленные, но какие-то рабочие места для русских евреев в стране с пятью миллионами безработных?

Впрочем, директор Европейского бюро сообщает, что отношения со «старыми игроками» постепенно становятся партнерскими и оптимистически надеется, что дело меняется к лучшему. Европейское бюро ВКРЕ зарегистрировано как германское общество, и его декларированной целью является интеграция русских евреев в немецкую жизнь. Среди важных задач общества заявлены поддержка еврейских культурных традиций и борьба против террора и антисемитизма. Но аналогичные цели ставят перед собой абсолютно все еврейские организации страны. Есть ли какие-то особенности? Да, есть, и они очевидны: Конгресс неразрывно связан с родиной русских евреев.

Не все иммигранты хотят сохранять контакты с родиной, которая зачастую была весьма неласкова. Но у многих, если не у большинства, на родине остались родственники и друзья, а у старшего поколения – могилы родителей. И многие не хотят, чтобы их выросшие или даже рожденные в Германии дети утратили способность говорить по-русски и контакты с родиной родителей и родителей их родителей. В то же время обновляющаяся родина хочет войти в сообщество цивилизованных государств. Об этом объявлял президент Ельцин, а ныне говорят президенты Путин и Ющенко. Но Европа не очень-то спешит принять в свои ряды «новых игроков». Процесс сближения трудный и долгий. А иммигранты – естественные катализаторы сближения.

Деятельность Конгресса уже хорошо известна в Берлине. Постепенно узнают о нем и в других городах востока страны, в общинах, где иммигранты составляют от 90 до 100%. Существует легенда о богатстве и хорошей организации евреев на Западе. Однако это всего лишь легенда. Действительно, в крупных городах с большими общинами «русский вопрос» как-то решается. Но совсем иначе обстоит дело в небольших городках и малочисленных бедных общинах. Пожелаем Европейской секции Конгресса распространить свою деятельность на всю Германию, а в перспективе – на всю Европу.

А. Евдокимов

Издательство «Гешарим – Мосты культуры», помимо «Хасидских историй» с комментариями философа Мартина Бубера, выложило на прилавок впервые изданную по-русски публицистику Альберта Эйнштейна. Книга «Обрести достоинство и свободу» позволяет лучше понять личность, философские и политические взгляды великого физика. Еще одна новинка – «Хазары», сборник академических работ историков-профессионалов, изданный в серии «Еврейские средневековые исследования»; книга предназначена для специалистов по данной теме. То же, примерно теми же словами, можно сказать и о книге «Гаоны Вавилона», продолжившей рубрику «Библеистика и иудаика». Традиционно хороша у «Гешарим» детская серия, как раз к Хануке вышли «Волшебная ханукия» и «Владей именем» в ярких глянцевах обложках.

Презентация новых изданий «Гешарим» состоялась в конференц-зале в день завершения Non-fiction и привлекла много народу. Дискуссия завязалась вокруг уже упомянутой книги Мартина Бубера. Главный редактор издательства «Лехаим» Б. Горин говорил о том, что Бубер в «Хасидских историях» искажает идеи хасидизма, подгоняет их под собственные философские построения: «Неправда в этой книге уже на обложке». «Прозвучала здоровая критика», – несколько удивленно прокомментировал его выступление директор «Гешарим» М. Гринберг. После чего последовали уточняющие вопросы из зала и стало ясно, что книги об этих материях читают не только евреи. Многие интересуются!

А. Давидов

ΑΪ ΑΪ ΔΙΪ ΑΟΔΙΑΝΕ ΙΑΑΟΙΑΙ Ι ΨΕ

*Αεαοαδεϊτρεααρεφ ακααδρεφ ιαααδρι ει ατταεε «ιααοιαιιτε και εεε ααααα» - καιηι α
-αδωα ιππολυιιτε αααεηερε ιπρεηποε, αεεετι δαεεατρετιωο ιαυει ιδρωαεαεα ιαεατεαα αεοεαττ ε, α
τοεε-εα το ι ιφρεο αααεοι αηο ει ιαεε, ιτρεα ιεεταα ια ιδααυαεαηι*

*Α Αεαοαδεϊτρεααα (η 1926 ααα - ΑΪαΪδρι'αοδριαεα) αεεεα ηυι υψ ηααυ ια Εραααε-ηετα
Δααα, α ηαυ Ι ατααυ-Ι αταε Οιααδρι ιδριαε α τοηι αδρια ι ιεταυα ααυ. Ηραα αεα α οεεοηι α 1990
ααα, ιατει εε ιααατο α ΝΙΑ, ιδεααε αα ο-ατεε ε ιηεαττεε - δαααετ Οι ογε Εαι ειαεεε. Ιατ αηι,
-οτ εαηαοηη' αααεηερε αεεεε, καιηι αααδωο α ιδααηοιαιτε ηοαταε: «ηαυ ηε», «ιαεεο-οεε»,
«αεεηποααττα». Ιη οααδωο τοο «ιδααηοιαιφ ηοαταε» δαεεηι υα εραε - ηοαδεεε, ι ιεταυα εραε
ηααατ αη ιηεεατ εψ. Ο ιεο αηου -αη οητο-εοηη.*

Οτ δαεεηι αψ ηετ αααα «(εετ'οαυ' Δι'α)».

Εηι αο XIX α

В начале XX века в Екатеринославе жило 69 тыс. евреев – почти 40% населения города! Украинский историк Орест Субтельный пишет: «На Правобережье <Днепра> численность населения между 1844 и 1913 гг. увеличилась <...> на 265%, в то время как еврейского населения – на 844%! Эти исключительные темпы объяснялись прежде всего тем, что иудейская религия освящала многодетные семьи <...> среди них была меньшей детской смертностью благодаря самопомощи еврейской общины и наличию своих врачей. Из 5,2 млн евреев империи конца XIX столетия более 2 млн жили на Украине. При этом если в империи они составляли 4% населения, то на Украине – 8, а на Правобережье – 12,6».

До Октябрьской революции в Екатеринославе работали 44 синагоги и молельных дома. Синагоги открывались по профессиональному принципу – шорников, портных, водовозов. Например, на территории нынешней центральной синагоги «Золотая Роза» когда-то существовали четыре «профессиональные» синагоги. Одна из них, еще 1800 года постройки, была деревянной, в свой час она сгорела, и на этом месте воздвигли большую каменную Хоральную синагогу. После Октябрьской революции, в 1920-х годах, «по просьбам трудящихся-евреев» здесь сначала обосновался Еврейский рабочий клуб, а затем – Дом культуры швейной фабрики имени Володарского...

Раввин Шмуэл Каминецкий стал одним из первых посланников Ребе, а пионерам всегда нелегко. Июнь 1990 года. Еще существовал СССР, только-только пал «железный занавес», а в город на Днепре уже прибыл молодой раввин. Сначала было очень трудно: без знания языка, в отсутствие кошерной пищи, элементарных удобств, жена ждет ребенка... Начинать он с того, что сам резал птицу (благо, прекрасно знал шхиту). Раввин Шмуэл хорошо запомнил одного горского еврея, который приехал к нему из области, за несколько десятков километров, и привез живую курицу. Оказалось, что он переехал в эти края с Кавказа 20 лет назад – и всё это время не ел мяса, потому что здесь не было шойхета...

באָרײַן ן׳יִשְׂרָאֵל עֵי אֲבֹתֵינוּ

А Ребе в США очень волновался о том, как живет ученик, а главное, его подопечным – евреям Днепропетровска. Звонили из его секретариата в Бруклине и напоминали раввину Шмуэлу: надо запастись картошкой, ведь в здешних краях это главная еда и стоит она зимой дорого...

Из уст в уста передается история о первом параде Лаг ба-омер, когда вся община собралась на набережной Днепра и со страхом наблюдала, как на них медленно наплывает огромная грозовая туча, обрекая на провал тщательно подготовленный праздник. Раввин Шмуэл и его супруга звонили Ребе, молились на крыше гостиниц «Днепропетровск», где в то время обитали, – и на них не пролилось ни капли! Парад состоялся! Кажется, с тех пор прошло уже сто лет...

Сегодня раввин Шмуэл доволен. И Ребе был бы доволен...

עֵיטוֹאֲדִיבֵי רַעֲיָאֲרֵאֶ «צִיֵּיטוֹאָׁר דִּי צַא».

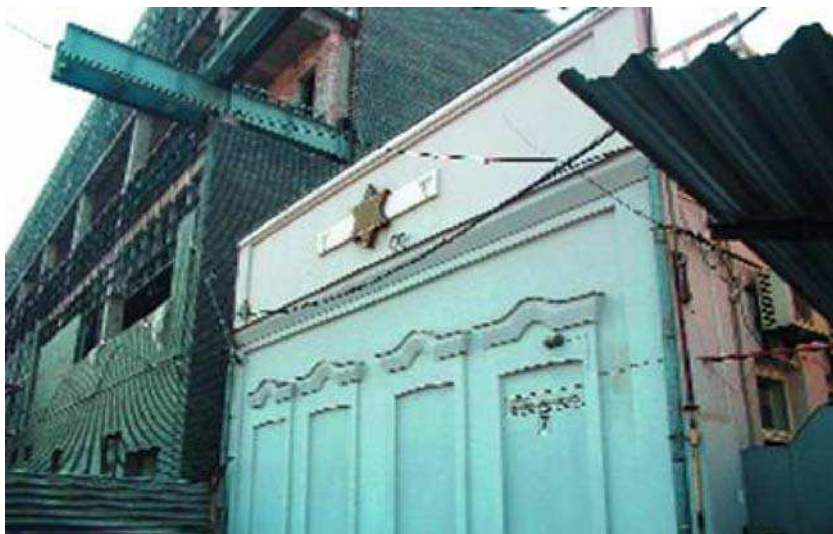
С выходом на Украине указа о реституции культовых учреждений их прежним хозяевам здания синагог «с боем», «со скрипом», но стали возвращать. Из четырех сохранившихся в Днепропетровске зданий синагог еврейской религиозной общине были возвращены три: здание Хоральной синагоги «Золотая Роза», «малой» синагоги на Коцюбинского и синагоги на улице Миронова. Именно в этой хабдской синагоге на Миронова по приезду из Николаева в Екатеринослав был раввином Леви-Ицхок Шнеерсон. Напротив нее стоит дом, в котором до ареста в 1939 году жила его семья и откуда в 1923-м уехал в Ростов будущий седьмой Любавичский Ребе.

Здание синагоги на Миронова вернули общине в середине 1990-х, сейчас в нем расположено общежитие ешивы «Ктана» («детской» ешивы). Сама ешива находится во флигеле, рядом со школой «Ор Авнер» имени Леви-Ицхока Шнеерсона. Раввин Рувен Чупин, директор ешивы, рассказывает, что она открылась в 1993 году, через два года после открытия школы, когда стало понятно, что есть дети, желающие глубже изучать иврит, Тору, Талмуд и, возможно, продолжать свое религиозное образование в дальнейшем. Сейчас здесь учится 70 мальчиков из разных городов Украины.

В здании «малой» синагоги на улице Коцюбинского уже семь лет, с лета 1998 года, работает ешива «Нахлас Леви» – гдола (то есть «взрослая» ешива). Сегодня здесь учатся юноши и из России, и из других стран СНГ. Как рассказал руководитель ешивы, Элиша Баран, «в основном это будущие преподаватели иудаизма, воспитатели, машгиахи. Пятеро учатся на сойферов: они пишут и восстанавливают свитки Торы, изготавливают тфилин и мезузы». Возрастной диапазон – от 17 до 32 лет. Всего здесь учится более 20 человек. Кроме того, здесь открывается новая программа для женатых, и молодые люди смогут продолжать учение и после того, как создадут семью.

28 лет – старшим мастером на комбайновом заводе. В Днепропетровске этот завод называли «хедером» – из-за того, что там работало много евреев.

«I аёя» нёI аёя

Отец Натан Айзикович и мама Рива Абовна жили согласно еврейским традициям: соблюдали кашрус, мясо с рынка не ели, раз в неделю покупали живую птицу и носили к шойхету. Они отмечали все еврейские праздники, по субботам пешком, независимо от погоды, шли в синагогу на улице Коцюбинского. Конечно, в то время за религиозные убеждения уже не убивали, но ходить в синагогу было опасно. Это было чревато неприятностями на работе – исключением из комсомола, из КПСС...

Рассказывает Григорий Натанович Король: «Я хорошо помню нашу старую синагогу с печкой-буржуйкой, с разбитой сантехникой и подвалом, который во время дождей всегда заливало водой. Помещение, где не было ни миквы, ни столовой, ни охраны. Но никогда, даже в самые тяжелые годы, мы не сдавались. С большими трудностями малая горсточка евреев удержала синагогу. Через что только ни прошли – через бутылки с водкой, взятки, ругань, постоянные проверки...»

Раз в год, перед праздником Пейсах, здесь выстраивалась очередь за мацой – все, кто мог, приходили в «малую» синагогу. После войны мацу в Днепропетровск привозили из Ростова-на-Дону: там ее выпекали подпольно и распространяли «для своих», понемногу. В 1949 году начали подпольно, по ночам, выпекать мацу в самом Днепропетровске.

Григорий Натанович рассказывает: «Тогда наша “десятка” – активисты синагоги, в том числе мой отец, – тайно арендовала частный дом. Там во дворе имелась русская печь. Люди приносили свою муку – по 2–3 килограмма и на гладко выструганных деревянных досках катали мацу. Проколы делали зубцами колесиков от часов... Всё равно на нас донесли. Пришел участковый, какая-то комиссия. Но мы откупились – напоили, накормили, с собой дали... В общем, выкрутились. Евреи приспособливались, как могли, в любых условиях. Как 40 лет, во время бегства из Египта, приспособливались, так и тут приспособились... Позже мацу стали покупать в Москве».

Синагога на улице Коцюбинского оставалась единственным «еврейским оплотом» в Днепропетровске. По воспоминаниям Григория Натановича, за нее всё время боролись: «Особенно трудно было отстоять синагогу в начале 1950-х, после дела о “врачах-убийцах”. После смерти Сталина слегка поутихли, а потом начали снова... И все годы – 50-е, 60-е, 70-е – продолжалась наша борьба за синагогу».

С началом перестройки, как только жить стало чуть легче, евреи сразу заполнили «малую» синагогу. В конце 1980-х в ее дворе уже не помещались все желающие – собирались со всего города, обменивались литературой, общались, со ступенек синагоги произносили пламенные речи. Делились информацией об Израиле, о праздниках, традициях. «Тогда еще не было ни “Джойнта”, ни “Сохнута”, еще никто к нам ни из Израиля, ни из США не приезжал. Они приехали уже потом, на подготовленную почву», – говорит Григорий Натанович.

В начале 1990 года его избрали председателем общины. «А в июне 1990 года к нам приехал один из лучших учеников Любавичского Ребе – раввин Шмуэл Каминецкий, – вспоминает Григорий Король. – Любавичский Ребе направил его в город, где до войны жил и работал его отец, Леви-Ицхок Шнеерсон. Раввину Каминецкому пришлось тяжело, но он оказался энергичным молодым человеком. Нам очень повезло с раввином! Его жена Хана собрала вокруг себя актив молодых женщин. Постепенно появились желающие сделать брис-милу – так моэла приглашали из Америки, из Израиля! Начали ставить хупу, играть еврейские свадьбы...»

Благодаря усилиям раввина, его жены, председателя и активистов общины всё большее число евреев Днепропетровска стали возвращаться к своим корням, религии предков, соблюдению традиций. Но всего пришлось добиваться с боем: «Боролся с ними, когда утверждали новый устав – мучили меня, придирались к каждой букве... Воевал, когда приехал раввин Каминецкий и пришлось дважды утверждать его кандидатуру в облісполкоме. Они мне говорили: “Что вы из Америки раввинов возите? Здесь не могли найти?” – “А где мне их здесь искать? Вы давали нам возможность раввинов учить?” Раввин Шмуэл по-русски ни слова не понимал – я с ним общался на идише, – и когда в исполкоме я с ними ругался, он всё время меня спрашивал: “Они что, антисемиты?”»

Сегодня, спустя 15 лет, поражает путь, пройденный днепропетровской общиной, – от «малой» синагоги до великолепной «Золотой Розы». Открыты школа, два детских сада, педагогическое училище, две ешивы, махон для девочек, работают детские еврейские лагеря, выходят собственная газета и еженедельная телепередача. Есть теперь в Днепропетровске и мацпекарня, и даже фабрика по производству такого деликатного, но необходимого еврейской религиозной женщине предмета, как парик...

Сегодня в общине много молодежи. Приходят и представители «потерянного» поколения – те, которым по 35–40 и более лет. С ними общается Дан Макагон – один из первых выпускников еврейской школы, а ныне преуспевающий предприниматель, всё свободное время отдающий синагоге, общине и тем, кто хочет приобщиться к еврейским традициям. Под его патронажем и при финансовой поддержке двух днепропетровских семей издано пособие для молящихся – «ХиТаС», помогающее ежедневно изучать Хумаш, Теилим, Танию, соблюдать обычаи. Заботу о тех, кто лишь приобщается к религиозной жизни, Дан Макагон считает своим прямым делом: не только учит надевать тфилин, но, если надо, помогает устроиться в жизни. «Молодому вместо рыбы надо давать удочку, то есть возможность заработать», – считает он.

Большую работу ведет Совет ветеранов, который возглавляет Савелий Борисович Басс – танкист, доцент, кандидат наук и «настоящий полковник»: в свои 83 он излучает энергию 40-летнего! Недавно община завершила издание четырехтомной Книги Памяти, подготовленной Советом ветеранов. В честь 60-летия Великой Победы по инициативе Попечительского совета общины каждый из ветеранов-евреев получил в подарок бытовую технику – причем на выбор, по своему усмотрению!

N. Avni

Реконструкция еврейского кладбища, на котором поддерживается чистота и порядок, – тоже заслуга общины. «Но вся наша деятельность не имела бы большого смысла без заботы о нуждающихся людях, больных и обездоленных», – считает Григорий Король. Для них налажена выдача бесплатных кошерных обедов, необходимой одежды, распределение продуктовых наборов к праздникам. За счет общины пожилые люди с переломом шейки бедра получают своевременную помощь, им делают квалифицированную операцию.

«В своей деятельности мы руководствуемся принципом: “Кто забывает прошлое, тот не имеет будущего”», – утверждает глава днепропетровской общины. Сегодня Григорий Натанович спокоен. Ведь город, где есть такой раввин, как Шмуэл Каминецкий, и такой Попечительский совет, может и жить, и молиться, и спать спокойно.

E. Eadriat et

P. S. I aaaaat i aey «i aet e» nei aat ae Aiaidriaodira ea ia no oie e e o daaia et u a aie. Aie da ia ia aae no die o aeu no at ia ni ia o id aia a o ai o da E i aei eoi ni ia a a e n y, o i aie yo ia ia e a e no i a, a ia u ai o i, ni d a e a e y m o ai u. I a i a e i a u e e o a e a i u, a e y, e a e nei a a a i «i a n o d a e a a o n y» m a n o no i d i o i d a a i o ai o d i, i i i a «n a a o n y»!

I a n i o d y i a o i o i a i e a i a i d a n o a a e y a o a d e o a e o d i e o a i i n o e, a o i e u e i e n o i d e a i e o p, a a d a e A i a i d r i a o d i r a e a i e c a o i i a m a e a i e e n i d a n o a o u n y n i a e. A i d a e i a e a i e y c a n o d i e u e e i a c a i i o a d p c a i e y a u e e a n i u a c a i a i e a i: e i i a t a c a i e a i d a e a a e e, e i a i a e u a a a i u e. I i, e a e e c a n o i i, e p a i a i e o i e o u i a e u y. I a i y o u i o a n, e o i i o n o i y e e m o d a i e e y o o n e i a a a i, o i a e a A e o a e e a d i a a a d a y o n y, o i «i a e o p» n e i a a a o a n o a e e o a e i n i m o d a i e o u

Ářĩ, á ěřĩđřĩ æěě ĩĩ ĩŷ Őĩ ĩđĩĩ Ā ĀěĀđěĩ ĩĩěĀĀĩ

Его старший сын Менахем-Мендл был ему надежной опорой. Но в начале 20-х годов Леви-Ицхок отправляет сына в Ростов, к шестому Любавичскому Ребе Йосефу-Ицхоку. С этого момента их пути расходятся. Менахем-Мендл вместе с шестым Ребе и его семьей переехал в Ленинград, а после ареста, сурового приговора и чудесного освобождения Ребе навсегда покинул Советскую империю. Когда в 1929-м, в Варшаве, играли свадьбу Менахема-Мендла и Хай-Мушки, дочери Ребе Раяца, место отца жениха пустовало. Коммунисты не пустили его на свадьбу к сыну. Леви-Ицхок написал письмо, благословляя сына и тщательно скрывая свою боль от того, что в такой день он разлучен со своим первенцем.

Ēċ ĩĩ ĩđ Őĵ ĀĵĀěĩ ĩĩđĵĵĀ ĩ ĩĩĀ ĀěĀĀĩĩěĀĵĵ ĵĀĀŷ, ĩĩĩě ĩĩě, ĩđđĀĀ ĩ ĩŷ, ĩĩ ĀĀĩěđĩĩĀě ĩĀ ŐĀĀ-Ī ŐĵěĀ Ā ĀĩĀđĩě ĀĀ Ē Ēĩđĩ Ā-Ā ĩĀĵěđ ĩĩŷŵĩđ ĩđĀěĩĀ, ĀěĀĀĀĀđŷ ĀĩĩĵĀĩ ěĩđĩđĩđ ĩ ĩĩ ĀĀĩđĵĀĩ ě ĀěĀĩ, đĩĩěĩĀđ ĩĀĀ ĀĀĵěĩ Āĩ ĩĩ ĀĀĩĩđ ĩĩěĩŷ ě ĀěĀĀĩ ĩĩěŵ: ěŷ, ĀđĩĀũ ĩĩ ĩđĩŷě ĩĀĩĩěĩěĀěĩ ĩ. ĩ ĀĩĩĀĀĀěĩŷ ĩĩ-Āĩđĩĩ ĩĩěĀěĩ ĩě ĀĀĩ ĩĩěĩě ě Ā ĩĩ ĩĩ ĩđĩđĩĩ, ě Ā ĩĩ ĩĩ ĀĵĀěĩ ĩĩ ĩĩěĀ Īĩđĩũ ĀĩĩĵĀě ĀĀĵĀĀ ĩĀũĀĀ ĩđĀěĀ đĩĩĀ ŐĀĩ ĀĀĀ-ŐĀĀĀě ě ĀĀ ĩĩĩđĩě, ěĩ ĀĩĀ ěĩđĩđĩđ ĩĩĀĩĀĀĵĵ ĩ ěĩ ĀĩĀĩ đĀĩěĩ ě đĀĩĀě ĩĩĩđĩě, ĀũěũĀĵĵ ĀĀ ĀĩĩĀĀ. ĒĀŷ ĩđđĀĩ Őĩđũ ě ĩĩĀěĀĀŷ ĀĀ ĀũĩĀĀě, ĩĩđĩũ Āěĉĩũ ĀĀĵĀ ĩĩěĩĀ ĀũĩĀđ ĩ ěđĀ, ĩĩĩěĩěĩđĀěŷ ě ěěĀĩĀ ĀĩĀđĀ, ěĀěĩĀ đĩĩěĩě ĩ ĩĀěĩĪ ĩĩĩěĀđũ Īĩđĩũ Āũ ĀũĀĀđĀ Āĩđĩĩđĩũ ě đěđĀĀĩěĀ ĀĀ ĀĀđĀěĩěĀ ĩĀđĩĀĀ...

ŐĀĩě ĩđđĩ, ěĩđĩđĩě ĀĩĩĀĀ ĩĩđĩĀě,

ĩĩ-ĩĀĩđĩŷũĀĩ đĩđĩĀě.

Рассказывают, в Днепрпетровске, в тот же день и тот же час, Леви-Ицхок устроил свадьбу, позвал гостей, все праздновали и веселились. Только место жениха и невесты пустовало...

Постепенно над Леви-Ицхоком сгущались тучи: синагоги закрывались, тех, кто соблюдал Шабос, кашрус и другие заповеди, преследовали. Свирепствовал голод. Евреев-крестьян (а в Днепрпетровской области было много еврейских колхозов) уничтожал Голодомор. Леви-Ицхок боролся: создавал фонды, выступал с призывами, даже добился разрешения на выпуск кошерных продуктов. Одновременно он пытался привлечь внимание мировой общественности к преследованиям верующих в СССР. В 1930 году в Минске советская власть провела «еврейский» съезд и заставила раввинов подписать документ об «отсутствии притеснений верующих». В Украине аналогичный съезд провалился. Причина – непримиримая и твердая позиция раввина Леви-Ицхока Шнеерсона. Он не шел ни на какие компромиссы, отстаивая право евреев оставаться евреями, соблюдать свои законы и традиции.

Ι δεαοο ιο ι αι υ. Α ηεαοορ υαι ι εηυι α ι ι α ο ι α ε α α α α ο ι ε η ο υ

Δαα Ι αι α α α ι - Ι αι α ε Ο ι α α α ι.

Δαα ο ι Ο α γ - Ι ο ε ε α

Ссылка подошла к концу, но старому раввину не разрешили уехать из Казахстана, да и некуда было возвращаться: в огне Холокоста погибло большинство евреев Днепрпетровска, в том числе его сын Довбер, расстрелянный в местечке Игрень.

В апреле 1944 года раввину с женой разрешили переехать в Алма-Ату. Там было много хасидов, и в первую же субботу раввин молился в миньяне на окраине города. Тяжелые условия жизни в ссылке дали себя знать. У него обострились старые болезни.

Душной ночью в начале августа 1944 года Леви-Ицхок неожиданно проснулся. Он попросил воды для омовения рук. Когда воду принесли, раввин сказал: «Надо перебираться на ту сторону». Это были его последние слова.

Той же ночью душа праведного Леви-Ицхока Шнеерсона оставила этот мир. Это был 20-й день месяца ав 5704 года по еврейскому календарю.

В Днепрпетровске, которому он отдал свыше 30 лет своей жизни, свято чтят память о Леви-Ицхоке Шнеерсоне. В честь великого раввина названы еврейская школа и ешива. В настоящее время еврейская община Днепрпетровска добивается решения вопроса о переименовании одной из центральных улиц города в улицу имени раввина Леви-Ицхока Шнеерсона.

ÈÑÒÌ DÈ XÁÑÊÀB ÑÌ DÀÀÊÀ

История Украины тесно переплетена с историей расселения в этих краях евреев. Первое упоминание о живших на территории современного украинского государства евреев относится к I веку до н. э. Возникновение больших еврейских общин связано с победами князя Святослава над хазарами в 965 году, когда часть плененных евреев поселили в Киеве. В XIII веке на территории Галицко-Волынского княжества селились евреи из Германии и Восточной Европы. Поток этих переселенцев увеличился в конце XV века, когда евреев Германии преследовал император Максимилиан I. Так формировалась еврейская община Украины, которая, пройдя через множество испытаний, через погромы, страшные годы восстания Богдана Хмельницкого, Холокост, коммунистический режим, сохранилась до наших дней. Одним из важнейших центров развития еврейской жизни в Украине был и остается город Днепропетровск, ранее Екатеринослав.

История местной еврейской общины начинается практически с момента основания города в 1776 году. В 1791 году императрица Екатерина II издает указ «О предоставлении евреям гражданства в Екатеринославском наместничестве и Таврической области». И уже в 1793 году в Екатеринослав, тогда уже губернский город, устремились евреи. К рубежу XVIII–XIX веков численность еврейского населения города превысила 300 человек, а в губернии евреев жило около тысячи. Они активно способствовали развитию города; так, например, первый каменный дом в Екатеринославе построил купец Гирш Луцкий в первой трети XIX века. Еврейские купцы занимались и транспортировкой льна – одной из основных статей экспорта губернии – через пороги, по Днепру, в Одессу. Но в основном евреи Екатеринослава в те времена были портными – этим занимались около четверти еврейских семей города.

Экономическая история Екатеринослава-Днепропетровска – металлургического центра Российской империи, Советского Союза и современной Украины – также началась с того, что еврей Заславский в 1832 году на Литейной улице построил чугунолитейный завод. В 1833-м открылась суконная фабрика Неймана.

Культурная жизнь города также всегда была тесно связана с евреями. В 1843 году купец Абрам Иосифович Луцкий строит каменное здание театра. До 1885 года этот театр был главным центром культурной жизни Екатеринослава: здесь давали представления лучшие гастролеры, в том числе труппа Бергера с итальянскими певцами и украинские труппы Кропивницкого и Старицкого.

В то время евреи Екатеринослава составляли 15% населения города. Естественно, городу нужна была большая синагога, и в середине XIX века открылась Хоральная синагога, которая впоследствии получила название «Золотая Роза». Она была построена на месте сгоревшего в 1833 году здания деревянной синагоги. «Золотая Роза» на долгие годы стала одной из достопримечательностей города благодаря изысканным архитектурным решениям.

В 1897 году евреи составляли уже более 36% городского населения, при этом еврейским промышленникам принадлежало около четверти предприятий Екатеринославской губернии. В первые годы XX века евреем Спектором в Екатеринославе был построен один из лучших на тот момент в Российской империи кинотеатр на тысячу мест. А памятник Пушкину, до настоящего времени украшающий город, был создан еврейским скульптором Ильей Гинцбургом.

В 1900-х годах еврейская жизнь Екатеринослава, несмотря на прокатившиеся по городу погромы, была разнообразна и активна. Ставились еврейские спектакли, строились новые синагоги и молитвенные дома, больницы и учебные заведения. Евреи участвовали в работе Городской думы, главным раввином города был избран Леви-Ицхок Шнеерсон, открылся Екатеринославский еврейский политехнический институт...

Всё это было уничтожено сначала революцией и Гражданской войной, потом вакханалией террора коммунистического режима. Тех, кто выжил, уничтожил Холокост. Казалось, еврейская жизнь разрушена навсегда и в удушающей атмосфере послевоенного антисемитизма ничего не могло уцелеть! Но так только казалось. Масштаб еврейского возрождения в Днепропетровске удивляет всех. И только любавичские хасиды улыбаются и говорят: «А как может быть иначе! Ведь Днепропетровск – город Ребе!»

№1 דאס ארײַטע און ערשטע און צווייטע.

Обучение детей в «Бейт Циндлихт» – сюжетно-ролевое, то есть через игру создается имитация будущей взрослой жизни, строится модель житейских ситуаций. К примеру, как ребенок будет общаться в больнице, библиотеке, магазине. Причем упор делается на самостоятельность ребенка, развитие его инициативности. По этому принципу – соответствующих игровых площадок, тематических зон – выстроено «жизненное пространство» в группах. Есть зона грамоты, математики, зона живого уголка, зона «изо», где дети занимаются рисованием, лепкой, аппликацией. В каждой группе есть уголок семьи как основы еврейской жизни: детей учат, как правильно общаться в семье и соблюдать традиции.

Кроме того, есть уголок Ребе. Дети обязательно произносят благословение на омовение рук, молитвы на хлеб, на соответствующие продукты. Каждую неделю проводится Каболас Шабос. В рамках «Бейт Циндлихт» организован свой хедер: 13 мальчиков пяти-шести лет занимаются отдельно, на иврите. Тору и традиции они изучают углубленно, с ними работают преподаватели из Израиля.

Есть в группах образовательные уголки – математики, грамоты, традиций – ребенок здесь работает самостоятельно. В начале года воспитатель приучает детей к работе, а к концу года они уже сами умеют работать в уголках: составляют слова, работают в паре (как «учитель – ученик»). Учебный процесс идет не только во время занятий, но и в свободное время.

Очень интересны дидактические игры на развитие математических способностей и логики. Есть компьютерный центр. Также в «Бейт Циндлихт» есть кружки – хореографии, английского языка, ребята занимаются физкультурой, с ними работает логопед.

Впрочем, дело воспитания ребенка не полностью переложено на плечи воспитателей – оно осуществляется совместно с родителями. В каждой группе есть стенд «Корзина добрых дел». Что это такое? Дома мамы пишут о том хорошем, что было сделано их ребенком (например, помог бабушке), передают записочки, а потом в группе при всех эти добрые дела озвучиваются. Не нужно говорить умные слова о «положительной мотивации» – и так понятно, что это хорошо стимулирует ребенка, а других детей заставляет задуматься и тоже делать добрые дела.

І. Ешкoлoвскaя.

Работает в «Бейт Циндлихт» родительский клуб. «Например, на Пейсах состоялась интересная встреча, – рассказывает руководитель программ по иудаике “Бейт Циндлихт” Юдит Барам. – Мы пытались нашим, в общем-то, светским родителям объяснить смысл праздника Пейсах, самые элементарные вещи: что такое Пейсах, Агода, какие продукты едят на Пейсах, как он празднуется».

К концу недели, на Шабос, все работы, которые дети готовили в течение недели (лепили, вырезали, клеили), воспитатели собирают и пишут письмо, так называемый «Родительский лист»: о том, что происходило в течение прошедшей недели. «Кроме того, что мы вкратце знакомим с недельной главой Торы, мы еще рассказываем, какие знания детишки получили по чтению, по математике, по другим предметам, какие новые песни пели, какие танцы танцевали, как они готовятся к следующему празднику. Родители в курсе всех событий», – поясняет Юдит Барам.

В «Бейт Циндлихт» – замечательный творческий коллектив работников. Однако здесь проводится в жизнь и принцип «здоровой состязательности» – проходит конкурс на лучшего воспитателя. Например, сейчас им стала воспитатель старшей группы Алла Александровна Шурпинова, больше семи лет отдавшая системе еврейского воспитания.

Садик живет по еврейскому календарю, все праздники связаны с еврейскими традициями. «В обычных детских садах праздники проходят в форме утренника. Мы же хотим каждый из них насытить своим содержанием. Праздники в форме утренника у нас проходят два раза в год – на Хануку и в конце года. Все остальные проходят в нестандартных формах», – объясняет Наталья Казаринская.

Р. Аиди.

Суккос, например, празднуют во дворе Центра: дети строят шалаши, в них трапезничают, общаются с родителями, исполняют обряды, на улице у них проходят конкурсы и танцы. На Ту би-шват показывали «психодраму» с участием родителей: «Это аллегория о мужчине, который выращивал дерево, – рассказывает Наталья Михайловна. – Дерево наполнялось соками, плодоносило и так далее. Каждый находил себя в этом рассказе, было очень интересно. А родители садились за столы и дорисовывали, как они представляют себе развитие событий. Мы как бы давали им “зерно”, а они его “проращивали”. Так мы охватывали две стороны: с одной стороны, они познакомились с праздником, узнали, что это Новый год деревьев; с другой – произвели для себя и своего ребенка какой-то психоанализ: как они видят свою семью, продолжение своей семьи, как это связано с их корнями».

«Летом работает программа детского отдыха, – далее рассказывает заведующая. – У нас два типа экскурсий – выездные и привозные. Привозные – это, к примеру, кукольный театр. Выездные – в конноспортивный клуб “Мустанг”, где дети катаются на пони, нам разрешают посидеть на лошадях, потрогать их. Экскурсии имеют не только развлекательное, но и познавательное значение. Мы ездили и в типографию, и на фабрику, где изготавливают воду, а также в зоопарк, планетарий.

№. י' ע"ג - א"ג

Две глобальные цели стоят перед еврейским детским садом: первая – дать детям еврейское образование, познакомить их со своими корнями, вторая – дать качественное образование, чтобы они смогли перейти из детского садика в еврейскую школу или спокойно учиться в любом другом заведении, в том числе не еврейском.

Создается впечатление, что организация детского дошкольного образования состоит «из мелочей». Но эти мелочи – тщательно продуманные и с любовью подогнанные детали, выстраивающиеся в целостную картину воспитания и обучения. Маленькая страна «Бейт Циндлихт» живет и работает гармонично, на одном дыхании.

«ААЕО ААДОЎ»: ААІ ДАЎ АЕВ І І АЕЕУЎ

«Дом для людей преклонного возраста “Бейт Барух”». Так называется это учреждение, в котором всё, начиная с названия, пронизано заботой о пожилых людях: как бы не обидеть! Даже словом...

Аркадий Тышман, построивший «Бейт Барух», оставил о себе добрую память – в этом доме ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ. А это так важно в старости...

«Чего можно ждать от дома, где живут старики?» – задаешь себе вопрос.

Когда мы подъезжали к «Бейт Баруху», наше внимание привлекло здание, стоящее напротив, – обыкновенный, выкрашенный синей краской, двухэтажный детский сад. Фасад к фасаду, на огороженной территории – симпатичный особнячок. «Какое-то иностранное посольство», – подумал я. Оказалось, это и есть «Бейт Барух». Самое интересное, что пять лет назад он выглядел точно так же, как его сине-сизый сосед.

Удивления не возникло бы, если бы мы приехали в фешенебельный санаторий «крутого» министерства. Но «дома для преста...» – извините, для людей преклонного возраста – и представляешь себе, и реально наблюдаешь в совершенно ином «виде».

Руководитель строительства многих «еврейских объектов» в Днепропетровске, в том числе и синагоги «Золотая Роза», заслуженный строитель Украины Аркадий Тышман незадолго до смерти сказал: «Дом для пожилых – это последнее здание, которое я строю. Я хочу, чтоб здесь жилось хорошо...»

«Бейт Барух» был построен за год. Вместо изначально существовавших двух этажей – три плюс цокольный, в котором чего только нет: и фитнес-центр со специальными тренажерами, и великолепно оборудованная прачечная, и холодильные установки для кошерных продуктов...

Круглосуточно дежурит медсестра, ежедневно ведет прием терапевт, в специальном кабинете работает психолог, приглашаются врачи других специальностей. Есть оснащенные по последнему слову техники кабинеты, изолятор. А также реабилитационный центр для перенесших операцию на шейке бедра – по специальной программе профессора Гарвардского университета Луиса Липшица.

Здесь заботятся не только о здоровье, но и о досуге: масса культурных, спортивных, развлекательных программ. Перечисляя клубы и кружки, трудно не сбиться: английского языка, идиша, компьютерный, шашечный, литературный... Конечно, женский клуб – вязание, вышивка, кройка и шитье, «очумелые ручки». Выпускается стенгазета «Погода в Доме», предусмотрено полезное для всех трудовое участие: работа в мастерских, на приусадебном участке. Есть компьютерный центр, в каждой из комнат (одно- и двухместных) – телевизор и холодильник. Просторная столовая, трехразовое кошерное питание...

В светлом молельном зале с Арон Койдеш проходят Б-гослужения, беседы о Торе. Здесь работает раввин и машгиах Сендер Казаков, лекции о еврейских традициях, культуре, истории читают приглашенные специалисты.

Одна из обитательниц «Бейт Баруха» изящно назвала его «теплым домом для людей в возрасте». Теплый он не только потому, что здесь есть своя котельная и проблема обогрева помещения, весьма актуальная на Украине, неведома его обитателям. Тепло исходит от самого уютного жилища, от обслуживающего персонала, от приветливого директора – Александры Моисеевны Кижнер. Его дарят и частые гости «Бейт Баруха» – учащиеся школы «Ор Авнер», девушки из «Бет Хань», представители фонда «Хесед Менахем».

А. Моисеева

Не так давно обитатели Дома получили замечательный подарок от Попечительского совета общины – новенький микроавтобус с кондиционером на 12 мест. Так что немолодые обитатели Дома теперь вполне мобильны – в «Золотую Розу», на экскурсию, в театр, на концерт попасть не проблема.

В «Бейт Барухе» живут пожилые люди пенсионного возраста, не имеющие родных. Самому молодому – 65, самой пожилой – 93. Важно, что у здешних домочадцев не забирают ни пенсии, ни квартиры, – этот факт удивляет даже гостей из-за границы. У 60 обитателей Дома – разные судьбы и разные дороги, приведшие их сюда. Часто невеселые и даже трагические...

È. Nèdèi tè-àí èí.

Катя Израилевна Скрипниченко – 1927 года рождения. Пять лет назад она первая переступила порог «Бейт Баруха»: «Я местная, днепропетровская, но жила без удобств, без воды, без туалета. Отопление было газовое, форсунка – на два часа хватало только. Вся моя семья умерла, я осталась одна... Наш раввин Шмуэл Каминецкий жил рядом, и мы иногда встречались на улице. Как-то он пришел ко мне домой, увидел, как я живу. Потом я выступила по телевидению. Я попросила спонсоров: помогите нам, пожилым одиноким людям, на старости лет немножко пожить. И спонсоры услышали – приехали из Америки, из Англии... Я живу только благодаря этому Дому. Здесь меня поставили на ноги. Медперсонал у нас исключительный – ласковый, добрый. Если бы не этот Дом, меня бы уже не было...»

Ò. Í ààí èòèàÿ.

Тамаре Ефимовне Паганицкой скоро исполнится 88 лет. Стаж работы – 54 года, последние 30 лет проработала старшим экономистом. Она говорит о себе: «Я бомж. Когда мне исполнилось 80 лет, жизнь сыграла с нами злую шутку: в 1971 году мой муж получил квартиру. Но нашлась такая дама, которая составила фальшивые документы, что я будто бы продала ей квартиру, – она поставила в суде свидетелей и выселила нас. Это было в 1998 году, в ноябре. Сначала жила у друзей. Каждый год – суды, у меня уже три инфаркта... Вот почему я попала в этот Дом».

Юзеф Львович Брагинский – 1921 года рождения, родом из Киева. На Кавказе окончил военное училище и сразу попал на фронт, был командиром минометной батареи. Прошел всю войну: освобождал Киев, Житомир, Бердичев, воевал под Вильнюсом, Бреслау, прошел Польшу, дошел до Берлина. Трижды

был ранен, стал инвалидом II группы: «Родные все умерли, из друзей тоже никого не осталось. Моего друга Виктора Чебрикова тоже уже нет. Раньше я каждый год 9 мая ездил в Москву, встречался с ним, с однополчанами. Я ведь ему жизнь спас...»

Это отдельная история – о том, как на Днепре, под Переяслав-Хмельницким, от разрыва снаряда Виктор Чебриков был заживо погребен в окопе под слоем песка. А Юзеф Брагинский его откопал – спас жизнь будущему члену Политбюро и главе КГБ СССР.

Однако, кроме воспоминаний о жизни прошлой, есть радости и в жизни нынешней. Три года назад Юзеф Львович... женился! Его избранницей стала Нина Русецкая, также обительница Дома для пожилых. Свадьба была в «Бейт Барухе».

Р. Ашәәітәәә ә І. Дәтәәәә.

Гене Шевелёвой – 85 лет. Родом она из еврейской земледельческой колонии Ингулец Широковского района Днепропетровской области, которую неофициально называли Гар Шефер (видимо, в память об одной из 42-х стоянок евреев во время их скитаний по пустыне). Во время войны немцы обнесли Ингулец колючей проволокой, дали евреям собрать урожай, а потом всех уничтожили... После войны Геня оставалась здесь последней из потомков жителей некогда самой крупной в Екатеринославской и Херсонской губерниях еврейской колонии, основанной почти 200 лет назад. Единственная из 12 детей большой еврейской семьи... «В Ингульце теперь бандеровцы живут, – говорит она. – Оскорбляли меня, жидовкой называли, хотели убить... Не думала я, что останусь жива. Там ничего не осталось, никого теперь нет. Спасибо раввину Каминецкому – где б я теперь была?»

А. Ойшкэйт

...В зимнем саду с искусственным водопадом, большим аквариумом и плетеной мебелью проникновенно звучит «А идише мамэ». В «Бейт Барухе» эту песню очень любят, здесь много таких мам... Сидящий рядом «идишер фотэр» тоже слушает с удовольствием – ведь идишкайт создается совместно! Хотя есть в репертуаре местного творческого коллектива, прозванного «Голдене идн», и произведения украинского фольклора, например: «Ты казала: “У субботу / Пидем разом в синагогу”»...

«Хороводит» здесь Ида Ципкина – под ее руководством разучили 120 песен на идише, иврите, английском, русском, украинском языках. Хор выступает на городских мероприятиях, на праздничных концертах, в Дни именинника, которые ежемесячно отмечают в «Бейт Барухе».

Е. Ойшкэйт

Сегодня Дом для пожилых справляет юбилей: пять лет назад, 31 января 2001 года, он принял своих первых обитателей. Или «резидентов», как таинственно, по-шпионски, называют их в официальных бумагах. А еще там сказано, что «Бейт Барух» – это совместный проект Днепропетровской религиозной общины и Всемирной организации Помощи и Утешения, что работает он при поддержке еврейской общины Бостона.

Останавливает внимание фраза: «Основной гуманной идеей было создание оптимальных условий проживания для наименее защищенных пожилых людей... как фактор укрепления их здоровья и продления независимой активной жизни». Но разве не за это же самое люди платят налоги, содержат правительство, министерства?.. Создается впечатление, что днепропетровская община «со товарищи» взвалила на себя функции, которые обязано выполнять государство. Которое, к сожалению, об этом не заботится. Или даже занимается вещами прямо противоположными... Что ж, спасибо днепропетровской общине! Наверное, в этом ее мицва, ее служение Б-гу. И людям преклонного возраста...

«ΑΑΕΘ ΟΑΙ Α»: ΕΟCΙ ΕΘΑ ΑΑΙ ΝΕΕΘ ΕΑΑΔΙΑ

Ο:εθαεϋαν,

Γοαο εεε ι αοϋ- ιϋι ιεοα

οι Α-αϊαδεε αιι δααϊι εα

Ο:εθααα ε οιδιοι

ηιει ιαδαυαεοαυι

Ναυι ιε Ερααε:νεεε Δααα

Ααϊνεε ιααααε:νεεε ειεεααε «Ααεθ Οαι α» - αεειποαυι ια α ΝΙ Α ο:αα ια ααααα εα ι ι ιαα ο ιαεα η αεαεεπο ια αεϋ αααενεε ο:αα ι ο αααααεε. Ιιι αυει τοεθιοι α Αια ορι'αο ορι'αεα ι ι ειεεαοεαα ε ι δε ι ιαααδεεα ι αεαοι αδρια ια ο ι ιαα «Ιθ Ααϊαδ» 10 εαο ιααα

М. Вебер.

«Для еврейской девушки быть учителем – это лучшее, что можно себе представить», – сказал, поздравляя колледж с юбилеем, раввин Днепропетровска и области Шмуэл Каминецкий. И продолжил: «Тем более учителем, получившим образование в таком учебном заведении, как “Бейт Хана”. Ведь наш колледж по праву является лидером еврейского образования в СНГ и делает всё, чтобы Днепропетровск стал столицей еврейского образования на пространстве бывшего СССР».

Что правда, то правда: «Бейт Хана» – уникальный образовательный комплекс. В колледже учатся около 170 девушек из разных городов Украины и СНГ. Возраст студенток – от 15 до 26 лет. Существуют разные варианты образования – четыре и пять лет (на базе 11-ти и 9-ти классов), система заочного образования (в ней три с половиной и пять с половиной лет обучаются еще около 130 студенток), работают курсы повышения квалификации.

Директор «Бейт Ханы» Тамара Григорьевна Ольшаницкая объясняет: в колледже получают дипломы по нескольким специальностям: воспитатель детского сада, учитель начальных классов, музыкальный руководитель. С Ялтинским гуманитарным институтом разработана совместная программа: выпускницы «Бейт Ханы» учатся там два года, после чего получают диплом о высшем образовании по специальности «преподаватель иврита». В программу обучения входит языковая, религиозоведческая и страноведческая практика в Израиле; в качестве педагогической практики студентки «по полной программе» работают в одном из учебных заведений СНГ.

ò. Íéúóáí íéáí.

В стенах «Бейт Хань» по инициативе еврейской общины Бостона и в рамках проекта «Кехила» в 1998 году создан «Образовательный ресурсный центр для детей с особыми потребностями». Сюда привозят детей с патологиями, с ДЦП из Днепропетровска и области (причем не только еврейских детей). Этот специализированный центр – и реальная помощь детям-инвалидам, и важная составляющая образовательного процесса для студенток колледжа.

Приезжают в днепропетровский колледж специалисты из Израиля. Тамара Григорьевна рассказывает: «У нас есть “академические партнеры”, выбранные министерством образования Израиля. Например, с “Бейт Ханой” третий год работает доктор Перетц. Специально для нас он создал уникальную авторскую программу по изучению иврита для иностранцев. Он приезжает несколько раз в год, читает лекции, тестирует студентов, работает с преподавателями колледжа. А также пополняет нашу методическую базу». Здесь преподает, а также создает новые и совершенствует старые программы Арье Вутка – специалист по курсу еврейских традиций из Израиля.

В «Бейт Хане» существует мощная компьютерная база, и все стороны обучения (за исключением разве что спорта, музыкального и изобразительного искусств) основательно компьютеризированы. Студентки учатся сами создавать компьютерные программы, тесты, сайты в Интернете. В колледже выпускают свой журнал, литературный альманах, проспекты и пособия. Проводятся здесь интернет- и видеоконференции заочного обучения. А во время практики студенток в Израиле – телемосты прямо от Стены Плача! В зале «Бейт Хань» собираются родители, преподаватели колледжа, студенты других курсов... Такие мультимедийные конференции, по мнению Тамары Ольшаницкой, дают огромный эффект – и дидактический, и эмоциональный.

Уроки прикладного искусства ведет Элла Драгунова. Она учит вышивке, лепке, умению создавать аппликации и великолепные работы из самых «бросовых» материалов (проволоки, кожи, глины, рыбьей кости, яичной скорлупы). «Это умение нужно любой женщине и любой матери», – считает Элла Валентиновна. В колледже работает масса кружков – рукоделия, бисероплетения, театральный, журналистики, еврейской кухни... Здесь прекрасная библиотека, в которой насчитывается около 15 тыс. книг, – хотя начинали когда-то с 30 брошюр... У «Бейт Хань» – свой автобус, прекрасное общежитие, девушки живут на полном пансионе и получают стипендию. Конечно, здесь обязательно кошерное питание, и поначалу для тех, кто попал сюда из нерелигиозных семей, это непросто.

Рассказывает Нина Нефедова из Одессы, студентка I курса: «Хотя мы с бабушкой в Одессе ходили покупать мацу, я попала сюда из другого мира. Здесь все ходят в длинных юбках. Но к этому привыкаешь, это нормально. Меня очень хорошо встретили. Я живу в общежитии, там очень весело, скучно не бывает. Хорошие воспитатели, за нами смотрят. Условия очень хорошие! Я думаю, что в государственных учебных заведениях таких условий нет. Моя специальность – педагог младших классов. Моя цель – получить образование и работать с детьми. Хотелось бы, чтобы это было в еврейской школе, потому что там дети интереснее...»

Девушки большую часть времени проводят в «Бейт Хане». Конечно, достичь полного взаимопонимания непросто, поэтому работает психолог, проводится тестирование, выявляются уровни совместимости. Здесь нет нездоровой конкуренции, желания самоутвердиться за счет другого. И хотя обычные бытовые и психологические трудности возникают, решаются они легко и без надрыва.

Этим занята отдельная «бригада» воспитателей. Они рассказывают: да, у девочек бывают мелкие «нестыковки» – возраст такой. Но из этого здесь не делают «проблем вселенского масштаба». Не нашли общего языка? Поссорились? Не хотите больше жить в одной комнате? Не беда, главное – выяснить причину возникшей неурядицы и найти правильное решение. Как заметила одна из воспитателей: «Мы здесь работаем общественными мамами».

Девочки приходят на учебу в «Бейт Хану» вследствие разных мотивов и жизненных обстоятельств. Многие абитуриентки колледжа из неполных семей, где дома – тяжелые материальные условия, есть девочки-сироты. «Бейт Хана» гарантирует трудоустройство по окончании колледжа. Но не только это приводит их сюда. «Перед смертью моя бабушка наказала мне не потерять свои еврейские корни. И я приложу все возможные усилия для исполнения ее желания», – написала в сочинении «Я и “Бейт Хана”» Карина Пономарева.

В колледже, говорит заместитель директора по национальному компоненту раввин Моше Вебер, готовят совершенно особые кадры: во-первых, педагогов и воспитателей для еврейских школ и детских садов СНГ, во-вторых, «частных педагогов» – учителей и воспитателей в еврейские семьи: эта категория становится всё более востребованной. В-третьих, здесь готовят будущих жен раввинов. И хоть это «штучный товар» и говорить о какой-то «специальной подготовке» в данном случае неуместно, однако такие случаи нередки, и это радует. Раввины – тоже люди, где же им искать будущих жен? В боулинг-центрах, что ли? Так что, смеется раввин Вебер, «наши выпускницы – не только учителя для еврейских учебных заведений СНГ, но и невесты для всего мира».

Рассказывает выпускница 2005 года Сара Бетина: «Я из Днепропетровска, живу рядом. Из моего окна видна “Бейт Хана”, поэтому, еще учась в школе, я знала, в какой колледж поступлю. До того, как я попала в “Бейт Хану”, я практически ничего не знала об иудаизме, – кроме того, что у меня есть еврейские корни... Не могу сказать, что не было сложностей, потому что для меня это новый мир. Но благодаря отношениям, принятым здесь, благодаря воспитателям, руководству, старшим студентам мне было проще войти в этот мир. Студенты здесь всегда могут найти себя. К примеру, мне по душе пришлось музыка. Когда я окончила “Бейт Хану”, я осталась здесь методистом. Сейчас работаю над методическим пособием по изучению “Танаха” для 5–7 классов, а также учусь в Крымском гуманитарном университете. Через несколько дней у меня будет свадьба. Надеюсь, что с Б-жьей помощью создам настоящую еврейскую семью».

Выпускницы колледжа пользуются большим спросом в еврейских учебных заведениях СНГ. «Раввины уже с января месяца начинают звонить в “Бейт Хану”, просить учителей к новому учебному году, – говорит Тамара Григорьевна. – Хотя давно пора присылать своих абитуриентов, готовить собственные кадры, которые возвращались бы домой – туда, где их родители, где есть квартиры, где они выходили бы замуж».

Большинство выпускниц колледжа после его окончания не теряют связи со своей «альма-матер». За это ответственно специальное подразделение «Бейт Ханы» – ее методический центр «Бяхад». Его руководитель Софья Коган рассказывает, что три раза в год они проводят недельные методические семинары, поддерживают постоянную связь с выпускницами, всегда готовы оказать помощь методическими материалами, аудио- и видеопособиями, программами, консультациями, добрым советом и просто дружеским «Шалом!»

У выпускниц «Бейт Ханы» – особая закалка и особый психологический настрой: «Надо – сделаем!» Рассказывают о девушке, в период обучения в колледже считавшейся, как говорят, «не подающей надежды». После окончания «Бейт Ханы» она уехала в маленький город в Германии, где не было никакой еврейской жизни. Так она возродила там еврейскую общину! Немецкие газеты писали о ней: организовала курсы, сформировала группы, преподает... Сам местный раввин говорит: «Раввин здесь не я, а эта Алиса из “Бейт Ханы”».

И всё-таки «Бейт Хана» – это не только глубокое образование, серьезный и весьма обширный набор знаний, но прежде всего воспитание. Необходимо не просто привить девушкам знание еврейских традиций, но сделать эти традиции мировоззрением, образом жизни, содержанием дальнейшей работы. Это требует внимания к каждой учащейся, тщательного отбора будущих кадров. Виктория Пинькас – заместитель директора по воспитательной работе – пояснила: «Для нас очень важно и поведение девушек, и отношение их к традициям, к ивриту, к тем моральным требованиям, которые мы предъявляем».

В. Пинькас.

Способствует этому летняя программа «Абитуриент». Она проводится с 1999 года в специально организуемых летних лагерях. Жизнь на природе, соответствующее «наполнение» и общение в неформальной обстановке позволяет скорректировать итоги вступительных экзаменов. Зачастую те, кто показал самые высокие результаты при поступлении, расстаются с «Бейт Ханой». И, напротив, менее успешные «общеобразовательно», но более подготовленные психологически и духовно остаются, впоследствии показывая блестящие результаты.

У молодых девушек, поступающих в колледж, заметна гордость за свою принадлежность к еврейству. Вот что пишут они в сочинениях о «движущих силах» выбора этого учебного заведения: «“Бейт-Хана” дает возможность полностью погрузиться в мир иврита и еврейских традиций» (Надежда Журавель); «это шанс получить достойное еврейское образование, возобновить утраченные традиции и обычаи в нашей семье» (Карина Пономарева); «интерес к иудаизму, желание познать все грани веры такого мужественного народа, как евреи» (Диана Яворская). Эта «бейт-ханианская гордость» – национальный и корпоративный патриотизм – дорогого стоят.

«Бейт-Хана» – своего рода «теплица». Здесь царит особый микроклимат и господствует особый дух, пропитанный содружеством и сотворчеством. Благодаря этой «тепличности» в колледже царит очень домашняя, семейная атмосфера. Соответственно, подобрался особый коллектив. «В “Бейт-Хане” работают только те люди, для которых это стало смыслом жизни и образом мышления. Не жить этим невозможно», – говорит Виктория Пинькас. «Это не просто работа, это диагноз», – смеется Софья Коган.

Это подтверждают и сами студентки. Вот как охарактеризовала работу своих наставников Надежда Журавель: «Слова преподавателей затрагивают душу и входят в сердце». Остается надеяться, что о выпускниках «Бейт-Ханы» их будущие воспитанники скажут то же самое...

יִי אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ בְּאוֹרֵנוּ

Óòðáííÿÿ ï íéèòàà çàéíí-ééáñí Ñéáòóú è òòéééíú íðÿ-òòíÿ á òéáòú, «Çíéíòáÿ Ñíçà» ïííáí ííáò íáíòááò... È ááòá ííá íáíááí è Áíáí ðííáò ðíáíéíé ñéíáááé ðíáéááòíÿ íáíÿ: «Í á ííòíí ó èüí / Óáé ñò ðáííí è íá-áéüíí / Í ú çáí íééááí, áéÿáÿ á íáááíá...» Ááííí áðòí úá «Èòðááéé» Bíá Óðáí éáéÿ è Ðáííéá Ááí çàòíáà çáò-àò íá èééòá Ýòí çíá-èò, ÷òí çáííí áí íáí ííáðáéíÿ ðíð «Ááéò Ááðóó». Ýðéí çáí á-àòáéüíí úí áíéáéüíí úí éíééáéòéáíí ðéíáíáéò Bí Ñéáéüéíáíééé. Í í ýòí íá ááéííòááííá áá çáí ýðéá..

È. Áááðéç.

Ян Сидельковский – координатор совместного проекта общин Днепропетровска и Бостона «Кехила». Этой дружбе уже больше восьми лет, и за прошедшее время для евреев и неевреев Днепропетровска, области и всей Украины сделано немало добрых дел. В активе совместной с бостонцами работы – реабилитация после операций на тазобедренном суставе при Доме для пожилых «Бейт Барух». Однако самая большая гордость Яна Сидельковского – «Центр охраны здоровья женщин имени Корки Рыбаковой» при горбольнице №9, достижения которого уникальны даже в масштабах СНГ. Центр назван в честь матери одних из главных спонсоров программы – Чарльза и Петти Рыбаковых.

Программа охраны материнства и детства, реализуемая днепропетровской общиной при помощи общины Бостона и при поддержке бостонского медицинского центра «Бейт Исроэл Диконес», направлена в основном на помощь нееврейскому населению, всем жителям страны в трудное для них время.

Что представляет собой Центр? Он занимает один из этажей нового здания городской больницы, где используется оборудование известнейших фирм мира – последнее слово медицинской техники. А главное, Центр реализует самый передовой опыт медиков США по оказанию помощи при заболеваниях шейки матки, молочной железы, гинекологических патологиях, инфекционных болезнях.

«На сегодня в области патологий шейки матки центр не имеет себе равных, – рассказывает Ян Сидельковский. – Он ежегодно принимает порядка десяти тысяч женщин, около тысячи женщин ежемесячно. Самое важное, что здесь производится ранняя диагностика онкологических заболеваний шейки

матки. Поэтому если раньше в 30–40% случаев заболевание выявлялось на поздней стадии, то сегодня этот процент упал до трех. Безусловно, это очень важно для национального здравоохранения».

Рассказ Яна Львовича дополняет заведующая консультационным отделением Центра Людмила Гавриш: «С февраля 1997 года в Центре прошли обследование около 100 тысяч женщин! Прискорбно, но диагноз “рак шейки матки” ставят пациенткам, начиная с 15-летнего возраста. Более полутора тысяч женщин уже прошли здесь лечение, несколько пациенток, которым был поставлен такой диагноз, уже родили детей».

Еще одно важное направление работы Центра – исследование молочной железы. «Эти заболевания – следующие по тяжести, они дают около 45% отрицательной статистики, – объясняет координатор проекта “Кехила”. – Но у нас серьезно этим не занимаются. Поэтому, когда женщины попадают к врачу, бывает уже поздно... Новый прибор, маммограф, который нам прислали из США, способен решить эту проблему. Здесь будут делать скрининг молочной железы всем женщинам, начиная с 40 лет».

Все работающие в Центре врачи прошли стажировку в госпиталях Бостона и постоянно получают дополнительный «тренинг», поскольку сюда регулярно приезжают врачи из США, проводят конференции, семинары, обучают самым современным методам оказания гинекологической помощи. Все услуги и лечение в Центре оказываются бесплатно.

Если деятельность по программе «Кехила» для Яна Сидельковского – ответственная и серьезная работа, то хор «Бейт Барух» – его страсть. Как же еще можно назвать то, чем постоянно заняты мысли, что является объектом его забот и тревог? Хобби? Увлечение? Детище? Любимое занятие? Нет, это именно СТРАСТЬ.

Скоро хору исполнится 10 лет, в его репертуаре песни на иврите, на идише, а также «идишизированные» (на русском и идише одновременно) – всего около 30 песен. Солирует в хоре Владимир Могелат.

Девять лет назад начинали с простых песен, репетировали на втором этаже «малой» синагоги на улице Коцюбинского. У каждого хориста – своя история о том, как он попал сюда. У одного, как у Славы Дубинского, были трудности с речью, и врачи посоветовали ему петь. Сейчас он действительно стал чисто говорить! Другой пришел, когда потерял сына и не знал, что с собой делать. «Вдруг он услышал, как мы пели, – рассказывает Ян Львович. – Он пришел и спросил: “Можно, я с вами посижу?” Я увидел его лицо и согласился».

Он оставил этого человека не за голос, признается Ян Сидельковский, а из-за его души. И он не ошибся: «Когда вы слушали песню “Журавли”, вы обратили внимание на расстановку? Два крыла женщин,

а впереди – мужская часть, которая поет за тех, кого нет. Сегодня этот человек не смог прийти, он нездоров, но он поет с нами, он относится к этой же журавлиной стае».

Для «Журавлей» Ян Сидельковский сделал специальную хоровую аранжировку, на идиш песню перевели Татьяна и Матвей Зогот – знатоки еврейского песенного фольклора. Увы, Матвея Зогота уже нет в живых. «В хор приходят новые люди. А те участники, которые перешли в журавлиную стаю, о которой мы поем, нас слышат... И мы тоже слышим их голоса. Поэтому наши голоса – вместе с той журавлиной стаей – делают особым, неповторимым звучание этой песни», – говорит руководитель коллектива.

Y. Neamen

Хор исполняет песню на иврите «Э-ли Э-ли» – об обращении к Б-гу, о тихой молитве души, которая, оказывается, громче гремящего грома и более вечна, чем мир, существующий миллионы лет... Средний возраст хористов – 75 лет, многие из них пережили Холокост, были, как Эля Шафирович, малолетними узниками гетто. Для каждого из них эта песня – возможность поблагодарить Б-га за то, что дожил до сегодняшнего дня: «Они могут стоять гордо и достойно. И петь, получая аплодисменты не из сочувствия, а именно за то, что сделали за эти девять лет», – говорит Ян Львович.

«Бейт Барух» является не просто хором ветеранов при синагоге. Это форма жизни пожилых людей, их клуб. Они не только репетируют и ездят на концерты, но и общаются, отдыхают, вместе проводят свободное время. «Мы отмечаем здесь все дни рождения, все события – и торжественные, и печальные, – говорит староста хора Оксана Легостаева. – У нас это не хор, это самая настоящая семья! И счастье, что она у нас есть. К примеру, у меня родители рано ушли из жизни. Так здесь я нашла двух мам! Это Татьяна Зогот и Мария Дрендель. Когда мой муж лежал в больнице, они очень мне помогли. Они переживают и за меня, и за моих внуков, и за всех: у кого кто и как учится в школе, у кого нет близких... Мы все волнуемся, если кто-то болеет, ездим в больницы, в любое время дня и ночи звоним, поддерживаем».

Ян Львович заметил: после каждого выступления у хористов повышается активность, улучшаются здоровье и память: «У нас часы как бы повернулись вспять – они молодеют с каждым днем! Каждый раз они чувствуют себя настоящими звездами. Думаю, скоро они смогут перейти в детскую группу», – смеется он.

Выступления хора имеют небывалый успех. Четыре песни записаны на диск, впереди – большие планы: записать полностью диск коллектива, сделать юбилейный концерт, пригласить на него другие коллективы, которые выступают вместе с «Бейт Барух».

«Выступления хора запоминаются не только потому, что они поют “золотыми голосами” – их здесь не так уж много, всего несколько. Ощущение одного коллектива, где более сильные голоса являются своеобразными крыльями, поддерживающими более слабые, – вот что для нас важно, – говорит Ян Сидельковский. – Мы живем одной семьей, и я рад, что это помогает им выживать. Они знают, что приносят пожертвования – своего времени, своего голоса, своей души».

E. Eadilat